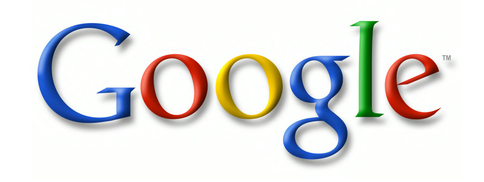
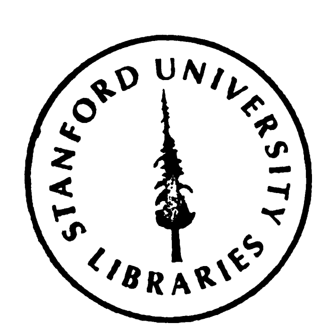

ОЧЕРКИ
ИЗЪ ИСТОРІИ
ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

ВЫПУСКЪ 2-й.

Изслѣдованіе И. И. ДУБАСОВА.

Е. Аквилоновъ.
18 8/25 94. СПБ.
— отъ Автора.

[illegible]
Типографія [illegible] [illegible]
1883.

Дозволено цензурою, Москва, 30-го ноября 1883 года.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРІИ ТАМБОВСКАГО КРАЯ.

Я приступаю ко второму выпуску своихъ „очерковъ,“ разработанному почти исключительно на основаніи Московскихъ архивныхъ документовъ, вообще представляющихъ для изслѣдователей русской исторической жизни безцѣнныя и, къ сожалѣнію, еще мало извѣданныя сокровища. Какъ одинокій работникъ и какъ педагогъ, занятый службою почти круглый годъ, я, разумѣется, далеко не воспользовался какъ надобно архивными матеріалами, дающими обширное поле дѣйствія для нѣсколькихъ поколѣній... Поэтому моя работа будетъ имѣть характеръ *эпизодическій.*

Отдавая немногіе досуги свои изученію прошлой жизни нашего глухого края, я имѣлъ въ виду, что не одни битвы и дипломатическіе трактаты составляютъ серьезную тему русской исторіи. Я полагалъ и полагаю, что будничная, ежедневная народная жизнь съ ея *злобами дней* и съ ея массовыми интересами, гдѣ бы она ни развивалась: въ центрахъ государства или въ глуши и на окраинахъ, есть наиболѣе важный предметъ для историка—изслѣдователя. Не въ Петербургѣ же совершается теченіе нашей всенародной жизни, а во всемъ царствѣ, въ этихъ Тамбовскихъ, Шацкихъ и подобныхъ захолустьяхъ...

Во второмъ своемъ выпускѣ, какъ и въ первомъ, я буду держаться хронологическаго порядка, при чемъ постараюсь всѣ главы этого изслѣдованія по возможности связывать между собою.

До второй половины XVII вѣка Тамбовскій край, какъ извѣстно, былъ Московской украйной, дремучимъ лѣсомъ и дикимъ полемъ. Какіе факты мѣстной жизни издавна совершались въ немъ, какими радостями и какимъ горемъ волновались наши аборигены—это намъ почти неизвѣстно. И тѣмъ заманчивѣе для насъ наша прошлая жизнь, которую мы узнаемъ случайно и отрывочно.

Отдѣльныя лица и цѣлыя общества нерѣдко подвергаются болѣе или менѣе тяжкимъ страданіямъ. Про иное горе идетъ молва по всему свѣту, ему сочувствуютъ, его извѣстнымъ образомъ прославляютъ; и благо этому признанному горю. Но бываетъ и такъ, что свирѣпыя житейскія драмы совершаются въ тиши и молча. Тутъ неисходнаго человѣческаго горя еще больше, тутъ оно одно съ самимъ собою.

Такія мысли явились у насъ по поводу одного лѣтописнаго сказанія, имѣющаго несомнѣнно близкое отношеніе къ прошлымъ судьбамъ нашего роднаго края.

Лѣтописецъ говоритъ: „въ лѣто 1237 безбожный Батый, молніина стрѣла, съ безчисленнымъ множествомъ Агарянъ безвѣстно пріиде лѣсомъ и *ста на рѣки на Воронежи на Онозѣ и взя ее плѣномъ* и посла послы бездѣльные, жену чародѣйцу и съ нею два мужа, на Рязань къ великому князю просити десятины во всѣхъ, и во всякихъ людѣхъ, и въ животѣхъ, и въ скотѣхъ и во всемъ.“

Рѣка Воронежъ протекаетъ по нѣсколькимъ Тамбовскимъ уѣздамъ. Батыевы полчища простирались до полумилліона человѣкъ и во время своего грознаго похода конечно шли на значительныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. На этомъ основаніи можно думать, что и

наши Тамбовскія дебри въ свое время испытали весь ужасъ татарскаго нашествія и это тѣмъ болѣе, что дикіе Азіатскіе кочевники только что почуяли русскую кровь.

Батый остановился станомъ *на Воронежи на Онозѣ* въ декабрѣ, подъ защитою нашихъ вѣковыхъ лѣсовъ, давно уже срубленныхъ и обращенныхъ въ дымъ.

Что такое Оноза? Покойный Погодинъ думалъ, что это Усмань, но Усмань основана въ 1646 году. Надеждинъ и Соловьевъ полагали, что Оноза—одинъ изъ притоковъ Суры, но рѣки въ плѣнъ не берутся. Вѣрнѣе всего, Оноза—погибшій городъ, по всей вѣроятности Мещерскій.

Въ Батыевомъ станѣ на Воронежѣ погибъ извѣстный Рязанскій князь Θеодоръ. Лѣтопись говоритъ объ этомъ такъ: „Посла князь Георгій сына своего Θеодора къ нечестивому царю Батыю съ дары и съ великимъ моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли. Князь же Θеодоръ пріиде къ Батыю на Воронежъ.“

Татарскій ханъ охотно принялъ Рязанскіе дары, но въ то же время потребовалъ себѣ десятины со всѣхъ людей мужескаго и женскаго пола и жену князя Θеодора Евпраксію *къ себѣ на ложе*. На послѣднее дерзкое требованіе благородный князь отвѣчалъ Батыю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „не подобно есть намъ христіанамъ къ тебѣ водити жены своя на блудъ.“ Тогда раздраженный язычникъ велѣлъ на глазахъ своихъ убить молодого князя со всею его свитою. Услышала объ этомъ княгиня Евпраксія и вмѣстѣ съ малолѣтнимъ своимъ сыномъ Иваномъ бросилась съ высокой стѣны и разбилась до смерти.

На той же рѣкѣ Воронежѣ, близъ Рязанской границы, произошла битва Рязанской дружины съ татарскими полчищами. Одинокіе Рязанцы *вси полегли костьми за землю русскую.*

По всей вѣроятности, вышеуказанные факты совершались въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи. Съ тѣхъ поръ русскій элементъ, уже начинавшій съ силою водворяться въ нашихъ привольныхъ лѣсахъ и степяхъ, уничтоженный ордою, надолго скрылся изъ мѣстнаго географическаго района, какъ господствующій элементъ. Судьба нашихъ русскихъ аборигеновъ XIII столѣтія представляется намъ тѣмъ болѣе трагическою, что мы догадываемся о ней только по лѣтописнымъ намекамъ и совершенно безсильны воспроизвести полную, совершенно достовѣрную и яркую картину былыхъ страданій мѣстнаго народонаселенія.

Въ теченіе XIV, XV и XVI столѣтій край нашъ понемногу снова сталъ наполняться русскими людьми. Началась продолжительная племенная борьба. Строились у насъ православные монастыри и церкви. Усиленно развивалась сторожевая и станичная служба, слѣды которой досѣлѣ ясны и грандіозны и выражаются въ монументальныхъ земляныхъ работахъ отъ Козлова, мимо Тамбова, къ Усмани и отъ Шацка, мимо Керенска, на Пензу. Медленно, но вѣрно склонялись передъ славяно-руссами Татары, Мордва и Мещера...

Въ смутную эпоху начала XVII столѣтія весь Тамбовскій край подвергся *шатости*. Елатьма стояла за Владислава и Литовцевъ, а Темниковъ—за Тушинскаго вора. Много русской и инородческой крови пролилось въ тѣ тяжкія времена и нѣтъ объ ней прочной памяти и вѣроятно не будетъ. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ отрывочно говорится, что вся наша Мордовско-Мещерская сторона приведена была къ законному царю Шуйскому Рязанскимъ воеводою Прокопіемъ Ляпуновымъ, но этотъ народный герой самъ скоро погибъ отъ польской интриги и уже при Михаилѣ Θеодоровичѣ Романовѣ началось постепенное умиротвореніе нашего края.

Первый царь изъ дома Романовыхъ долженъ быть намъ особенно дорогъ. Онъ обращалъ большое внима-

ніе на всю нашу юго-восточную украйну, онъ строилъ у насъ крѣпости и засѣки, проводилъ сторожевые валы и ласкалъ нашихъ воеводъ. (*) Шацкій воевода Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ въ 1613 году былъ даже удостоенъ чрезвычайной царской почести. Онъ былъ отправленъ посломъ въ Англію къ королю Іакову I-му Стюарту съ извѣстіемъ о возшествіи молодого царя на престолъ и съ жалобами на неправды Польскаго и Свейскаго королей. Статейный списокъ объ этомъ посольствѣ, еще ни однимъ ученымъ не тронутый, былъ въ нашихъ рукахъ, благодаря просвѣщенной любезности директора Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ барона Бюлера. На основаніи этого интереснаго документа мы и намѣрены сообщить нашимъ читателямъ всѣ добытыя нами свѣдѣнія о Зюзинѣ.

I.

Посольство Шацкаго воеводы А. И. Зюзина въ Англію. (**)

Цѣль посольства Зюзина къ Іакову I-му заключалась, какъ мы сказали уже, въ извѣщеніи объ избраніи Михаила на престолъ и о *причиненномъ отъ поляковъ и шведовъ разореніи Россійскому государству*. Кромѣ того, посламъ Зюзину и его товарищу, дьяку Алексѣю Витовтову, вмѣнено было въ обязанность *войти къ Аглицкому королю съ прошеніемъ о дачѣ вспоможенія противу поляковъ и шведовъ деньгами и воинными припасами*. По

(*) **Примѣчаніе:** Строителемъ Тамбова и первымъ его воеводою былъ, какъ извѣстно, стольникъ Р. Ѳ. Бобарыкинъ. Онъ происходилъ изъ Московскихъ дворянъ и дожилъ до глубокой старости († въ 1682 г.). Незадолго до смерти Романъ Ѳедоровичъ получилъ званіе царскаго окольничаго и сталъ очень близокъ ко двору царицы Натальи Кирилловны. Во время боярской борьбы съ Никономъ, Бобарыкинъ былъ противъ патріарха и даже велъ съ нимъ личную тяжбу.

(**) Стат. списокъ Зюзина хранится въ Моск, главномъ архивѣ подъ № 3, *дѣла Аглицкія*.

дорогѣ Зюзинъ и Витовтовъ должны были заѣхать къ Датскому королю *Крестьянусу*, къ которому была царская грамата о пропускѣ посольства. Въ посольской инструкціи Шацкому воеводѣ велѣно было подробно разузнавать, *кто съ кѣмъ изъ иноземныхъ государей въ войнѣ или мирѣ*, такъ какъ Московское государство пребывало тогда въ полномъ невѣдѣніи условій и фактовъ западно-европейской политики.

28 іюня 1613 года въ посольскомъ приказѣ Зюзину и всей его свитѣ было объявлено: „царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ велѣлъ дворянину и намѣстнику Шацкому для своего государева великаго дѣла идти къ Английскому королю *Якубу Ондреевичу* въ послѣхъ, а идти ему на Вологду Двиною къ новому Архангельскому городу не мѣшкая, а проѣхавъ на Вологду взять ему у князя Ростовскаго суда, и какъ пріѣдутъ къ Архангельскому городу и о томъ отписати государю царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу къ Москвѣ.“

22 августа 1613 года послы прибыли въ Архангельскъ, 29 сѣли на Англійскій корабль и въ сопровожденіи подъячаго *Андрюшки Семенова* да переводчика изъ Московскихъ нѣмецкихъ толмачей *Андрюшки Андреева* отправились въ продолжительное путешествіе.

„Сентября 3-го, доносилъ впослѣдствіи Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ,—учалъ быть на морѣ вѣтръ и насъ по морю носило по 19 число. И намъ посламъ и всякимъ людямъ скорби были великія. И пронесло корабль мимо Шкотцкой земли и октября 13-го увидѣли мы берега Аглицкіе.“

Англія произвела на нашихъ пословъ, весьма понятно, самое сильное впечатлѣніе. Привыкши видѣть у себя на родинѣ деревянно-соломенныя поселенія, почти совершенно чуждыя европейской культуры, наши наивные путешественники всему удивлялись въ заморскомъ

царствѣ и недоумѣвали по поводу басурманской хитрости и богатства.

„ Города въ Англіи, писалъ Зюзинъ,—каменные и посады у нихъ великіе. По морскому берегу села и деревни многія. Въ вотчинахъ королевскихъ и боярскихъ и у удѣльныхъ князей и иныхъ ближнихъ людей въ селахъ и деревняхъ устроены каменныя палаты великія и высокія и домы всѣ каменные.“

22-го октября послы Темзою подошли къ Лондону. Въ тотъ же день былъ у нихъ на кораблѣ *Аглинскій гость Иванъ Ульяновъ* и отъ королевскаго имени спрашивалъ:“ великій государь нашъ король Якубъ Ондреевичъ велѣлъ вамъ поклониться и о здоровьи спросить.“ И послы на королевскомъ къ себѣ жалованьи челомъ били. Вскорѣ къ нимъ пріѣхалъ *воеводи Капитонъ* (капитанъ?) и съ нимъ *служилыхъ людей* 12 человѣкъ для нихъ *посольскаго оберганья*.

Когда послы ѣхали въ Гревзендъ, то *были стрѣльбы великая* со всѣхъ береговыхъ укрѣпленій. „А наряды у нихъ, замѣчаютъ послы,—многіе и великіе.“

Въ Гревзендѣ, гдѣ Зюзина встрѣтило *человѣкъ 200 и больше и челомъ ему ударили*, русское посольство пробыло по 25-е октября. Здѣсь его посѣтилъ королевскій уполномоченный *Томасъ Ѳоминъ Смитъ* и спрашивалъ отъ имени Іакова 1-го о царскомъ здоровьи. И послы отвѣчали: „Божіею милостію государь нашъ на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ россійскаго царствія въ добромъ здоровьѣ.“

26-го октября, послѣ торжественнаго въѣзда въ Лондонъ, причемъ Зюзинъ и Томасъ Смитъ ѣхали въ одномъ экипажѣ, послы отправились на аудіенцію въ лодкахъ. По этому случаю опять была *стрѣльба великая*: съ кораблей со всѣхъ стрѣляли и изо всего берегового наряду. А какъ стрѣльба *поминовалась, князь Томасъ* говорилъ: „такая стрѣльба была по королевскому велѣнью для великаго государя царя и великаго князя и

для вашей посольской чести, и ни которымъ посламъ иныхъ государствъ въ Аглицкой землѣ такой чести не бывало.“

На берегу пословъ встрѣтили королевскіе придворные въ богатыхъ бархатныхъ кафтанахъ *съ цѣпьми золотыми верхомъ и иныи.* „И были къ тутъ, описываетъ Зюзинъ,—королевскіе дворовые люди и драбанты въ цвѣтномъ платьѣ съ протазаны золочеными человѣкъ съ полтораста, а напереди и назади у нихъ золоченые королевскіе признаки. Да и многіе всякіе люди въ тѣ поры были кашедчи.“

По обыкновенію, дворянину Зюзину дана была правительствомъ подробнѣйшая *память* относительно всѣхъ его поступковъ, словъ и чуть ли не помышленій.

Если его спрашивали про великаго государя, онъ отвѣчалъ въ самомъ надменномъ тонѣ; если любопытствовали про Заруцкаго и *Маринку* и про иныхъ государевыхъ *ворговъ*, Зюзинъ говорилъ исключительно *по писаному*. „А пуще всего, докладывалъ онъ впослѣдствіи въ Москвѣ,—берегъ я высокую государскую честь, чтобъ не было ни какой порухи государевой славѣ.“

Понятно, что торжественныя встрѣчи въ Англіи крайне льстили національному и личному честолюбію нашего Шацкаго воеводы. Послы съ блестящею Англійскою свитою пріѣхали въ посольскую квартиру, пышно здѣсь пообѣдали и *немало* пили за царское и королевское здоровье. Относительно послѣдняго пункта въ посольской инструкціи ничего не было сказано, по этому Московскіе гости въ служеніи Бахусу ни чуть не отставали отъ своихъ гостепріимныхъ хозяевъ...

Значительно подгулявши, Зюзинъ въ концѣ обѣда сталъ хвалиться Московскими обычаями. „Служимъ мы великому государю своему, покрикивалъ онъ толмачу Андрееву,—съ прямымъ радѣніемъ и во всякой холопьей правдѣ стоимъ не по вашему.“

Въ слѣдующіе дни послы стали добиваться королевской аудіенціи. Между тѣмъ ихъ возили по городу и показывали имъ разныя рѣдкости, къ которымъ они старались относиться равнодушно. Король принялъ нашихъ пословъ уже 7-го ноября. Пріемъ былъ устроенъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ. Зюзина и Витовтова близъ королевской резиденціи встрѣтили съ музыкою, колокольнымъ звономъ и стрѣльбою. Дворяне и войска стояли по всему посольскому пути шпалерами.

О самой аудіенціи Зюзинъ доносилъ царю такъ: „вшедъ въ великую палату, усмотрѣли мы Его Величество Якуба короля, его королеву Анну и королевича Карлуса, какъ они сидятъ по своимъ государскимъ мѣстамъ. Сидѣлъ Якубъ король на своемъ королевскомъ мѣстѣ, а съ нимъ съ лѣвыя руки королева Анна на особомъ мѣстѣ, а королевичъ у отца своего—съ правыя руки, только немного подалѣе отъ него. И подъ ихъ королевскими мѣстами сдѣланъ рундукъ для вышины по дворскому обычаю.“

Когда послы дошли до средины тронной залы, то король, королева и королевичъ встали съ своихъ мѣстъ. Зюзинъ и Витовтовъ въ своихъ парчевыхъ кафтанахъ и съ громадными собольими *горлатными* шапками въ рукахъ медленно и важно приближались къ королевскому *рундуку*. Тогда Іаковъ 1-й и королева Анна отошли отъ своихъ креселъ на встрѣчу посламъ *больше сажени*, а принцъ Карлусъ спустился съ троннаго возвышенія на одну ступень и снялъ шляпу.

Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ съ товарищемъ, отдавши королю и его фамиліи *царскій* поклонъ, молвилъ: „Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи самодержецъ, Владимірскій Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, царь Сибирскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Лифляндскій, государь Тверскія земли и Карталинскихъ и Грузинскихъ царей

и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей государь и обладатель—брату своему любительному Якубу королю Аглинскому, Шкотцкому, Францкому, Ирландскому и иныхъ и королевѣ Анкѣ и королевичу велѣть поклонитися и здоровье свое сказати."

Послѣ этихъ словъ Зюзинъ началъ читать королю Іакову царскую грамату, тщательно переписанную и дотолѣ обернутую въ богатую шелковую матерію. Содержаніе граматы мы приводимъ въ сокращеніи.

„Царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руссіи самодержецъ вамъ, великому государю и любительному брату своему Якубу королю, велѣлъ здоровье и сіе говорити."

Далѣе шла рѣчь о безпрерывныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Англіею со временъ Іоанна IV, о бѣдствіяхъ русскаго народа въ смутную эпоху, причиненныхъ королями Жигимонтомъ и Карлусомъ и панами радными по ихъ *злому умыслу*, о воровскихъ граматахъ, особенно волновавшихъ казаковъ и боярскихъ *холопей* и иныхъ *худыхъ людей*, и о самозванцахъ. „И тѣ польскіе, литовскіе и русскіе *незбирные* люди, продолжаетъ грамата,— пришли *подъ царствующій* градъ Москву и *почали Московское государство* разоряти, людей въ плѣнъ имати, а иныхъ *побивати* и грабити и кровь напрасную проливати *безъ милости*."

Посольская грамата, *по Московскому обычаю*, *была* очень длинная и [illegible] читали ее [illegible]. [illegible] была цѣлая обширная статья о смутныхъ временахъ. Съ особенною подробностію и [illegible] выражались о [illegible] и о неправдахъ Польскаго и Шведскаго королей. [illegible]

[illegible]

и у Марка Агличенина некрестьянскимъ обычаемъ захватили. А отъ королей Жигимонта и Карлуса и сына его Адольфа пошло безъ конца злое умышленіе, крестопреступительное порушенье, неправда и измѣна Московскому государству.“

Вообще, тонъ всей царской грамоты былъ жалобный. Бодрѣе послы становятся при разсказѣ о Пожарскомъ. „И въ приступахъ и на вылазкахъ Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей, говорили они,—наши побивали безчисленно, взяли большой каменный городъ и живыхъ поимали больше четырехъ тысячъ, а достальные Польскіе и Литовскіе люди сѣли въ Китаѣ да въ Кремлѣ. Да съ гетманомъ Ходковичомъ бились три дни и побили гетмана на голову и живыхъ въ полонъ взяли больше десяти тысячъ.“

Далѣе говорится о царскомъ избраніи: „за моленіемъ и прошеніемъ Московскаго государства митрополитовъ, епископовъ и всего освященнаго собора и за челобитьемъ царей и царевичей разныхъ государствъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и бояръ и окольничьихъ и дворянъ и всякихъ служилыхъ и приказныхъ людей и гостей и всенароднаго множества людей, принявъ благословенье отъ великой государыни матери иноки Марѳы Ивановны и милосердуя о народѣ, учинилися есмы на великихъ и преславныхъ государствахъ.“

Чтобы заинтересовать Іакова 1-го дружбою съ Россіею, послы по царскому наказу въ той же рѣчи говорили: „а государство Московское—великое и широкое. Изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Сибири, изъ Астрахани и изъ иныхъ мѣстъ въ то государство по часту пріѣзжаютъ.“

Кромѣ того Зюзинъ, по смыслу посольской *памяти*, выставлялъ на видъ особенную приверженность Москвы къ Англіи. „Великій государь нашъ Его Царское Величество, съ особеннымъ удареніемъ читалъ

онъ,—для любви брата своего Якуба короля многимъ торговымъ людямъ разныхъ государствъ отказываетъ, къ Архангельскому городу приходити не велитъ."

Посольская рѣчь закончилась слѣдующими словами, выражающими цѣль посольства: „И вы бъ, великій государь братъ нашъ любительный Якубъ король, съ нашимъ царскимъ величествомъ были въ братской любви и въ крѣпкой дружбѣ и на всякаго нашего недруга стояли бъ съ нами заодно, помня прежнюю братскую любовь съ великими государями Россійскими."

По окончаніи рѣчи Зюзинъ подалъ свитокъ царской граматы Іакову 1-му, который принялъ его стоя и приподнявши шляпу. Имя Божіе и государевы титла въ той граматѣ писаны были золотомъ, а печать къ ней привѣшена была изъ краснаго воску.

Вручивъ королю грамату, Шацкій воевода сказалъ: „царское величество, помня прежнюю братскую крѣпкую дружбу и любительныя ссылки съ любительною царскою сестрою славныя памяти съ великою государынею съ Елисаветъ королевою, а послѣ того—любительныя ссылки съ вами, Якубомъ королемъ, царей Бориса и Василія Іоанновича, послалъ къ вамъ брату своему насъ холопей своихъ въ послѣхъ государство свое обвѣстить и здоровье свое царское сказать, а про ваше королевское братское здоровье провѣдати и о иныхъ добрыхъ и великихъ дѣлѣхъ говорити, которые межъ великихъ государей и межъ великихъ государствъ къ доброму дѣлу и къ покою крестьянскому настоятъ."

На всѣ эти посольскія привѣтствія и рѣчи Іаковъ I-й отвѣчалъ лично. „Слышалъ я про брата своего, говорилъ онъ,—царя и великаго князя Михаила, что онъ учинился на всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія, и царской любительной ссылкѣ и братской его дружбѣ мы радуемся."

Въ это время королева Анна встала съ своего мѣста и спросила о царскомъ здоровьи. Примѣру ея

послѣдовалъ принцъ Карлъ. Обоимъ послы отвѣчали особо.

Между тѣмъ Іаковъ 1-й продолжалъ: „съ братомъ своимъ царемъ всея Руси въ крѣпкой дружбѣ мы будемъ на вѣки.“

Іаковъ 1-й Стюартъ видимо ласкалъ Московское посольство. Онъ выразилъ это въ рѣзкомъ порицаніи Польской и Шведской политики и въ самой церемоніи аудіенціи. Такъ какъ послы стояли въ тронной залѣ безъ шапокъ, то король *дважды и трожды* приказывалъ имъ накрыться и своимъ королевскимъ словомъ *гораздо про то приклянивалъ.* Однако послы не рѣшились удовлетворить королевской любезности и остались съ непокрытыми головами. Тогда король и королевичъ сами сняли шляпы. Такимъ образомъ они надѣялись сломить посольское упрямство, но Зюзинъ стоялъ на своемъ и за себя и товарища говорилъ: „ваши королевскіе очи мы близко видимъ и намъ холопямъ какъ то учинить, чтобъ на себя шапки положити.“

За это пословъ похвалили и позвали къ рукѣ. Этой чести удостоились также подьячій и переводчикъ.

Въ концѣ аудіенціи Зюзинъ и Витовтовъ стали подносить отъ себя королевской фамиліи подарки. Первый поднесъ королю, королевѣ и принцу по 40 черныхъ соболей и по чернобурой лисицѣ. Второй подарилъ королю тоже 40 соболей, а королевѣ только двѣ пары и королевичу—черную лисицу. Всѣ эти подарки далеко не выражаютъ извѣстной Московской пышности, но это такъ понятно: казна царская была въ тѣ времена въ совершенномъ запустѣніи, государство въ разореніи и *многій народъ въ шатости.*

Вскорѣ послѣ того наши послы особо представлялись королевѣ. Ѣхали они по Лондонскимъ улицамъ съ полверсты и дивились большимъ каменнымъ хоромамъ и гостиннымъ дворамъ *со многими товарами.* „А какъ вошли мы во дворъ королевинъ, описываютъ послы,—

и въ то время въ воротахъ и во дворѣ стояли по обѣ стороны нѣмки—жены и дѣвки въ нарядномъ платьѣ и намъ честь воздавали, кланяясь. Да на дворѣ жъ стояли всякіе люди нѣмцы и нѣмки, а въ палатахъ драбанты и боярскихъ чиновъ люди съ женами и дочерями."

Въ *королевиныхъ* покояхъ послы *витались* съ придворными сановниками *за руки*, а сравнительно мелкимъ чинамъ на ихъ глубокіе поклоны съ важностію отвѣчали легкими кивками головы. На возвратномъ пути Зюзинъ и Витовтовъ держали себя еще величественнѣе, такъ какъ они удостоены были чрезвычайной чести: королева пригласила ихъ сѣсть въ своемъ присутствіи и приказала проводить ихъ до посольской квартиры своей свитѣ съ церемоніей. Впослѣдствіи по этому поводу посольство отзывалось такъ: „никакимъ иноземцамъ, опричь насъ, такія чести не бывало."

Съ особеннымъ удовольствіемъ нашъ Шацкій воевода отмѣчаетъ въ статейномъ спискѣ тотъ фактъ, что король пригласилъ его съ Витовтовымъ къ своему столу, во время котораго самъ посолъ сидѣлъ *на королевскомъ мѣстѣ*, а дьякъ Витовтовъ—*возлѣ королевскаго мѣста*.

За обѣдомъ Іаковъ 1-й любезно сказалъ посламъ: „грамату царскую принялъ я съ великою честію и цѣловалъ ее любезно и теперь спрашиваю о царскомъ здоровьи."

На это Зюзинъ, вставъ съ мѣста, молвилъ, а толмачъ сейчасъ же все это перевелъ: „какъ есмя поѣхали отъ великаго государя своего и великій государь нашъ Его Царское Величество на своихъ великихъ преславныхъ государствахъ далъ Богъ въ добромъ здоровьи."

Русское посольство пробыло въ Англіи до осени 1615 года и подтвердило извѣстный торговый договоръ, по которому Англійскіе купцы могли вести безпошлинную торговлю съ Московскимъ государствомъ чрезъ Архангельскъ. Такимъ образомъ Англичане остались въ

барышахъ, а русскіе, не получивъ отъ нихъ никакой помощи, въ надеждѣ на вѣроятную будущую помощь очутились у своихъ фиктивныхъ союзниковъ въ экономической зависимости, продолжавшейся до временъ царя Алексѣя Михайловича, когда по поводу убіенія Кромвелемъ и долгимъ парламентомъ короля *Карлуса* наложено было запрещеніе на Англійскую торговлю.

Посольство А. И. Зюзина всетаки имѣло свои выгоды. Оно въ нѣкоторой степени содѣйствовало сближенію глухой Москвы съ просвѣщеннымъ западомъ и именно въ этомъ смыслѣ было однимъ изъ сильныхъ прецедентовъ Петровской реформы, потребность въ которой разумѣется явилась не вдругъ, а постепенно.

Московскіе послы возвратились на родину 20 октября 1615 года. Вмѣстѣ съ ними ко двору царя Михаила прибылъ посолъ Іакова 1-го *Еганусъ Сергтъ съ товарищи*. Иноземные послы привезли молодому царю однѣ любительныя грамоты. Даже царская просьба о скромномъ денежномъ вспомоществованіи осталась безъ удовлетворенія.

Статейный списокъ Зюзина, къ сожалѣнію, не дошолъ до насъ въ полномъ составѣ. Дальнѣйшія обстоятельства жизни нашего Шацкаго дипломата тоже не ясны и совершенно отрывочны. Въ 1615 году, немедленно по возвращеніи изъ Англіи, Зюзинъ вмѣстѣ съ княземъ Мещерскимъ велъ въ Тихвинѣ переговоры съ Шведскимъ уполномоченнымъ Яковомъ Пунтосомъ. *) Очевидно, его считали опытнымъ дипломатомъ, поэтому перевели изъ Шацка въ Великій Устюгъ, поближе къ Шведской границѣ, и въ 1617 году поручили договариваться со Шведами въ Ладогѣ и Новгородѣ. **) Въ 1618 году А. И. Зюзинъ вызванъ былъ въ Москву

*) Книги розрядныя, т. 1-й стр. 116-я.
**) Тамъ-же, стр. 308-я.

и засѣдалъ въ боярской думѣ, гдѣ сообща приговорили: *сидѣть въ осадѣ отъ Владислава.*

Что было съ нашимъ дипломатомъ потомъ, намъ неизвѣстно. Вѣроятно, онъ скоро умеръ, иначе имя вѣрнаго и опытнаго царскаго слуги и еще не разъ встрѣтилось бы въ дипломатическихъ документахъ...

Мы привели свои краткія историческія данныя объ Англійскомъ посольствѣ 1613 года между прочимъ съ тою цѣлію, чтобы указать на относительно важное государственное значеніе нашего Шацкаго края въ началѣ XVII вѣка. Ясно, что въ описываемое время и мы жили уже не одною *оборонною* жизнію, но могущественно первымъ царемъ Романовымъ, имѣвшимъ родовыя Лебедянскія вотчины, втягивались въ общегосударственную жизнь. Эту мысль подтверждаютъ какъ Тамбовскія писцовыя книги, такъ и мѣстныя царскія церковныя пожалованія и усиленное городовое и земляное строеніе. *) Главная вотчина бояръ Романовыхъ находилась въ городѣ Романовѣ (теперь село), основаннемъ Филаретомъ Никитичемъ. Здѣсь знаменитый патріархъ построилъ крѣпость, хоромы, церковь и Красногорскій монастырь. Въ крѣпости былъ вырытъ глубокій колодезь, который цѣлъ и теперь. Сохранились также отчасти и крѣпостныя земляныя насыпи.

Въ 1636-мъ году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ построить крѣпости Тамбовъ и Козловъ и насыпать сторожевой валъ отъ Козлова до Усмани.

Тогда же начались безпрерывные и усиленные набѣги Крымцевъ на нашъ край, слѣдствіемъ чего были частыя царскія посольства въ Бахчисарай. Про одно изъ таковыхъ посольствъ мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

*) [illegible]

II.

Крымское посольство стольника Приклонскаго. *)

Московскіе послы и гонцы въ первой половинѣ XVII столѣтія ѣздили въ Крымъ обыкновенно черезъ два года. Они обязательно являлись въ Бахчисараѣ съ *поминками* и усиленно добивались ханскихъ *шертныхъ* мирныхъ граматъ. Главный Крымскій трактъ шолъ изъ Москвы на Тулу, Новосиль, Осколъ и Валуйки. Положеніе нашихъ пословъ во время ихъ путешествій въ Крымъ для *великаго государева дѣла* было крайне опасное. Степь кишѣла татарскою и русскою вольницею и всѣ мурзы и атаманы отлично знали, что Московскіе гонцы ѣхали въ орду не съ пустыми руками: въ ихъ обозахъ хранилась денежная казна, дорогіе мѣха, оружіе, шелковыя ткани, панцыри и разныя хитрыя издѣлія Московскихъ придворныхъ мастеровъ. Поэтому *добрые молодцы* слишкомъ зарились на посольское богатство и стремились воспользоваться имъ. Вслѣдствіе этого посольскіе караваны старались проходить степи самыми глухими мѣстами, въ сопровожденіи опытныхъ степныхъ *вожей*. Въ Крыму нашихъ пословъ обыкновенно не чествовали. Нерѣдко Бахчисарайскіе дипломаты заговаривались до того, что требовали себѣ у Московскаго правительства Казани и Астрахани и многихъ коренныхъ русскихъ городовъ и Москва въ этомъ Татаръ обнадеживала *посулами*. Кромѣ того Крымскіе ханы въ граматахъ своихъ были крайне невѣжливы и выражали нашимъ царямъ *повелѣніе*, а самихъ пословъ и гонцевъ нерѣдко подвергали побоямъ. За это наши дипломаты мстили надменнымъ гиреямъ тѣмъ, что писали своихъ царей *отчичами и дѣдичами всѣхъ восточ-*

*) Источникомъ для этой главы послужилъ статейный списокъ стольника Приклонскаго. Этотъ списокъ хранится въ Моск. глав. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

нихъ, западныхъ и сѣверныхъ государей, а чтобы ханы не очень обижались на это, имъ увеличивалось количество *поминокъ.*

Посольство стольника Приклонскаго отправилось въ Крымъ въ 1643-мъ году, въ сопровожденіи подьячаго Лаврова, переводчиковъ, кречетниковъ, вожей и служилыхъ воинскихъ людей. Посольскій поѣздъ шолъ, по словамъ статейнаго списка, *день и ночь самою скорою ѣздою наспѣхъ, и отъ тое ѣзды въ телѣгахъ многія лошади падали и ихъ на дорогѣ метали.* Вслѣдствіе совершенной пустынности нашихъ украйнъ Приклонскій останавливался на отдыхъ въ необитаемыхъ мѣстахъ, раскидывалъ шатры и отъ скуки потѣшался иногда ястребиною охотою.

Причина посольства Приклонскаго была такова. Въ теченіе всей весны и всего лѣта 1643-го года Крымцы подъ начальствомъ 30 мурзъ, изъ которыхъ набольшимъ былъ мурза Мустафа, безпрерывно нападали на нашу Тамбовскую украйну и *много полону взяли.* Татарское хищничество лучше всего выражается въ царской граматѣ на имя Крымскаго Хана Махметъ-Гирея.

„На наши украинные городы, писалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ,—твои брата нашего воинскіе люди, Крымскіе, Азовскіе и Темрюцкіе, войною неправедно приходили и Козлова города воеводу Ивана Ляпунова ранили и многое разореніе починили и поимали многія тысячи полону. И мы, великій государь, тому гораздо дивимся и просимъ тѣхъ твоихъ воровъ смертію казнити, а взятой *ясырь* вели къ намъ отпустить для братской любви и дружбы. Въ лѣто сіе мало не весь Крымъ, перемѣняючись, перебывалъ въ нашихъ мѣстахъ, и то намъ великому государю гораздо сумнительно, ибо за нарушеніе шерти надобно Бога боятися и нашу любовь и дружбу помнити".

Въ глубокую осень Приклонскій дошелъ до Крыма и остановился шатрами близъ Перекопа. Чины посольства

имѣли право ожидать болѣе или менѣе почетной встрѣчи, но вмѣсто того, по наущенью главныхъ Бахчисарайскихъ мурзъ, они въ одинъ день лишились всѣхъ коней, которые были ловко украдены привычными къ подобнымъ операціямъ Крымскими абреками. Съ этого времени начинается цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ оскорбленій и притѣсненій, которыя были испытываемы со стороны Татаръ всѣми чинами нашего посольства. Приближалась зима и въ Крымскихъ степяхъ стояли уже довольно чувствительные холода, между тѣмъ лагерь посольскій нарочно поставленъ былъ на самомъ открытомъ мѣстѣ, вдали отъ воды, и окруженъ былъ бдительною сторожевою цѣпью. Приклонскій и его товарищи такимъ образомъ оказались какъ бы подъ стражей, въ плѣну. Впослѣдствіи нашъ посолъ такъ жаловался царю на свои бѣды: „тѣснота намъ во всемъ была великая и корму намъ ханъ Махметъ-Гирей продавать не велѣлъ“.

Въ концѣ зимы посольство допущено было наконецъ въ Бахчисарай. Посла и всю его свиту помѣстили *на пустомъ дворѣ, въ студеной палатѣ*, и окружили приставами и *никуда безъ караула не пускали*. Въ то же время, не смотря на всю бдительность Московскихъ служилыхъ людей, началось усиленное воровство въ посольскомъ обозѣ. Особенно много покрали *изъ рухляди*. Къ Приклонскому и Лаврову часто заходили мурзы и надменно требовали себѣ у нихъ подарковъ. Послы просили подождать общей раздачи, а ихъ за это безчестили, *лая матерны*, Лаврова били по щекамъ, морили голодомъ и грозили привязать къ пушкѣ, самого же Приклонскаго драли за волосы и били плетьми по головѣ. „Не послы вы, неистово шумѣли драчливые мурзы, а данники наши!“

Какъ бы то ни было, Приклонскій получилъ позволеніе явиться къ хану. Махмедъ-Гирей сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, близъ него стояли царевичи Калга

и Нурединъ, далѣе — младшіе ханскіе родственники, еще далѣе—вельможи и мурзы. Когда послы вступили въ пріемную палату, царевичъ Калга заставилъ ихъ *стать на колѣнки.* Во время аудіенціи прочитана была царская *любительная* грамата съ извѣстными жалобами на разореніе украинныхъ городовъ и на обиды Московскимъ посламъ: „и то межъ иныхъ государей, писалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ,—не повелося и мы, великій государь, по нашему государскому милосердому нраву твоихъ гонцовъ допускали видѣть наши царскія очи вскорѣ и твои царевы граматы принимали. А въ твоихъ граматахъ пишешь намъ *повелѣнія,* не называешь насъ самодержцемъ, и таково писать непристойно.“

Царскія требованія такъ выражались въ *любительной* граматѣ: „порубежныхъ нашихъ городовъ и селъ и деревень не воевать, весь *ясырь* вернуть, жить въ дружбѣ, довольствоваться присылаемыми *поминками* и на томъ стоять впередъ навѣки крѣпко и неподвижно.“

По прочтеніи царской граматы началась раздача *поминковъ.* Татарамъ выдано было 18 сороковъ соболей въ разную цѣну, отъ 250 до 25 рублей за сорокъ. Кромѣ того имъ же роздано было нѣсколько сотъ шубъ: собольихъ, куньихъ, шубъ—хребты бѣлые и шубъ—черева бѣлыя. Денежные *поминки* израсходованы были въ такомъ количествѣ: ханъ Махметъ-Гирей получилъ за годъ 4000 рублей, царевичи Калга и Нурединъ — по 500 рублей, младшіе царевичи—по 100 рублей, Махметша-ага—200 рублей, остальные придворные мурзы—по 50 рублей и наконецъ придворная прислуга—по 24 рубля на человѣка *).

Московскіе *поминки* видимо понравились крымцамъ, поэтому они вдругъ стали вѣжливѣе и сговорчивѣе. Приклонскому самъ Махметъ-Гирей *объявилъ,* что въ слѣдующее лѣто будетъ размѣнъ *полоняниковъ.* Чины по-

*) Книга расходныя деньгамъ и рухляди. Приложена къ концѣ стат. списка Приклонскаго.

царствѣ и недоумѣвали по поводу басурманской хитрости и богатства.

„ Города въ Англіи, писалъ Зюзинъ,—каменные и посады у нихъ великіе. По морскому берегу села и деревни многія. Въ вотчинахъ королевскихъ и боярскихъ и у удѣльныхъ князей и иныхъ ближнихъ людей въ селахъ и деревняхъ устроены каменныя палаты великія и высокія и домы всѣ каменные.“

22-го октября послы Темзою подошли къ Лондону. Въ тотъ же день былъ у нихъ на кораблѣ *Английскій гость Иванъ Ульяновъ* и отъ королевскаго имени спрашивалъ:“ великій государь нашъ король Якубъ Ондреевичъ велѣлъ вамъ поклониться и о здоровьи спросить.“ И послы на королевскомъ къ себѣ жалованьи челомъ били. Вскорѣ къ нимъ пріѣхалъ *воєводи Капитонъ* (капитанъ!) и съ нимъ *служилыхъ людей* 12 человѣкъ для ихъ *посольскаго оберганья.*

Когда послы ѣхали въ Гревзендъ, то *были стрѣльбы великая* со всѣхъ береговыхъ укрѣпленій. „А наряды у нихъ, замѣчаютъ послы,—многіе и великіе.“

Въ Гревзендѣ, гдѣ Зюзина встрѣтило *человѣкъ 200 и больше и челомъ ему ударили,* русское посольство пробыло по 25-е октября. Здѣсь его посѣтилъ королевскій уполномоченный *Томасъ Ѳоминъ Смитъ* и спрашивалъ отъ имени Іакова 1-го о царскомъ здоровьи. И послы отвѣчали: „Божіею милостію государь нашъ на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ россійскаго царствія въ добромъ здоровьѣ.“

26-го октября, послѣ торжественнаго въѣзда въ Лондонъ, причемъ Зюзинъ и Томасъ Смитъ ѣхали въ одномъ экипажѣ, послы отправились на аудіенцію въ лодкахъ. По этому случаю опять была *стрѣльба великая:* съ кораблей со всѣхъ стрѣляли и изо всего берегового наряду. А какъ стрѣльба *поминовалась, князь Томасъ* говорилъ: „такая стрѣльба была по королевскому велѣнью для великаго государя царя и великаго князя и

для вашей посольской чести, и ни которымъ посламъ иныхъ государствъ въ Аглицкой землѣ такой чести не бывало.“

На берегу пословъ встрѣтили королевскіе придворные въ богатыхъ бархатныхъ кафтанахъ *съ цѣпьми золотыми верхомъ и пѣши.* „И были жъ тутъ, описываетъ Зюзинъ,—королевскіе дворовые люди и драбанты въ цвѣтномъ платьѣ съ протазаны золочеными человѣкъ съ полтораста, а напереди и назади у нихъ золоченые королевскіе признаки. Да и многіе всякіе люди въ тѣ поры были изшедчи.“

По обыкновенію, дворянину Зюзину дана была правительствомъ подробнѣйшая *память* относительно всѣхъ его поступковъ, словъ и чуть ли не помышленій.

Если его спрашивали про великаго государя, онъ отвѣчалъ въ самомъ надменномъ тонѣ; если любопытствовали про Заруцкаго и *Маринку* и про иныхъ государевыхъ *вороговъ*, Зюзинъ говорилъ исключительно *по написанному*. „А пуще всего, докладывалъ онъ впослѣдствіи въ Москвѣ,—берегъ я высокую государскую честь, чтобъ не было ни какой порухи государевой славѣ.“

Понятно, что торжественныя встрѣчи въ Англіи крайне льстили національному и личному честолюбію нашего Шацкаго воеводы. Послы съ блестящею Англійскою свитою пріѣхали въ посольскую квартиру, пышно здѣсь пообѣдали и *немало* пили за царское и королевское здоровье. Относительно послѣдняго пункта въ посольской инструкціи ничего не было сказано, по этому Московскіе гости въ служеніи Бахусу ни чуть не отставали отъ своихъ гостепріимныхъ хозяевъ...

Значительно подгулявши, Зюзинъ въ концѣ обѣда сталъ хвалиться Московскими обычаями. „Служимъ мы великому государю своему, покрикивалъ онъ толмачу Андрееву,—съ прямымъ радѣніемъ и во всякой холопьей правдѣ стоимъ не по вашему.“

Въ слѣдующіе дни послы стали добиваться королевской аудіенціи. Между тѣмъ ихъ возили по городу и показывали имъ разныя рѣдкости, къ которымъ они старались относиться равнодушно. Король принялъ нашихъ пословъ уже 7-го ноября. Пріемъ былъ устроенъ въ одномъ изъ загородныхъ дворцовъ. Зюзина и Витовтова близъ королевской резиденціи встрѣтили съ музыкою, колокольнымъ звономъ и стрѣльбою. Дворяне и войска стояли по всему посольскому пути шпалерами.

О самой аудіенціи Зюзинъ доносилъ царю такъ: „вшедъ въ великую палату, усмотрѣли мы Его Величество Якуба короля, его королеву Анну и королевича Карлуса, какъ они сидятъ по своимъ государскимъ мѣстамъ. Сидѣлъ Якубъ король на своемъ королевскомъ мѣстѣ, а съ нимъ съ лѣвыя руки королева Анна на особомъ мѣстѣ, а королевичъ у отца своего—съ правыя руки, только немного подалѣе отъ него. И подъ ихъ королевскими мѣстами сдѣланъ рундукъ для вышины по дворскому обычаю.“

Когда послы дошли до средины тронной залы, то король, королева и королевичъ встали съ своихъ мѣстъ. Зюзинъ и Витовтовъ въ своихъ парчевыхъ кафтанахъ и съ громадными собольими *горлатными* шапками въ рукахъ медленно и важно приближались къ королевскому *рундуку*. Тогда Іаковъ 1-й и королева Анна отошли отъ своихъ креселъ на встрѣчу посламъ *больши сажени*, а принцъ Карлусъ спустился съ троннаго возвышенія на одну ступень и снялъ шляпу.

Алексѣй Ивановичъ Зюзинъ съ товарищемъ, отдавши королю и его фамиліи *царскій* поклонъ, молвилъ: „Бога въ Троицѣ славимаго милостію великій государь царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Руссіи самодержецъ, Владимірскій Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, царь Астраханскій, царь Сибирскій, государь Псковскій и великій князь Смоленскій, Лифляндскій, государь Тверскія земли и Карталинскихъ и Грузинскихъ царей

и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей государь и обладатель—брату своему любительному Якубу королю Аглинскому, Шкотцкому, Фряцскому, Индѣйскому и иныхъ и королевѣ Аннѣ и королевичу велѣлъ поклонитися и здоровье свое сказати.“

Послѣ этихъ словъ Зюзинъ началъ читать королю Іакову царскую грамату, тщательно переписанную и дотолѣ обернутую въ богатую шелковую матерію. Содержаніе граматы мы приводимъ въ сокращеніи.

„Царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ всея Руссіи самодержецъ вамъ, великому государю и любительному брату своему Якубу королю, велѣлъ здоровье и сіе говорити.“

Далѣе шла рѣчь о безпрерывныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Англіею со временъ Іоанна IV, о бѣдствіяхъ русскаго народа въ смутную эпоху, причиненныхъ королями Жигимонтомъ и Карлусомъ и панами радными по ихъ *злому умыслу*, о воровскихъ граматахъ, особенно волновавшихъ казаковъ и боярскихъ *холопей* и иныхъ *худыхъ людей*, и о самозванцахъ. „И тѣ польскіе, литовскіе и русскіе недобрые люди, продолжаетъ грамата,—пришли подъ царствующій градъ Москву и почали Московское государство разоряти, людей въ плѣнъ имати, а иныхъ побивати и грабити и кровь напрасную проливати безъ милости.“

Посольская грамата, по Московскому обычаю, была очень длинная и послы читали ее попеременно. Это была цѣлая обширная статья о смутныхъ временахъ. Съ особенною подробностію и энергіею послы выражались о *воровскихъ* жестокостяхъ и грабежахъ и о неправдахъ Польскаго и Шведскаго королей. „Всякихъ жилецкихъ людей, жаловались Московскіе дипломаты,—мужеска и женска полу и до ссущихъ младенцевъ тѣ наши вороги побили, а нашу царскую казну и царскія утвари пограбили и къ королю Жигимонту отослали и по себѣ пограбя раздѣлили, и товары у торговыхъ людей

и у Марка Агличенина некрестьянским обычаем захватили. А от королей Жигимонта и Карлуса и сына его Адольфа пошло без конца злое умышленіе, крестопреступительное порушенье, неправда и измѣна Московскому государству.“

Вообще, тонъ всей царской граматы былъ жалобный. Бодрѣе послы становятся при разсказѣ о Пожарскомъ. „И въ приступахъ и на вылазкахъ Польскихъ и Литовскихъ и Нѣмецкихъ людей, говорили они,—наши побивали безчисленно, взяли большой каменный городъ и живыхъ поимали больше четырехъ тысячъ, а достальные Польскіе и Литовскіе люди сѣли въ Китаѣ да въ Кремлѣ. Да съ гетманомъ Ходковичомъ бились три дни и побили гетмана на голову и живыхъ въ полонъ взяли больше десяти тысячъ.“

Далѣе говорится о царскомъ избраніи: „за моленіемъ и прошеніемъ Московскаго государства митрополитовъ, епископовъ и всего освященнаго собора и за челобитьемъ царей и царевичей разныхъ государствъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и бояръ и окольничьихъ и дворянъ и всякихъ служилыхъ и приказныхъ людей и гостей и всенароднаго множества людей, принявъ благословенье отъ великой государыни матери иноки Мароы Ивановны и милосердуя о народѣ, учинилися есмы на великихъ и преславныхъ государствахъ.“

Чтобы заинтересовать Іакова 1-го дружбою съ Россіею, послы по царскому наказу въ той же рѣчи говорили: „а государство Московское—великое и широкое. Изъ дальнихъ мѣстъ, изъ Сибири, изъ Астрахани и изъ иныхъ мѣстъ въ то государство по часту пріѣзжаютъ.“

Кромѣ того Зюзинъ, по смыслу посольской *памяти*, выставлялъ на видъ особенную приверженность Москвы къ Англіи. „Великій государь нашъ Его Царское Величество, съ особеннымъ удареніемъ читалъ

онъ,—для любви брата своего Якуба короля многимъ торговымъ людямъ разныхъ государствъ отказываетъ, къ Архангельскому городу приходити не велитъ."

Посольская рѣчь закончилась слѣдующими словами, выражающими цѣль посольства: „И вы бъ, великій государь братъ нашъ любительный Якубъ король, съ нашимъ царскимъ величествомъ были въ братской любви и въ крѣпкой дружбѣ и на всякаго нашего недруга стояли бъ съ нами заодно, помня прежнюю братскую любовь съ великими государями Россійскими."

По окончаніи рѣчи Зюзинъ подалъ свитокъ царской грамоты Іакову 1-му, который принялъ его стоя и приподнявши шляпу. Имя Божіе и государевы титла въ той грамотѣ писаны были золотомъ, а печать къ ней привѣшена была изъ краснаго воску.

Вручивъ королю грамату, Шацкій воевода сказалъ: „царское величество, помня прежнюю братскую крѣпкую дружбу и любительныя ссылки съ любительною царскою сестрою славныя памяти съ великою государынею съ Елисаветъ королевою, а послѣ того—любительныя ссылки съ вами, Якубомъ королемъ, царей Бориса и Василія Іоанновича, послалъ къ вамъ брату своему насъ холопей своихъ въ послѣхъ государство свое объвѣстить и здоровье свое царское сказать, а про ваше королевское братское здоровье провѣдати и о иныхъ добрыхъ и великихъ дѣлѣхъ говорити, которые межъ великихъ государей и межъ великихъ государствъ къ доброму дѣлу и къ покою крестьянскому настоятъ."

На всѣ эти посольскія привѣтствія и рѣчи Іаковъ 1-й отвѣчалъ лично. „Слышалъ я про брата своего, говорилъ онъ,—царя и великаго князя Михаила, что онъ учинился на всѣхъ государствахъ Россійскаго царствія, и царской любительной ссылкѣ и братской его дружбѣ мы радуемся."

Въ это время королева Анна встала съ своего мѣста и спросила о царскомъ здоровьи. Примѣру ея

послѣдовалъ принцъ Карлъ. Обоимъ послы отвѣчали особо.

Между тѣмъ Іаковъ 1-й продолжалъ: „съ братомъ своимъ царемъ всея Руси въ крѣпкой дружбѣ мы будемъ на вѣки.“

Іаковъ 1-й Стюартъ видимо ласкалъ Московское посольство. Онъ выразилъ это въ рѣзкомъ порицаніи Польской и Шведской политики и въ самой церемоніи аудіенціи. Такъ какъ послы стояли въ тронной залѣ безъ шапокъ, то король *дважды и трожды* приказывалъ имъ накрыться и своимъ королевскимъ словомъ *гораздо про то приклянивалъ*. Однако послы не рѣшились удовлетворить королевской любезности и остались съ непокрытыми головами. Тогда король и королевичъ сами сняли шляпы. Такимъ образомъ они надѣялись сломить посольское упрямство, но Зюзинъ стоялъ на своемъ и за себя и товарища говорилъ: „ваши королевскіе очи мы близко видимъ и намъ холопямъ какъ то учинить, чтобъ на себя шапки положити.“

За это пословъ похвалили и позвали къ рукѣ. Этой чести удостоились также подъячій и переводчикъ.

Въ концѣ аудіенціи Зюзинъ и Витовтовъ стали подносить отъ себя королевской фамиліи подарки. Первый поднесъ королю, королевѣ и принцу по 40 черныхъ соболей и по чернобурой лисицѣ. Второй подарилъ королю тоже 40 соболей, а королевѣ только двѣ пары и королевичу—черную лисицу. Всѣ эти подарки далеко не выражаютъ извѣстной Московской пышности, но это такъ понятно: казна царская была въ тѣ времена въ совершенномъ запустѣніи, государство въ разореніи и *многій народъ въ шатости*.

Вскорѣ послѣ того наши послы особо представлялись королевѣ. Ѣхали они по Лондонскимъ улицамъ съ полверсты и дивились большимъ каменнымъ хоромамъ и гостиннымъ дворамъ *со многими товарами*. „А какъ вошли мы во дворъ королевинъ, описываютъ послы,—

и въ то время въ воротахъ и во дворѣ стояли по обѣ стороны нѣмки—жены и дѣвки въ нарядномъ платьѣ и намъ честь воздавали, кланяясь. Да на дворѣ жъ стояли всякіе люди нѣмцы и нѣмки, а въ палатахъ драбанты и боярскихъ чиновъ люди съ женами и дочерями.“

Въ *королевиныхъ* покояхъ послы *витались* съ придворными сановниками *за руки*, а сравнительно мелкимъ чинамъ на ихъ глубокіе поклоны съ важностію отвѣчали легкими кивками головы. На возвратномъ пути Зюзинъ и Витовтовъ держали себя еще величественнѣе, такъ какъ они удостоены были чрезвычайной чести: королева пригласила ихъ сѣсть въ своемъ присутствіи и приказала проводить ихъ до посольской квартиры своей свитѣ съ церемоніей. Впослѣдствіи по этому поводу посольство отзывалось такъ: „никакимъ иноземцамъ, опричь насъ, такія чести не бывало.“

Съ особеннымъ удовольствіемъ нашъ Шацкій воевода отмѣчаетъ въ статейномъ спискѣ тотъ фактъ, что король пригласилъ его съ Витовтовымъ къ своему столу, во время котораго самъ посолъ сидѣлъ *на королевскомъ мѣстѣ*, а дьякъ Витовтовъ—*возлѣ королевскаго мѣста*.

За обѣдомъ Іаковъ I-й любезно сказалъ посламъ: „грамату царскую принялъ я съ великою честію и цѣловалъ ее любезно и теперь спрашиваю о царскомъ здоровьи.“

На это Зюзинъ, вставъ съ мѣста, молвилъ, а толмачъ сейчасъ же все это перевелъ: „какъ есмя поѣхали отъ великаго государя своего и великій государь нашъ Его Царское Величество на своихъ великихъ преславныхъ государствахъ далъ Богъ въ добромъ здоровьи.“

Русское посольство пробыло въ Англіи до осени 1615 года и подтвердило извѣстный торговый договоръ, по которому Англійскіе купцы могли вести безпошлинную торговлю съ Московскимъ государствомъ чрезъ Архангельскъ. Такимъ образомъ Англичане остались въ

барышахъ, а русскіе, не получивъ отъ нихъ никакой помощи, въ надеждѣ на вѣроятную будущую помощь очутились у своихъ фиктивныхъ союзниковъ въ экономической зависимости, продолжавшейся до временъ царя Алексѣя Михайловича, когда по поводу убіенія Кромвелемъ и долгимъ парламентомъ короля *Карлуса* наложено было запрещеніе на Англійскую торговлю.

Посольство А. И. Зюзина всетаки имѣло свои выгоды. Оно въ нѣкоторой степени содѣйствовало сближенію глухой Москвы съ просвѣщеннымъ западомъ и именно въ этомъ смыслѣ было однимъ изъ сильныхъ прецедентовъ Петровской реформы, потребность въ которой разумѣется явилась не вдругъ, а постепенно.

Московскіе послы возвратились на родину 20 октября 1615 года. Вмѣстѣ съ ними ко двору царя Михаила прибылъ посолъ Іакова 1-го *Ежанусъ Сержтъ съ товарищи*. Иноземные послы привезли молодому царю однѣ любительныя граматы. Даже царская просьба о скромномъ денежномъ вспомоществованіи осталась безъ удовлетворенія.

Статейный списокъ Зюзина, къ сожалѣнію, не дошолъ до насъ въ полномъ составѣ. Дальнѣйшія обстоятельства жизни нашего Шацкаго дипломата тоже не ясны и совершенно отрывочны. Въ 1615 году, немедленно по возвращеніи изъ Англій, Зюзинъ вмѣстѣ съ княземъ Мещерскимъ велъ въ Тихвинѣ переговоры съ Шведскимъ уполномоченнымъ Яковомъ Пунтосомъ. *) Очевидно, его считали опытнымъ дипломатомъ, поэтому перевели изъ Шацка въ Великій Устюгъ, поближе къ Шведской границѣ, и въ 1617 году поручили договариваться со Шведами въ Ладогѣ и Новгородѣ. **) Въ 1618 году А. И. Зюзинъ вызванъ былъ въ Москву

*) Книги розрядныя, т. 1-й стр. 116-я.

**) Тамъ-же, стр. 308-я.

и засѣдалъ въ боярской думѣ, гдѣ сообща приговорили: *сидѣть въ осадѣ отъ Владислава.*

Что было съ нашимъ дипломатомъ потомъ, намъ неизвѣстно. Вѣроятно, онъ скоро умеръ, иначе имя вѣрнаго и опытнаго царскаго слуги и еще не разъ встрѣтилось бы въ дипломатическихъ документахъ..

Мы привели свои краткія историческія данныя объ Англійскомъ посольствѣ 1613 года между прочимъ съ тою цѣлію, чтобы указать на относительно важное государственное значеніе нашего Шацкаго края въ началѣ XVII вѣка. Ясно, что въ описываемое время и мы жили уже не одною *оборонною* жизнію, но могущественно первымъ царемъ Романовымъ, имѣвшимъ родовыя Лебедянскія вотчины, втягивались въ общегосударственную жизнь. Эту мысль подтверждаютъ какъ Тамбовскія писцовыя книги, такъ и мѣстныя царскія церковныя пожалованія и усиленное городовое и земляное строеніе. *) Главная вотчина бояръ Романовыхъ находилась въ городѣ Романовѣ (теперь село), основанномъ Филаретомъ Никитичемъ. Здѣсь знаменитый патріархъ построилъ крѣпость, хоромы, церковь и Красногорскій монастырь. Въ крѣпости былъ вырытъ глубокій колодезь, который цѣлъ и теперь. Сохранились также отчасти и крѣпостныя земляныя насыпи.

Въ 1636-мъ году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ построить крѣпости Тамбовъ и Козловъ и насыпать сторожевой валъ отъ Козлова до Усмани.

Тогда же начались безпрерывные и усиленные набѣги Крымцевъ на нашъ край, слѣдствіемъ чего были частыя царскія посольства въ Бахчисарай. Про одно изъ таковыхъ посольствъ мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

*) Въ Тамб. каѳедр. соборѣ и доселѣ хранится вкладъ царя Михаила Ѳеодоровича -Евангеліе.

II.

Крымское посольство стольника Приклонскаго. *)

Московскіе послы и гонцы въ первой половинѣ XVII столѣтія ѣздили въ Крымъ обыкновенно черезъ два года. Они обязательно являлись въ Бахчисараѣ съ *поминками* и усиленно добивались ханскихъ *шертныхъ* мирныхъ грамать. Главный Крымскій трактъ шолъ изъ Москвы на Тулу, Новосиль, Осколъ и Валуйки. Положеніе нашихъ пословъ во время ихъ путешествій въ Крымъ для *великаго государева дѣла* было крайне опасное. Степь кишѣла татарскою и русскою вольницею и всѣ мурзы и атаманы отлично знали, что Московскіе гонцы ѣхали въ орду не съ пустыми руками: въ ихъ обозахъ хранилась денежная казна, дорогіе мѣха, оружіе, шелковыя ткани, панцыри и разныя хитрыя издѣлія Московскихъ придворныхъ мастеровъ. Поэтому *добрые молодцы* слишкомъ зарились на посольское богатство и стремились воспользоваться имъ. Вслѣдствіе этого посольскіе караваны старались проходить степи самыми глухими мѣстами, въ сопровожденіи опытныхъ степныхъ *вожей*. Въ Крыму нашихъ пословъ обыкновенно не чествовали. Нерѣдко Бахчисарайскіе дипломаты заговаривались до того, что требовали себѣ у Московскаго правительства Казани и Астрахани и многихъ коренныхъ русскихъ городовъ и Москва въ этомъ Татаръ обнадеживала *посулами*. Кромѣ того Крымскіе ханы въ граматахъ своихъ были крайне невѣжливы и выражали нашимъ царямъ *повелѣніе*, а самихъ пословъ и гонцевъ нерѣдко подвергали побоямъ. За это наши дипломаты мстили надменнымъ гиреямъ тѣмъ, что писали своихъ царей *отчичами и дѣдичами всѣхъ восточ-*

*) Источникомъ для этой главы послужилъ статейный списокъ стольника Приклонскаго. Этотъ списокъ хранится въ Моск. глав. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

нихъ, западныхъ и сѣверныхъ государей, а чтобы ханы не очень обижались на это, имъ увеличивалось количество *поминокъ.*

Посольство стольника Приклонскаго отправилось въ Крымъ въ 1643-мъ году, въ сопровожденіи подьячаго Лаврова, переводчиковъ, кречетниковъ, вожей и служилыхъ воинскихъ людей. Посольскій поѣздъ шолъ, по словамъ статейнаго списка, *день и ночь самою скорою ѣздою наспѣхъ, и отъ тое ѣзды въ тѣлѣгахъ многія лошади падали и ихъ на дорогѣ метали.* Вслѣдствіе совершенной пустынности нашихъ украйнъ Приклонскій останавливался на отдыхъ въ необитаемыхъ мѣстахъ, раскидывалъ шатры и отъ скуки потѣшался иногда ястребиною охотою.

Причина посольства Приклонскаго была такова. Въ теченіе всей весны и всего лѣта 1643-го года Крымцы подъ начальствомъ 30 мурзъ, изъ которыхъ набольшимъ былъ мурза Мустафа, безпрерывно нападали на нашу Тамбовскую украйну и *много полону взяли.* Татарское хищничество лучше всего выражается въ царской граматѣ на имя Крымскаго Хана Махметъ-Гирея.

„На наши украинные городы, писалъ царь Михаилъ Θеодоровичъ,—твои брата нашего воинскіе люди, Крымскіе, Азовскіе и Темрюцкіе, войною неправедно приходили и Козлова города воеводу Ивана Ляпунова ранили и многое разореніе почипили и поимали многія тысячи полону. И мы, великій государь, тому гораздо дивимся и просимъ тѣхъ твоихъ воровъ смертію казнити, а взятой *ясырь* вели къ намъ отпустить для братской любви и дружбы. Въ лѣто сіе мало не весь Крымъ, перемѣняючись, перебывалъ въ нашихъ мѣстахъ, и то намъ великому государю гораздо сумнительно, ибо за нарушеніе шерти надобно Бога бояться и нашу любовь и дружбу помнити“.

Въ глубокую осень Приклонскій дошолъ до Крыма и остановился шатрами близъ Перекопа. Чины посольства

имѣли право ожидать болѣе или менѣе почетной встрѣчи, но вмѣсто того, по наущенью главныхъ Бахчисарайскихъ мурзъ, они въ одинъ день лишились всѣхъ коней, которые были ловко украдены привычными къ подобнымъ операціямъ Крымскими абреками. Съ этого времени начинается цѣлый рядъ самыхъ грубыхъ оскорбленій и притѣсненій, которыя были испытываемы со стороны Татаръ всѣми чинами нашего посольства. Приближалась зима и въ Крымскихъ степяхъ стояли уже довольно чувствительные холода, между тѣмъ лагерь посольскій нарочно поставленъ былъ на самомъ открытомъ мѣстѣ, вдали отъ воды, и окруженъ былъ бдительною сторожевою цѣпью. Приклонскій и его товарищи такимъ образомъ оказались какъ бы подъ стражей, въ плѣну. Впослѣдствіи нашъ посолъ такъ жаловался царю на свои бѣды: „тѣснота намъ во всемъ была великая и корму намъ ханъ Махметъ-Гирей продавать не велѣлъ".

Въ концѣ зимы посольство допущено было наконецъ въ Бахчисарай. Посла и всю его свиту помѣстили *на пустомъ дворѣ, въ студеной палатѣ,* и окружили приставами и *никуда безъ караула не пускали.* Въ то же время, не смотря на всю бдительность Московскихъ служилыхъ людей, началось усиленное воровство въ посольскомъ обозѣ. Особенно много покрали *изъ рухляди.* Къ Приклонскому и Лаврову часто заходили мурзы и надменно требовали себѣ у нихъ подарковъ. Послы просили подождать общей раздачи, а ихъ за это безчестили, *лая матерны,* Лаврова били по щекамъ, морили голодомъ и грозили привязать къ пушкѣ, самого же Приклонскаго драли за волосы и били плетьми по головѣ. „Не послы вы, неистово шумѣли драчливые мурзы, а данники наши!"

Какъ бы то ни было, Приклонскій получилъ позволеніе явиться къ хану. Махмедъ-Гирей сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ, близъ него стояли царевичи Калга

и Нурединъ, далѣе — младшіе ханскіе родственники, еще далѣе—вельможи и мурзы. Когда послы вступили въ пріемную палату, царевичъ Калга заставилъ ихъ *стать на колѣнки.* Во время аудіенціи прочитана была царская *любительная* грамата съ извѣстными жалобами на разореніе украинныхъ городовъ и на обиды Московскимъ посламъ: „и то межъ иныхъ государей, писалъ царь Михаилъ Өеодоровичъ,—не повелося и мы, великій государь, по нашему государскому милосердому нраву твоихъ гонцовъ допускали видѣть наши царскія очи вскорѣ и твои царевы граматы принимали. А въ твоихъ граматахъ пишешь намъ *повелѣнія,* не называешь насъ самодержцемъ, и таково писать непристойно.“

Царскія требованія такъ выражались въ *любительной* граматѣ: „порубежныхъ нашихъ городовъ и селъ и деревень не воевать, весь *ясырь* вернуть, жить въ дружбѣ, довольствоваться присылаемыми *поминками* и на томъ стоять впередъ навѣки крѣпко и неподвижно.“

По прочтеніи царской граматы началась раздача *поминковъ.* Татарамъ выдано было 18 сороковъ соболей въ разную цѣну, отъ 250 до 25 рублей за сорокъ. Кромѣ того имъ же роздано было нѣсколько сотъ шубъ: собольихъ, куньихъ, шубъ—хребты бѣлые и шубъ—черева бѣлыя. Денежные *поминки* израсходованы были въ такомъ количествѣ: ханъ Махметъ-Гирей получилъ за годъ 4000 рублей, царевичи Калга и Нурединъ — по 500 рублей, младшіе царевичи—по 100 рублей, Маметша-ага—200 рублей, остальные придворные мурзы—по 50 рублей и наконецъ придворная прислуга—по 24 рубля на человѣка *).

Московскіе *поминки* видимо понравились крымцамъ, поэтому они вдругъ стали вѣжливѣе и сговорчивѣе. Приклонскому самъ Махметъ-Гирей объявилъ, что въ слѣдующее лѣто будетъ размѣнъ *полоняниковъ.* Чины по-

*) Книги расходныя деньгамъ и рухляди. Приложены въ концѣ стат. списка Приклонскаго.

сольства были переведены въ лучшее помѣщеніе. Однако мелкіе набѣги Крымскихъ мурзъ и улановъ на наши украйны все таки продолжались...

Въ 1644 году ожесточенный врагъ Москвы Махметъ-Гирей бѣжалъ въ Стамбулъ. Крымскимъ ханомъ сдѣлался Исламъ-Гирей. Въ это время царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ интересахъ Московскихъ украйнъ завелъ дипломатическія сношенія съ турецкимъ султаномъ Ибрагимомъ и, опираясь на это, настойчиво сталъ требовать въ Бахчисараѣ черезъ Приклонскаго, чтобы ордынцы унялись и украйнъ отнюдь не разоряли.

„И тебѣ бы брату нашему Ислану-царю, писалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ,—учинить съ нами, великимъ государемъ, доконьчанье по повелѣнью и письму Ибрагима, салтанова величества, и полоняниковъ русскихъ людей прежнихъ и послѣднихъ войнъ отпустилъ бы ты къ намъ безъ окупу, а которые крымскіе воры наши украйны воевали, и ты бъ велѣлъ казнить ихъ смертію.“

Съ перемѣною правленія въ Бахчисараѣ наши отношенія къ Крымской ордѣ, однако, не улучшились. Татары по прежнему не унимались и въ томъ же 1644-мъ году мелкими партіями воевали наши степи, въ томъ числѣ и Тамбовскія, *до самые зимы безпрестанно*. Эти мелкіе Крымскіе хищники, которые приходили къ намъ на свой страхъ, въ XVII столѣтіи назывались у насъ *ворами-зипунниками*. Расчеты на покровительство турецкаго султана Ибрагима тоже не оправдались. Въ концѣ лѣта 1644-года, по распоряженію новаго крымскаго хана Исламъ-гирея, на всѣ наши украйны двинулись изъ орды многолюдныя конныя толпы. Тогда началось страшное избіеніе почти беззащитныхъ жителей Тамбовскаго края. Болѣе молодыхъ и красивыхъ обывателей нашихъ селеній Татары *арканили* и гнали въ Крымъ. Остальныхъ убивали. Въ сентябрѣ 1644-го года вся степная часть нынѣшней Тамбовской губерніи представляла мертвую пустыню и обширное пожарище. Крым-

цы пожгли все, даже и хлѣбъ на поляхъ. Домашній скотъ отчасти угнанъ былъ въ орду, отчасти поробитъ... „И такого разоронья, жаловался въ ордѣ Приклонскій,— потравы и полону нашимъ украйнамъ николи не бывало.“

Главнымъ виновникомъ нашего разоренія въ описываемое время былъ Крымскій царевичъ Калга. Фанатическая вражда его къ Россіи происходила главнымъ образомъ отъ того, что ему сильно хотѣлось вернуть подъ мусульманскую власть Казань и Астрахань. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ и Приклонскому, но тотъ, помня свою инструкцію, твердилъ неизмѣнно одно и тоже: „Казань и Астрахань—земли издавна государскія и иныя рѣчи про нихъ говорить не гоже и нестаточно“.

Уѣзжая изъ Бахчисарая, Приклонскій получилъ ханскую шертную грамату. Она была изложена въ такихъ выраженіяхъ.

„Великія орды великаго царя царево слово учинили есми съ братомъ нашимъ царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Өеодоровичемъ. Быть намъ въ доброй и крѣпкой братской дружбѣ и въ любви отъ нынѣшняго дни и впредь на вѣки отъ дѣтей на внучата и вездѣ быти намъ другу его другомъ, а недругу его — недругомъ, и на всякаго недруга стояти за одинъ. И въ великое Московское государство войною намъ и царевичамъ и племянникамъ нашимъ, агамъ и мурзамъ не ходить и городовъ Московскихъ не разорять“.

Далѣе шли пріятныя рѣчи о взаимно-выгодной и безопасной торговлѣ и прочихъ благахъ мирнаго житія. Но все это забывалось конечно еще раньше, чѣмъ высыхали чернила... И снова жадные и *немилостивые* хищники громили наши украйны.

Безпрерывныя Крымскія тревоги XVII вѣка сдѣлали то, что въ нашемъ Тамбовскомъ краѣ до XVIII столѣтія всѣ крестьяне выходили на полевыя работы съ оружіемъ. Многія селенія укрѣплены были *надолобами*.

На сторожевыхъ вышкахъ день и ночь стояли караульные. Можно сказать, что Тамбовскій край въ теченіе всего XVII столѣтія былъ совершенно на военномъ положеніи. Нѣкоторые мѣстные обыватели прямо приписаны были къ военному сословію и назывались казаками и солдатами.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нашему краю стало немного легче. Крымцы, какъ извѣстно, заодно съ Богданомъ Хмѣльницкимъ воевали Польшу. Наши Донцы наводили тогда страхъ на *турецкіе* города и *Махметъ-салтанъ* не зналъ что дѣлать съ ними. Но это сравнительно счастливое время продолжалось недолго, всего года три. За тѣмъ снова пошли набѣги, снова обильно потекла русская кровь, снова русскіе и въ томъ числѣ Тамбовскіе *полоняники* наполнили собою Татарскіе и Турецкіе невольничьи базары. Поэтому въ 1653-мъ году въ Бахчисарай отправлено было новое посольство. Для государева великаго посольскаго и земскаго дѣла *въ послѣхъ* поѣхалъ стольникъ Хомяковъ съ подъячимъ Клочковымъ. По обычаю, и этому посольству пришлось испытать въ Татарскихъ степяхъ много горя. Однажды подъячій Клочковъ ночью немного отсталъ отъ своего обоза. Тогда на него наѣхали Татары, ограбили, били плетьми, связали, привезли въ одинъ улусъ и морили тамъ голодомъ. Къ самому Хомякову постоянно на дорогѣ являлись разные мурзы и требовали себѣ *почести*, т. е. денегъ и соболей. Тщетно посолъ отговаривался: „о чемъ вы просите, о томъ и помыслить немочно и прежъ сего такихъ великихъ запросовъ не бывало“. Татары всетаки продолжали назойливо приставать и въ концѣ концовъ получали подарки.

Въ декабрѣ 1653-го года посольство представлялось Исламъ-Гирею съ *поминками*. Хану особенно понравились кречета царской потѣхи. Онъ бралъ ихъ въ руки и долго любовался ими. Вообще же остался подарками

недоволенъ и грозитъ посламъ *безчестьемъ и тѣснотою.* *) Бахчисарайскіе повелители, очевидно, еще не ясно сознавали, что Татарское иго для Москвы давно кончилось, и потому смотрѣли на царскіе *поминки,* какъ на должную имъ и обязательную дань. Между тѣмъ въ Москвѣ придавали *поминкамъ* значеніе царскаго жалованья. Такимъ образомъ болѣе двухъ столѣтій между двумя сосѣдними народами происходило странное и упорное недоразумѣніе...

До какой степени часто наши дипломаты должны были вѣдаться съ Крымомъ, это видно изъ слѣдующаго перечня посольствъ. Въ 1626-мъ году въ Крымъ ходилъ посломъ стольникъ Тарбѣевъ. Въ 1628-мъ году—стольникъ Кологривовъ. Въ 1630-мъ году — стольникъ Воейковъ. Въ слѣдующемъ году—дворянинъ Соковнинъ. Черезъ два года — дворянинъ Анисимовъ. Черезъ три года—стольникъ Фустовъ и еще черезъ два года—Свѣтозаровъ. Все это были большія посольства и съ щедрыми *поминками.* Въ ихъ штатахъ были приказные люди, толмачи, *вожи,* кречатники и всякіе служилые люди. **) Но не спасали всѣ эти посольства нашихъ украйнъ отъ дикаго татарскаго разоренія. Вслѣдствіе этого нашимъ предкамъ, стариннымъ Тамбовцамъ, слишкомъ жутко и тревожно жилось и не рады они были своему лѣсному и степному приволью... Между тѣмъ и внутри Московскаго государства начинались великія бѣдствія.

Въ концѣ 60-хъ годовъ XVII-го столѣтія весь Московскій юго-востокъ смущенъ былъ извѣстнымъ казацко-крестьянскимъ движеніемъ Стеньки Разина. Государственная смута, грозившая всему русскому государственному *укладу,* широко распространилась въ Волжскомъ бассейнѣ и не миновала и нашего края. Именно объ этомъ печальномъ эпизодѣ Тамбовской исторической

---

*) Крымскія дѣла, № 34. Въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

**) Крымскія дѣла, № 34-й. Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностр. дѣлъ.

жизни и будетъ наша рѣчь въ третьей главѣ, на основанiи *боярскихъ отписныхъ грамотъ*, которыя въ настоящее время хранятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстицiи.

III.

Казацко-крестьянское движенiе Разина въ предѣлахъ Тамбовскаго края.

Разинское соцiально-политическое броженiе началось въ 1667 году. Подъ *воровскiя* знамена отчаяннаго Донскаго удальца, заклятаго *ворога* Московскихъ бояръ, со всѣхъ сторонъ шли люди *голутвенные*, люди недовольные Московскими порядками, Никоновскими церковными реформами и всевозможные неудачники. Пущенъ былъ слухъ, что въ лагерѣ Степана Тимоѳеевича Разина скрывается отъ гонителей святѣйшiй патрiархъ Никонъ и вотъ потянулись на Волгу и ея притоки многочисленные приверженцы опальнаго всероссiйскаго владыки. Въ то же время ходила по всей Руси молва, что у атамана Разина, подъ его вѣрной молодецкой защитой, пребываетъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ и царелюбивая Русь слѣпо шла и на эту приманку. То было время, когда русская *могутная* сила не имѣла удержу и шла врозь путями ей невѣдомыми, стихiйными....

Казацко-крестьянское движенiе охватило между прочимъ и весь нашъ край. Во всѣхъ Тамбовскихъ и Шацкихъ уѣздахъ, до самаго Воронежа, поднялось почти все крестьянство, взволнованное пришлыми Донскими казаками. Въ ту грозную эпоху совершилось у насъ не мало убiйствъ беззащитныхъ дворянъ и служилыхъ людей. Желѣзо и огонь работали усиленно.

Мятежъ въ нашихъ предѣлахъ былъ тѣмъ ужаснѣе, что до самаго конца 1670 года не были посланы къ намъ царскія дружины и буйныя толпы дѣйствовали по этому на всей своей волѣ. Осенью 1670 года наконецъ къ намъ пришли воеводы князь Юрій Долгорукій, князь Волконскій, Бутурлинъ, полковникъ Волжинскій, ротмистръ Швейковскій и князь Ромодановскій. Съ ними были стрѣльцы, драгуны, рейтары и ополченцы.

Наши источники по данному вопросу—*боярскія отписныя грамоты*, снятыя съ Московскихъ архивныхъ *столбцовъ*, получались нами случайно и не въ хронологическомъ порядкѣ, поэтому въ своемъ разсказѣ мы будемъ держаться такъ сказать топографической системы, т. е. будемъ пріурочивать свои краткія повѣствованія къ извѣстнымъ городамъ. Прежде всего вниманіе наше останавливается на бывшемъ Верхне-Ломовскомъ уѣздѣ.

Къ Верхнему Ломову мятежники приступили 2-го октября 1670 года. Сколько ихъ было—неизвѣстно. Но должно быть много, потому что во главѣ ихъ находился столь извѣстный атаманъ Михайло Харитоновъ, который пришелъ *на Ломовъ городъ*, по словамъ боярскихъ грамать, *со многими людьми и большимъ собраніемъ, съ черкасами, Саратовскими и всякими казаками*. Ломовскій гарнизонъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ очень слабъ и даже самая вѣрность его подвергалась сомнѣнію, тѣмъ не менѣе воевода Игнатій Корсаковъ выслалъ противъ мятежниковъ городскихъ людей. Не вступая въ бой, обѣ стороны вступили въ переговоры.

— Для чего вы къ намъ въ Верхній Ломовъ большимъ собраніемъ пріѣхали? спросили Ломовцы.

— Пріѣхали мы къ вамъ, отвѣчали имъ, отъ Донскаго атамана, отъ батюшки Степана Тимоѳеевича Разина, *для обереганья*. И буде вы учинитесь супротивъ насъ сильны и мы всѣхъ васъ побьемъ и городъ выжжемъ и женъ и дѣтей всѣхъ порубимъ и разоримъ васъ безъ остатку.

Ломовцы испугались и впустили въ свой городъ мятежную шайку. Въ это время въ соборѣ шла обѣдня. Атаманы вошли въ церковь и чинно отстояли службу. Затѣмъ они собрали кругъ и немедленно начали грабить служилыхъ людей и духовенство. А воеводу схватили и посадили въ тюрьму. Впослѣдствіи Игнатій Корсаковъ былъ умерщвленъ мятежниками. Между тѣмъ всѣ взрослые Ломовскіе обыватели насильно захвачены были въ шайку и *неволею* принуждены были дѣйствовать противъ правительства *).

По усмиреніи Разинскаго мятежа изъ Москвы прислана была въ нашъ край слѣдственная коммиссія. Слѣдователи дѣйствовали быстро и сурово. Поэтому подъ плети и на висѣлицы пошли массы Верхне-ломовцевъ. Тутъ были конные и пѣшіе казаки, стрѣльцы и пушкари, засѣчные сторожа и разные русскіе люди, Мордва и *Татаровья*. Почти всѣхъ ихъ, вольныхъ и невольныхъ преступниковъ, по воеводскому приговору, пріютила гостепріимная могила...

Изъ Верхняго Ломова атаманъ Харитоновъ пошелъ на Керенскъ. Въ это время его шайка состояла изъ 5,000 человѣкъ. При такихъ условіяхъ ничтожный городокъ, укрѣпленный невысокимъ земляныкъ валомъ и *надолобами*, конечно, былъ взятъ и разграбленъ. При этомъ былъ убитъ Керенскій воевода Автамонъ Семеновичъ Безобразовъ, тѣло котораго было перевезено въ Москву и погребено тамъ съ большими почестями. Между тѣмъ къ Керенску же подступалъ съ царскою дружиною Тамбовскій воевода Яковъ Тимоѳеевичъ Хитрово. Тогда мятежники поспѣшно выступили изъ взятаго ими города и пошли въ Спасскіе лѣса, но близъ села Зарубкина были настигнуты и принуждены были вступить въ бой. Битва была жестокая, потому что Харитоновъ успѣлъ окопаться и окружить себя засѣками,

*) Полный текстъ боярской отписной граматы о Верхне-Ломовскомъ разореньи напечатанъ нами въ № 98 „Тамб. губ. вѣдом.“ за 1882 годъ.

однако старый царскій воевода Хитрово побѣдилъ. „Къ тѣмъ Зарубкинскимъ засѣкамъ, писалъ онъ царю, — мы приступали жестокими приступами, бились не щадя головъ своихъ и воровскихъ людей побивали и въ полонъ имали и свинецъ у нихъ отбивали.“

Съ плѣнными бунтовщиками Хитрово пошолъ въ Керенскъ и здѣсь торжественно былъ встрѣченъ городскими и уѣздными жителями, которые *въ винахъ своихъ добили челомъ и къ вѣрѣ и шерти были приведены.*

18 декабря 1670 года гонецъ изъ Москвы привезъ Тамбовскому воеводѣ и служилымъ людямъ *царское милостивое слово.* „И мы всѣ, отписывалъ царю старшій мѣстный воевода князь Юрій Долгорукій,—слыша твою великаго государя премногую милость, воздали хвалу Господу Богу и пречистой его матери и всѣмъ святымъ, и должны мы, холопи твои, за ту милость платить работами своими, сколько нашей мочи будетъ“ *).

Къ концу 1670 года военное счастье видимо и рѣшительно склонилось на сторону царскихъ воеводъ. *Воровскіе люди* на всѣхъ пунктахъ отступали. Рѣдкіе изъ нихъ принимали бой, но за то бились съ отчаянною храбростію, твердо помня, что отъ Москвы пощады не бываетъ. Вскорѣ послѣ Зарубкинской битвы воевода Хитрово отошелъ къ *Селищамъ* и стоялъ тамъ до 9-го декабря. Въ отрядѣ Тамбовскаго воеводы былъ полкъ Швыйковскаго, Смоленская, Бѣльская и Рославская шляхты. А *воровскіе люди* сосредоточивались близъ села Ачадова. Хитрово, узнавъ объ этомъ скопищѣ, немедленно выступилъ противъ него. Ачадовскій бой былъ 11-го декабря. Въ своей отпискѣ царю объ этомъ маститый полководецъ писалъ такъ: „Государю царю и всея Россіи самодержцу холопъ твой Яшка Хитрово челомъ бьетъ. 11-го, Государь, декабря съ воровскими людьми былъ бой и твои ратные люди къ воровскимъ засѣкамъ

---

*) Текстъ отписной граматы см. въ Тамб. губ. вѣд. за 1882-й годъ № 100-й.

приступали жестокими приступами, бились явственно не щадя головъ своихъ, и у тѣхъ засѣкъ воровскихъ людей побивали и знамена и зелья и свинецъ у нихъ отбивали, и въ обозъ ихъ вбили и по тому обозу изъ пушекъ стрѣляли, и на воровскихъ людей кидались въ пики и многіе изъ шляхты на томъ бою перeранены тяжелыми ранами, пиками и рогатинами пробиты насквозь, изъ пищалей и луковъ прострѣлены“.

Послѣ этого пораженія *воровскими людьми* овладѣлъ великій страхъ и они сдались великому государю и *вины свои принесли* и были распущены по домамъ, кромѣ зачинщиковъ....

14 декабря воевода Яковъ Хитрово извѣщалъ царя объ окончательномъ умиротвореніи Керенскаго края и о назначеніи дворянина Соймонова на мѣсто убитаго Керенскаго воеводы Безобразова. Послѣднее обстоятельство указываетъ на довольно обширныя полномочія бывшаго Тамбовскаго воеводы.

„14 декабря, Государь, писалъ Хитрово, — вшедчи въ Керенскъ, велѣлъ я холопъ твой на Автономово мѣсто Безобразова быть Дмитрію Харламову сыну Соймонову, и Керенскихъ всякихъ людей вторично приводилъ къ вѣрѣ въ соборной церкви, а мурзъ и татаръ и мордву приводилъ по ихъ вѣрѣ къ шерти, чтобъ имъ къ воровскимъ прелестямъ не приставать и ни какимъ воровствомъ не воровать и во всемъ быть послушнымъ.“

Въ Темниковскомъ и Кадомскомъ уѣздахъ Разинскій мятежъ проявился едва-ли не сильнѣе, чѣмъ въ окрестностяхъ Керенска. Это зависѣло отъ дремучихъ Темниковско-Кадомскихъ лѣсовъ и отъ характера мѣстнаго населенія, большею частію крѣпостнаго и инородческаго.

Главными вожаками воровскихъ партій въ сѣверо-восточныхъ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи были атаманы *Абрамка* и *Ѳедька* Сидоровы. Сильное

вліяніе на мятежниковъ имѣли также протопопъ Данила, попъ Савва, попъ Пименъ и старица *Аленка*.

По дорогѣ изъ Кадома въ Темниковъ атаманы устроили крѣпкія засѣки, вооружили ихъ пушками и населили гарнизонами. Послѣ этого не удивительно, что весь Тамбовскій сѣверо-востокъ покорился *батюшкѣ* Степану Тимофеевичу. Въ особенности волновались вотчинные крестьяне князей Одоевскаго и Черкасскаго.

1670-й годъ оканчивался. Стояла глубокая и холодная зима. Въ это время на Темниковскихъ и Кадомскихъ бунтовщиковъ пришли царскія дружины подъ начальствомъ князей Волконскаго и Долгорукаго и стольника Лихарева. Начались битвы. Первый сильный бой былъ близъ села Веденяпина, при чемъ *у воровъ* отбиты были 4 пушки и 16 знаменъ. Мятежники поспѣшно отступили въ Кадомскій уѣздъ, но были преслѣдуемы и *у Черной рѣчки* окончательно разбиты. Трофеями этой второй побѣды правительственной были 10 пушекъ.

Въ концѣ декабря 1670 года Темниковско-Кадомскій край смирился и начались обычныя въ XVII вѣкѣ и усиленныя допросныя пытки и казни. Поповъ Савву и Пимена повѣсили, а старицу *Аленку*, обвиненную въ еретичествѣ и колдовствѣ, сожгли въ срубѣ.

О торжествѣ Московскихъ дружинъ царь Алексѣй Михайловичъ извѣщенъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

„Государю царю (слѣдуетъ титулъ) холопъ твой Юшка Долгоруковъ челомъ бьетъ. Декабря, государь, въ 4-й день подходили мы къ Темникову и за двѣ версты встрѣтили насъ, холопей твоихъ, всякихъ чиновъ люди и священники и крестьяне со святыми иконами и били челомъ тебѣ, великому государю, съ великимъ плачемъ“.

Царскіе воеводы казнили въ Темниковѣ 18 человѣкъ крестьянъ. Ихъ пытали и сожгли. Особенно изысканная казнь досталась на долю уже указанной нами

старицы *Аленки*, которая *войско сбирала и билась съ государевыми людьми накрѣпко и имѣла заговорныя письма и коренья*. Ее казнили всенародно на Темниковской площади, медленно жгли въ срубѣ, а попа Пимена въ то же время подняли на висѣлицу за то, что онъ про бывшаго патріарха Никона говорилъ *похвальныя слова* и молилъ Бога за него и за воровскихъ казаковъ. Воеводы хотѣли также казнить Темниковскаго протопопа Данилу, но онъ успѣлъ убѣжать и скрылся въ Москвѣ *).

Смутная казацко-крестьянская эпоха проявилась между прочимъ и въ нашемъ Тамбовскомъ уѣздѣ. Во многихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ крестьянская *голытьба* спалила барскіе хоромы, а ихъ владѣльцевъ, не успѣвшихъ бѣжать, подвергла мучительной смерти. Съ особенною силою Разинскій мятежъ охватилъ сѣверную часть уѣзда. Атаманъ Калина Бочковъ да эсаулъ Федоръ Здоровневъ овладѣли Лысогорскимъ острогомъ да Челнавскимъ острожкомъ и всю тамошнюю царскую казну пограбили, а царскихъ воеводъ повѣсили у *круглаго озера*. Въ то же время въ одномъ селѣ Горѣломъ мятежниковъ собралось около 9,000 человѣкъ. Это было въ началѣ 1670 года. Въ Верхоценской волости тогда же всѣ крестьяне соединились съ *воровскими* казаками и заняли всѣ дороги. Особенно много собралось мятежниковъ у Татанова, Бокина, Кузьминой Гати, Куксова и Троицкаго монастыря. На выручку города Тамбова Сокольскій воевода Дубовицкій послалъ было *сержанта Митьку Долгополова* съ 200 человѣкъ конницы, а они, *не хотя служить великому государю, воровски стояли недѣли съ три въ степи*... Между тѣмъ престарѣлый Тамбовскій воевода Хитрово утомился уже борьбою съ Разинскими атаманами и безпрерывными дальними походами, непосильными для его возраста, поэтому отпу-

*) Полный текстъ описки князя Юрія Долгорукаго напечатанъ нами въ № 105 „Тамб. губ. вѣд." за 1882 г.

щенъ былъ *къ Москвѣ на покой* *). А *для береженья* Тамбовской крѣпости съ уѣздомъ назначены были князь Борисъ Мышецкій и полковники Скорняковъ—Писаревъ и Зыковъ съ *рейтары и съ драгуны* и съ Мещерскими дворянами. Умиротвореніе нашего края произошло весьма быстро, поэтому свободныя военныя силы отправлены были изъ Тамбова къ Троицкому острогу, гдѣ *воровъ* было еще очень много **).

Широкое развитіе казацко-крестьянскаго мятежа въ нашемъ краѣ объясняется между прочимъ слишкомъ слабыми оборонными средствами нашихъ городовъ. Войскъ у насъ долго почти вовсе не было и ихъ едва хватало на гарнизонную и полицейскую службу. Крѣпостная артиллерія представлялась въ самомъ жалкомъ видѣ. Денегъ и всякихъ запасовъ не хватало и по мирному положенію. Относительно военнаго снабженія города Кадома, древнѣйшаго во всемъ нашемъ краѣ, князь Волконскій писалъ царю Алексѣю Михайловичу такъ: „А въ Кадомѣ городѣ, государь, въ твоей государевой казнѣ 8 пушекъ затинныхъ, девятая полковая, 2 пуда зелья, 2 пуда свинцу, да къ пушкамъ тысяча ядеръ; да на кружечномъ дворѣ твоей государевой казны 15 рублей и 10 ведръ вина".

Впослѣдствіи въ своихъ челобитныхъ жители Тамбовскихъ городовъ, сдавшихся бунтовщикамъ, оправдывались передъ царемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „виннымъ и безпомощнымъ холопямъ и сиротамъ твоимъ стоять противъ *воровъ* было не въ мочь и въ осаду сѣсть не съ кѣмъ и не съ чѣмъ, потому что городишки наши пустые и малолюдные и людишки безружейные". Въ нѣкоторыхъ городахъ, наприм. Тамбовѣ и Керенскѣ, по

---

*) Примѣч. На мѣсто Хитрово Тамб. воеводою былъ присланъ князь Петръ Ивановичъ Хованскій. При немъ изъ Тамбова бѣжали на Хоперъ *ратныхъ людей* 74 человѣка, *да драгунов* 230 человѣкъ и *Московскихъ стрѣльцов* — 8, и всѣ они побрали *жалованье и ружье*.

**) См. „Тамб. губ. вѣд." № 110 й за 1882-й годъ.

крайней мѣрѣ воеводы были мужественные и преданные своему долгу. Но случалось и такъ, что воеводы бѣжали изъ порученныхъ имъ городовъ *первые* и тогда брошенные обыватели по неволѣ втягивались въ смуту. Такимъ воеводою, забывшимъ свой долгъ, былъ Кадомскій — Дмитрій Аристовъ.

Въ теченіи 1671 года весь Шацко-Тамбовскій край нашъ былъ совершенно очищенъ отъ Разинскихъ шаекъ. Только на городскихъ площадяхъ, дорожныхъ перекресткахъ и на другихъ бойкихъ мѣстахъ не прибранные висѣли трупы казненныхъ преступниковъ, пугая прохожихъ и проѣзжихъ. Послѣ буйнаго разгула весь край замеръ и долго не проявлялось въ немъ смутъ, нарушавшихъ мирное теченіе обыденной жизни. Правда, разбои случались безпрерывно, но при прежнемъ строѣ общественно-государственной жизни это называлось *шалостями*. Съ конца XVII вѣка Тамбовско-Шацкія трущобы быстро стали наполняться боярскими и дворянскими вотчинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, началось обрусѣніе и нѣкоторое упорядоченіе края. Но русско-дворянское землевладѣніе далеко не принесло у насъ такой великой государственно-національной пользы, какъ *строеніе монастырей*. Монастыри и въ нашемъ краѣ были самыми могущественными піонерами русской колонизаціи, ассимилируя инородцевъ и содѣйствуя основанію *торжковъ*, селеній, и мирно распространяя извѣчные національно-русскіе принципы... Поэтому слѣдующую главу своего втораго выпуска мы посвящаемъ вопросу о Шацко-Тамбовскихъ монастыряхъ.

IV.

Тамбовско-Шацкіе монастыри.

Въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ XVIII-го, до извѣстной церковной реформы 1764 года, монастырей въ нашемъ краѣ, кромѣ существующихъ доселѣ, было множество: Троицкая пустынь, Казанская, Аграфенина, Мамонтова, Елатомскій монастырь, Рамзенскій, Добринскій, Конобеевскій, Козловскій Ильинскій, Козловскій Троицкій, Красногорскій-Романовскій и другіе, всѣхъ болѣе 20. Но почти всѣ наши обители до самаго конца XVIII столѣтія, вслѣдствіе скудости мѣстнаго народонаселенія, отсутствія удобныхъ путей сообщенія и административнаго безсилія, проявлявшагося въ *дикости* края, болѣе или менѣе нищенствовали, отличались малолюдствомъ и монашескою малограматностію. Такимъ образомъ Шацко-Тамбовскія монастырскія лѣтописи въ сущности—скорбныя лѣтописи. Это ясно видно изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи, приводимыхъ нами въ сокращеніи.

Казанскій дѣвичій Конобѣевскій монастырь, Шацкаго уѣзда, давно уже упраздненный, былъ едвали не бѣднѣе любой деревенской церкви. Оффиціальное описаніе монастыря отъ 1737 года таково:

„Въ томъ монастырѣ одна деревянная церковь, *монахиньскихъ* келлій 8, длиною 16, поперегъ 4 сажени. За тѣмъ монастыремъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и пашни и лѣсу и сѣнныхъ покосовъ и мельницъ и рыбныхъ ловель и никакихъ угодій не имѣется. Денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ не бываетъ. Хлѣбная дача производится монастырю отъ г. Нарышкина по 50 четвертей въ годъ на 18 монахинь."

Шацкій Проломскій мужской монастырь былъ еще бѣднѣе. Въ немъ, при двухъ ветхихъ деревянныхъ

церквахъ, была только одна келья длиною въ 7 сажень и шириною въ 3.

„Прочихъ строеній, прибавляютъ наши Московскіе документы,—въ томъ монастырѣ не имѣется. Монашествующихъ двое: іеромонахъ и монахъ. За тѣмъ монастыремъ вотчинъ крестьянскихъ 3 двора, а пашенной земли 18 четвертей въ полѣ и 3 десятины чернолѣсья и кормиться нечѣмъ.“

Въ такомъ состояніи Шацкій Проломскій монастырь былъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Въ настоящее время Вышенская пустынь принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу самыхъ благоустроенныхъ въ экономическомъ отношеніи. Но то было прежде, въ 1737 году.

„Въ той пустыни, по имѣющимся у насъ даннымъ,—церквей было двѣ—обѣ малыя деревянныя, келлій три. Да въ той же пустыни монаховъ одинъ и вдовый попъ, дьячекъ и пономарь, а угодій и доходовъ не имѣется и не бываетъ, токмо имѣется сѣннаго покосу сто копенъ и пчельнаго заводу малое число“ *).

Въ 1764 году, во время извѣстнаго описанія и отобранія церковныхъ имуществъ, въ Тамбовъ прибылъ уполномоченный отъ церковно-экономической коммиссіи Черниговскаго полка подпоручикъ Василій Слѣдковъ. Прибытіе давно жданнаго гостя состоялось 1-го апрѣля и было, разумѣется, далеко не радостнымъ для убогихъ Тамбовскихъ иноковъ и инокинь.

Въ то время настоятельницею Тамбовскаго Вознесенскаго женскаго монастыря была Екатерина Ушакова. Съ нея то и снятъ былъ допросъ о томъ, *въ которомъ году и по какимъ повелѣніямъ оный монастырь застроенъ, при какихъ рѣкахъ или озерахъ состоитъ и что въ немъ*

*) Моск. архивъ минис. юстиціи, дѣла коллегіи экономіи за 1739—1741 гг. кн. 2-я

церквей, келій и прочаго, такожъ земли и другихъ угодій, что есть и чего нѣтъ.

„Вознесенскій женскій монастырь, по словамъ Ушаковой, — строенъ былъ Тамбовскимъ преосвященнымъ Питиримомъ на его келейныя деньги въ 1690 году, а состоитъ онъ въ полковой слободѣ въ Рождественскомъ приходѣ на устьѣ Студенца, что впалъ въ Цну рѣку“ *).

Въ 1724 году въ Тамбовѣ былъ страшный пожаръ. При сильномъ вѣтрѣ деревянный городъ исчезалъ совершенно безпомощно. При этомъ погибъ и Вознесенскій монастырь со всѣми документами и съ одною больною монахинею, которую въ пожарной суматохѣ не успѣли выхватить изъ пламени. Монастырь послѣ пожара былъ возобновленъ, но долго сильно бѣдствовалъ. Поэтому въ 1740 году его соединили съ приходскою Рождественскою церковію. Верхній этажъ перестроеннаго деревяннаго храма принадлежалъ монастырю, а нижній—приходу. Строеніе церкви *совершилось боголюбивыми дателями*. Въ 1744 году монастырь освященъ былъ игуменомъ Протасіемъ въ присутствіи Вознесенской игуменьи Елисаветы.

„Оная двупрестольная церковь, сказано въ описаніи Слѣдкова, — строена изъ облаго сосноваго лѣсу, крыта тесомъ; въ обѣихъ церквахъ красныхъ оконъ съ оконницы двадцать одно; около верхней церкви съ двухъ сторонъ на столбахъ перилы—забраны досками; подъ тою церковію земли въ длину 10, поперегъ 4 сажени.“

Кругомъ церкви выведена была деревянная стѣна съ тремя воротами. Надъ главнымъ монастырскимъ входомъ возвышалась осмистѣнная шатровая колокольня съ зеленою чешуйчатою главою. На колокольнѣ висѣло

*) Тамб. Рожд. церковь, деревянная съ придѣломъ во имя великомученика Георгія, повелѣніемъ царя Өеодора Алексѣевича основана была въ 1679 году.

пять колоколовъ, изъ которыхъ наибольшій вѣсилъ 10 пудовъ.

Въ 1764 году въ Вознесенскомъ монастырѣ было 18 келій. Всѣ онѣ отличались замѣчательною убогостію, крыты были драныо, топились по черному и имѣли волоковыя окна. Вознесенскія монахини кормились *отъ рукодьлія,* шили по заказамъ шолками, золотомъ и серебромъ и ткали сермяжныя сукна *).

Въ 1717 году въ нашемъ краѣ, по благословенію митрополита Стефана Яворскаго, основанъ былъ Черніевъ Шацкій женскій монастырь. Въ царствованіе Елизаветы Петровны весь монастырь сгорѣлъ и монахини разбрелись по сосѣднимъ селамъ и кормились отъ *мірскаго подаянія.* Вскорѣ *доброхотные датели* возобновили обитель и построили въ ней церковь во имя *Пресвятыя Богородицы положенія честныя ризы Ея.* Возобновленный монастырь отличался величайшею бѣдностію. Колокольни при немъ не было. Главный монастырскій колоколъ, повѣшенный на рундукѣ, вѣсилъ 3 пуда. Церковь построена была изъ стараго лѣсу и *обстояла въ ветхости.* Утварь церковная поражала крайнею нищетою. Пелены, которыми покрывался престолъ, были бумажныя; для храненія св. даровъ ковчегъ употреблялся оловянный; на жертвенникѣ одѣяніе было полотняное набивное; копія, кадила и паникадила были желѣзныя и мѣдныя; олтарная завѣса сшита была изъ полосатой бумажной матеріи... Священническія ризы и пояса сдѣланы были изъ выбойки и грубаго полотна. Монастырская нищета была тѣмъ ощутительнѣе, что всѣ Чернѣевскія монахини, начиная съ игуменій, были неграматны *и рукодьлія никакого не имьли* **).

И однако, со всѣхъ нашихъ бѣдныхъ монастырей въ первой половинѣ прошлаго вѣка собирались въ каз-

*) Моск. архивъ мин. юстиціи по коллегіи экономіи, опись за № 100.
** Моск. арх. мин. юстиціи, № 717.

ну разныя подати. Брали всѣмъ, между прочимъ — мукою, сухарями и овсомъ...

Сравнительно въ лучшемъ экономическомъ положеніи были у насъ приписные монастыри: Черніевъ Николаевскій, Троицкій и Мамонтова пустынь. Всѣ они имѣли *бортные ухожьи, рыбныя ловли, пашни, сѣнные покосы и крестьянъ, тяглыхъ и бобыльскихъ;* и что важнѣе всего — сильное покровительство Московскихъ монастырскихъ властей, Чудовскихъ, Саввино-Сторожевскихъ и Ново-спасскихъ. У этихъ монастырей вкладчиками были не *голутвенные* люди, а такіе могущественные покровители, какъ *великая старица инока* Мароа Ивановна, и все войско Донское... Поэтому монахи названныхъ нами монастырей широко пользовались владѣльческими правами: у нихъ были *бобровыя ловли, лосинныя и козиныя стойла, и всякое вотчинное угодье.* У нихъ были села и деревни. Такъ, Троицкому приписному монастырю принадлежали слѣдующія села: Городище, Дуброва и Пишляй, *а въ нихъ 152 двора крестьянскихъ, 73 двора бобыльскихъ, пашенныя земли 1576 четвертей въ поль, да дикія земли 3000 четвертей въ поль и сѣна 5000 копенъ* *).

Какъ бы то ни было, убогіе монастыри наши сослужили серьезную службу русскому дѣлу и всему нашему краю. Они были главными факторами русской колонизаціи и близъ ихъ ветхихъ деревянныхъ оградъ постепенно возникли у насъ многолюдныя русскія села: Бокино — близъ Трегуляева монастыря, Чернѣево — близъ Николаевской Черніевой пустыни, Мамонтово — близъ Мамонтовой пустыни; село Кириллово (вотчина Бѣлоозерскаго монастыря), село Пичаево (вотчина Солотчинскаго монастыря) и г. Спасскъ (вотчина Новоспасскаго монастыря). Да и самый Тамбовъ во второй половинѣ прошлаго вѣка сосредоточился около Казанскаго мона-

*) Моск. арх. мин. юстиціи. № 85 и 12203.

стыря. Сгущенное населеніе, естественно, вызывало торговлю. Отсюда ясно, что обители наши въ исторіи нашего края имѣли преобладающее народно-экономическое значеніе. Но важнѣе всего въ данномъ случаѣ для насъ то, что мѣстная монастырская жизнь, излюбленная до—Петровскою Русью, наиболѣе содѣйствовала обрусѣнію и христіанскому просвѣщенію нашихъ Мещерско-Мордовскихъ инородцевъ.

Въ 1666 году въ Шацко-Тамбовскомъ краѣ производилась писцовая перепись. При этомъ относительно Троицкаго монастыря стольникъ Иванъ большой Хитрово и дьякъ Гаврилъ Свѣшниковъ написали такъ:

„Въ Троицкой деревнѣ Городищѣ живутъ новокрещены и нововыходцы, а по допросу они сказались: бывали де они напередъ сего Мордва и крестились отъ монастыря въ православную вѣру въ 1653 году.“

Городищенскихъ новокрещенскихъ дворовъ въ 1666 году было 10 съ населеніемъ около 100 душъ.

Въ исторіи развитія мѣстной монастырской жизни выдающееся положеніе занимаетъ второй Тамбовскій епископъ Питиримъ. Въ концѣ XVII столѣтія, когда у насъ святительствовалъ Питиримъ, Тамбовская эпархія отличалась крайнею церковною бѣдностію и служебною неопытностію причтовъ. Тогда самъ епископъ терпѣливо училъ *четью и пѣтью невѣгласовъ*. Онъ же основалъ Трегуляевскій и Вознесенскій монастыри на *свои келейныя деньги* и питалъ монаховъ и монахинь *отъ себя*. По обстоятельствамъ, преосвященный Питиримъ обратилъ особенное свое вниманіе на Николаевскій Черніевъ монастырь, бывшій въ нашемъ краѣ несомнѣнно самымъ замѣчательнымъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Черніевъ мужской монастырь, основанный старцемъ Матѳеемъ въ XVI столѣтіи, былъ въ сущности казачьимъ монастыремъ. Сюда шла замаливать свои немалые грѣхи *голутвенная* казацкая вольница, буйная и

непокорливая; сюда же несли свои достатки разбогатѣвшіе на разныхъ промыслахъ удальцы синяго Дона... Ближайшею судебно-административною инстанціею для игумена и старцевъ Черніевой *Митевьевой* пустыни былъ Черкасскій казачій кругъ съ атаманомъ во главѣ и уже черезъ нихъ нашъ древній монастырь входилъ въ сношенія съ Московскимъ правительствомъ.

Въ смутную Разинскую эпоху Черніева пустынь горячо примкнула къ сторонникамъ законнаго правительства и доказала это между прочимъ своими пожертвованіями. Въ 1670 году скромная и небогатая наша обитель израсходовала на царскихъ ратныхъ людей 980 рублей — почти весь свой капиталъ...

Исключительное положеніе Черніева монастыря вызывало противъ него усиленную вражду Шацкихъ воеводъ и приказныхъ людей и это обстоятельство отзывалось на монастырской жизни крайне тяжело, что видно изъ слѣдующей казацкой *отписки*:

„Шацкіе служилые люди берутъ съ нашихъ монастырскихъ вотчинъ полоняничныя и ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ вдвое и втрое сверхъ царскаго указу и посылаютъ многихъ людей, а они емлютъ многія взятки и тѣмъ монастырскимъ людямъ чинятъ великое утѣсненіе и тюремное сидѣніе".

Случалось, что и Донскіе покровители мучили Черніевскихъ монаховъ *смертнымъ боемъ и ссылкою.* „И тѣ казаки, забывъ страхъ Божій, жаловался царямъ Іоанну и Петру въ 1685 году Черніевскій игуменъ Моисей,— озорничали и напився пьяни старцевъ били плетьми и ослопами безвинно и въ смиреньѣ сажали, а крестьянъ монастырскихъ съ женами и дѣтьми увозили на Хоперъ, на Донъ и на Медвѣдицу и про то вѣдаютъ старосты и выборные крестьяне. Да тѣ жъ казаки въ кельяхъ изъ пищалей стрѣляли и въ гудки играли и въ ложки били и служилыхъ царскихъ людей полѣньями били и монастырь запирали".

Въ 1686 году наступила новая и лучшая эпоха для Черніева монастыря. Онъ былъ приписанъ къ Тамбову *на пропитаніе преосвященному Питириму со всѣмъ его причтомъ вѣчно.* Съ этого времени исчезла казацкая опека и въ Шацкомъ краѣ началось болѣе правильное и энергическое подчиненіе Мордовско-Мещерскихъ инородцевъ господствующей русской расѣ...

Епископъ Питиримъ былъ старательнымъ и свѣдущимъ хозяиномъ. Поэтому прежде всего онъ привелъ въ извѣстность монастырское имущество, оказавшееся довольно значительнымъ. У Черніева монастыря въ концѣ XVII столѣтія было 638 крестьянскихъ дворовъ, земли 744 чети въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 2540 копенъ, да лѣсъ черный *со всякими угодьи, и съ раменьи, и съ перевѣсьи, и съ орловыми гнѣздами, и съ бобровыми гонами и съ лосиными стойлами...*

Чтобы укрѣпить за Тамбовской каѳедрой Чернѣевскія вотчины, преосвященный Питиримъ въ 1686 году писалъ царямъ Іоанну и Петру нѣсколько челобитныхъ. Приведемъ здѣсь одну изъ нихъ.

„Великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцамъ бьетъ челомъ богомолецъ вашъ Питиримъ, епископъ Тамбовскій и Козловскій. Въ прошломъ, государи, въ 1616 году далъ вкладу въ приписной мой Николаевскій монастырь Матвѣй Колмаковъ вотчину свою на Хопрѣ, а нынѣ, государи, Бѣляева городка казаки моею вотчиною владѣютъ напрасно своимъ своевольствомъ. Милосердые государи! Велите казакамъ отъ всѣхъ моихъ угодій отказать и о томъ дать свою великихъ государей грамату. Великіе государи, смилуйтесь, пожалуйте!“ *)

---

*) Челобитныя Питирима подробнѣе изложены въ № 38, 39 и 40-мъ „Тамб. губ. вѣд.“ за 1883 г. Подлинники ихъ хранятся въ Моск. архивѣ мин. юстиціи.

Ходатайство епископа Питирима встрѣтило въ Москвѣ обычныя препятствія, извѣстныя подъ именемъ *Московской волокиты.* Но опытный и энергичный *домостроитель* Тамбовской каѳедры твердо стоялъ на своемъ. Онъ отправилъ въ Москву своего секретаря Ивана Зырина съ самыми строгими инструкціями и въ то же время писалъ царямъ новыя челобитныя. „Великіе государи! жаловался онъ, — казаки въ вотчинахъ моихъ звѣри всякіе бьютъ и вынимаютъ и лѣсъ рубятъ и рыбу ловятъ и пчелы дерутъ“...

Наконецъ Питиримово ходатайство было уважено и помѣстный приказъ съ бояриномъ Петромъ Васильевымъ Шереметевымъ во главѣ отписалъ Тамбовской каѳедрѣ всѣ вотчины по вкладной Матвѣя Колмака. Съ этого времени нашъ Черніевъ монастырь вышелъ изъ подъ опеки Донскаго казачества и сталъ эпархіальною собственностію. Такимъ образомъ экономическое благосостояніе новооткрытой каѳедры было упрочено. Наступила сравнительно цвѣтущая эпоха мѣстной монастырской жизни. Открыты были новыя обители, напримѣръ Вознесенская и Трегуляевская. Въ Козловскомъ монастырѣ, на эпархіальныя средства, стали возводить каменный соборъ, въ городѣ Тамбовѣ приступили къ постройкѣ и теперь существующаго соборнаго эпархіальнаго храма...

28 іюля 1698 года Питиримъ скончался. Преемникъ его Игнатій выбылъ изъ Тамбова на слѣдующій годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашу эпархію закрыли и наступили скудныя и нравственно-тяжкія времена для всей Тамбовской церкви. Въ краѣ началась усиленная сектантская пропаганда, которая ни откуда не встрѣчала себѣ отпора... XVIII-й такъ называемый философскій вѣкъ, и у насъ выразившійся отрицательными своими сторонами, только помогалъ печальному дѣлу.

По смерти преосвященнаго Питирима монастыркое оскудѣніе по извѣстнымъ причинамъ началось сразу. Въ

ская, Архангельская Боголюбская, Рождественская и Дмитревская. Слѣдовательно, городское населеніе было уже довольно значительное, именно, по оффиціальнымъ документамъ, болѣе 10 тысячъ. Приходскіе люди состояли тогда у насъ изъ слѣдующихъ сословій и состояній: архіерейскихъ боярскихъ дѣтей, площадныхъ подъячихъ, приказныхъ подъячихъ, посадскихъ людей, солдатъ, драгунъ, стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, церковниковъ, бобылей и однодворцевъ. Во главѣ мѣстнаго городскаго духовенства стоялъ Преображенскій протопопъ Тихонъ Ивановъ. И однако, не смотря на сравнительную значительность Тамбова, какъ городскаго поселенія, Тамбовскій ландрихтеръ Кикинъ жаловался Петру Великому, что *крѣпость—Тамбовъ разваливается отъ ветхости*...

При такихъ условіяхъ мѣстное народонаселеніе слишкомъ слабо гарантировано было отъ разбойничьихъ, Татарскихъ и Калмыцкихъ нападеній. Поэтому степные хищники нерѣдко разоряли нашъ край и уводили въ полонъ жителей тысячами. Въ 1713 году Крымскіе и Кубанскіе Татары, вмѣстѣ съ некрасовцами опустошили весь Тамбовскій уѣздъ, не смотря на то, что всѣ его села и деревни укрѣплены были *надолобами*, и изъ одного села Ключей (имѣніе свѣтлѣйшаго князя Меньшикова) увели въ свои улусы до 3000 плѣнниковъ. Относительно этого событія въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи сохранилась челобитная на царское имя Ключевскаго священника Макарія Корнилова, тоже полоненнаго и впослѣдствіи освободившагося изъ плѣна. Въ виду нѣкоторой исторической важности указаннаго документа мы приводимъ его здѣсь вполнѣ.

„Державнѣйшій царь, Государь милостивѣйшій!

Въ прошломъ, Государь, 1713 году Крымскіе и Кубанскіе Татары, а съ ними воръ и измѣнникъ Игнатій Некрасовъ—приходили подъ городъ твой великаго государя подъ Тамбовъ и подъ Борисоглѣбской и подъ иныя многія мѣста и великое разореніе учинили: церкви

Божіи, села и деревни пожгли, и людей въ полонъ побрали многое число, и въ вотчинѣ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича русскихъ и черкасъ взяли въ полонъ съ 3000 человѣкъ, въ томъ числѣ взятъ былъ и я богомолецъ съ женою и дѣтьми—самъ шесть и отведенъ былъ на Кубань. И изъ Кубани помощію Божіею я, богомолецъ твой, изъ басурманскихъ рукъ ушолъ, а жена моя и дѣти и донынѣ на Кубани въ полону. А когда по указу Вашего Царскаго Величества съ Турецкимъ салтаномъ договоръ былъ предложенъ, чтобы русскихъ полоняниковъ вспять возвратить, то Татары собрали въ улусѣ Ковылѣ полону малое число и то старыхъ и малолѣтнихъ и привели на Донъ въ Черкасской, а за прочій народъ полоненный они жъ Татары привезли съ собой 5000 рублей денегъ въ тотъ образъ, что будто тотъ полоненный народъ весь они испродали въ дальнія мѣста. И бывшій казачій атаманъ Петръ Емельяновъ, не убояся Бога и Вашего Царскаго Величества страху, не обыскавъ про то подлинно — за души христіанскія деньги принялъ. Въ прошломъ же 1714 году атаманъ Емельяновъ посылалъ на Кубань казака съ письмомъ, чтобы они Татары деньги свои назадъ приняли, а полоненныхъ людей отдали бъ. И Татары полону не вернули, а за жену мою и дѣтей просятъ на размѣну Крымцевъ трехъ человѣкъ: вашъ де атаманъ весь нашъ полонъ продалъ и въ томъ письмо намъ далъ" *).

Челобитная священника Корнилова заключается просьбою о выкупѣ его семьи. Просьба была удовлетворена. Корниловъ зажилъ по прежнему, радуясь за свою энергію и за благополучный исходъ дѣла. Но мы думаемъ, что подобные случаи въ то смутное время были сравнительно рѣдкостію, потому что Татары обыкновенно торопились продавать своихъ невольниковъ въ

*) Арх. мин. юстиціи, Тамб. дѣла № 37-й.

Константинополѣ, Смирнѣ, Александріи и въ другихъ дальнихъ мѣстахъ. Со стороны же Московскихъ властей всегда и неизмѣнно была проявляема обычная медлительность. Если же обратить особенное вниманіе на вышеуказаннаго атамана Емельянова, то придется сдѣлать и такой выводъ, что нѣкоторыя власти относились къ вопросу о полоняникахъ не съ христіанской, а съ коммерческой точки зрѣнія...

Жаль, что въ старые годы не имѣли никакого понятія о статистикѣ. Намъ крайне любопытно знать, сколько десятковъ и, можетъ быть, сотенъ тысячъ Тамбовско-Шацкихъ обывателей похищено Азіатскими кочевниками, гдѣ наши *горькіе полоняники*, старые и малые, мужчины и женщины, изживали долю свою и многіе ли изъ нихъ вернулись на родину...

Открытый для Татарскихъ и Калмыцкихъ набѣговъ, волнуемый многочисленными шайками разбойниковъ и дурно управляемый—весь край нашъ въ первой половинѣ прошлаго вѣка во всѣхъ отношеніяхъ представлялъ одну изъ самыхъ убогихъ русскихъ провинцій. На всемъ его громадномъ пространствѣ не было ни одной школы. Твердое знаніе граматы считалось рѣдкостію даже и среди духовенства. Вотчинные владѣльцы почти поголовно были совершенно неграматны. Обѣ провинціи, Тамбовская и Шацкая, переполнены были недорослями. Одинъ изъ таковыхъ недорослей Петръ Федоровъ Алѣевъ такъ доносилъ о себѣ сенату, который формально всегда заботился объ искорененіи чрезмѣрнаго дворянскаго невѣжества: „въ службахъ царскихъ я не былъ, грамотѣ не знаю; сколько лѣтъ мнѣ отъ роду—за безуміемъ объяснить не могу“... *).

Города и уѣзды Шацкой и Тамбовской провинцій въ первой половинѣ прошлаго вѣка управлялись про-

---

*) Книга сенат. докладовъ и приговоровъ, стр. 286. — Вопросъ о народномъ *просвѣщеніи* въ XVIII в. подробнѣе будетъ разсмотрѣнъ нами въ концѣ книги.

винціальными воеводами. Какъ эти *радѣтели и оберегатели* народнаго благосостоянія относились къ подчиненнымъ имъ обывателямъ, *довѣренные слуги царскіе* исполняли свой служебный долгъ—это видно изъ слѣдующей замѣтки о Лебедянскомъ воеводѣ Домогацкомъ:

Домогацкій управлялъ Лебедянью въ 1709 году. Это былъ одинъ изъ самыхъ необузданныхъ хищниковъ, которыми издавна, къ несчастію, кишѣла наша бѣдная земля, какъ паразитами. *Мочію своею* онъ укрывалъ бѣглыхъ солдатъ *за многія дачи.* Многіе изъ этихъ бѣглыхъ опредѣлены были имъ въ городъ Лебедянь въ подьячіе. Горожанъ Домогацкій *разорилъ въ конецъ и иныхъ изъ домовъ разогналъ.* Выгоняя жителей на казенныя работы въ Воронежъ, на Липецкіе и Кузьминскіе желѣзные заводы и на Ширингушскую парусную фабрику, онъ бралъ за что-то со всѣхъ работниковъ по 8 денегъ съ человѣка, да по двѣ *гривенки* мяса, да съ двухъ человѣкъ по четверику сухарей и съ трехъ по четверику крупъ. Нѣкоторые рабочіе выѣзжали на работу конные, съ таковыхъ Домогацкій *смертнымъ боемъ правилъ по 13 алтынъ съ подводы.* Правленіе его ознаменовано было между прочимъ тѣмъ, что *многія деревни Лебедянскаго уѣзда отъ немилосердыхъ правежей бѣжали.*

Въ 1709 году царь Петръ Алексѣевичъ повелѣлъ прекратить сборъ недоимокъ. А Домогацкій все-таки собиралъ ихъ сполна, разумѣется въ свою пользу, и кромѣ того бралъ по полтинѣ съ двора и *многія корысти.* Результатомъ всѣхъ этихъ хищническихъ продѣлокъ было то, что въ Лебедянскомъ уѣздѣ явился новый богатый землевладѣлецъ. Конечно это былъ Домогацкій. Для устройства имѣній ему потребовались многія деньги. Тогда онъ безъ церемоніи и съ легкимъ сердцемъ обратился къ царской казнѣ и однажды въ Лебедянскомъ казначействѣ сразу взялъ 502 рубля.

О подвигахъ Домогацкаго узналъ наконецъ самъ царь по доносу посадскаго Боева. Что сдѣлали потомъ

съ преступнымъ воеводою, мы пока не знаемъ; мы знаемъ лишь то, что доноситель и вся его семья *ночнымъ временемъ* были схвачены по воеводскому приказу и брошены въ тюрьму *).

Воеводы другихъ городовъ Тамбовской и Шацкой провинцій болѣе или менѣе походили на Домогацкаго. Поэтому правительство постоянно мѣняло ихъ. Но общественное зло не уменьшалось. Хищеніе казны и народной суммы все росло и росло. Народъ бѣдствовалъ, а государственная казна не получала всѣхъ своихъ доходовъ. Такъ, съ 1711 по 1718 г. вся Тамбовская провинція ежегодно доставляла въ государственное казначейство окладныхъ и неокладныхъ сборовъ приблизительно только по 67 тысячъ рублей. Остальные десятки тысячъ въ неизвѣстномъ количествѣ быстро и ловко распредѣлялись по карманамъ мнимыхъ царскихъ слугъ — воеводъ и приказныхъ... Вслѣдствіе этого канцелярскіе бѣдняки, получавшіе самое скудное жалованіе или и вовсе не получавшіе, неожиданно богатѣли, становились крупными душевладѣльцами и такъ сказать силою вторгались въ ряды мѣстной родовитой аристократіи.

Такое безотрадное положеніе мѣстныхъ провинцій совершенно соотвѣтствовало нравственному характеру высшихъ властей. Непосредственнымъ начальникомъ Шацкихъ и Тамбовскихъ воеводъ съ 1711 по 1722 годъ былъ Воронежскій вице-губернаторъ Степанъ Андреевичъ Колычовъ. Это былъ повидимому настоящій вельможа. Съ нимъ велъ дѣловую переписку самъ Петръ, а свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ считался его другомъ и охотно пользовался его подарками **). Между тѣмъ въ 1722 году

*) Моск. арх. мин. юстиціи, дѣла Азовской г. № 63. л. 31.

**) Примѣч. Въ описываемое время князю Меньшикову принадлежали въ Тамбовскомъ краѣ два большихъ села: Братки и Ключи. Вѣроятно рука свѣтлѣйшаго была слишкомъ тяжела и для нашихъ жителей. Поэтому Тамб. подьячій Протопоповъ, слегка подвыпивши, публично выражалъ однажды такое желаніе, *чтобы Александру Даниловичу голову за его дѣла отрубили. Протопопова схватили.*

Колычовъ отданъ былъ за *лихоимство, за кражу и похищеніе казны* подъ судъ и вмѣстѣ съ колодниками привезенъ былъ, по указу царскому, въ сенатъ. Царь Петръ, какъ извѣстно, не любилъ шутить съ расхитителями государственнаго и народнаго добра. Еще въ 1714 году отъ 24 декабря онъ издалъ слѣдующій указъ: „понеже многія лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены, которые уже наружу вышли, того ради запрещается всѣмъ чинамъ брать посулы. А кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ будетъ и имѣнія лишенъ и шельмованъ и изъ числа добрыхъ людей извержонъ будетъ...“ Такимъ образомъ Колычову нечего было ждать себѣ пощады. Его начали водить на конюшенный дворъ въ застѣнокъ и подвергать пыткамъ и допросамъ. Пыткою распоряжался гвардіи майоръ Салтыковъ. Петръ далъ ему такую собственноручную инструкцію: „дьякъ Ключаревъ явно говоритъ на Степана Колычова, того ради завтре обоихъ пытайте“. Это было въ апрѣлѣ 1722 года. Допросы производились нерѣдко въ присутствіи самого царскаго величества. Прикосновенныхъ къ дѣлу оказалось множество. Тутъ былъ наперсникъ Колычова уже названный нами дьякъ Ключаревъ, правая рука высокопоставленнаго лихоимца, тутъ были Воронежскіе, Тамбовскіе и Шацкіе цѣловальники и приказные. И была работа заплечнымъ мастерамъ великая... Подъ пыткою Ключаревъ снова сталъ оговаривать своего Воронежскаго принципала.

— Колычовъ съ посуловъ богачь, стоналъ онъ, — Колычовъ компанію водилъ съ свѣтлѣйшимъ Меньшиковымъ, съ графомъ Апраксинымъ и съ князьями Долгорукими.

Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда пытокъ, сознался въ винахъ своихъ и самъ Колычовъ.

— Виноватъ передъ Богомъ и царемъ, говорилъ онъ, — я передѣлывалъ казенныя расходныя книги для

своего воровства и по тѣмъ книгамъ укралъ съ 10,000 рублей, о чемъ и цѣловальники вѣдаютъ.

Степанъ Андреевичъ смягчалъ свое преступленіе. На самомъ дѣлѣ онъ похитилъ не 10,000, а гораздо болѣе. Вообще онъ распоряжался всѣми казенными вещами, какъ своими собственными, для себя и для друзей своихъ. Однажды наприм. онъ велѣлъ на казенный счетъ сдѣлать себѣ 10 каретъ и двое саней и въ то же время отправилъ въ свои деревни транспорты съ казеннымъ провіантомъ. О поступкѣ Колычова донесли въ правительствующій сенатъ дьякъ Чашниковъ и ландрихтеръ Григорьевъ.

„Изъ казенныхъ магазейновъ, писали они,—вице—губернаторъ бралъ на свои дѣла всякіе матеріалы, золото, серебро, краски, юфти, гвозди, мѣдную и оловянную посуду, стекло и желѣзо; и все то записывалъ въ государевы расходы и шесть лѣтъ государевыхъ казенныхъ мастеровъ держалъ при своихъ дѣлахъ на государевомъ жалованьѣ.“

Особенно удачно Колычовъ наживался во время собиранія разныхъ государственныхъ сборовъ. Въ 1715—16 годахъ онъ собралъ лишнихъ денегъ, *противъ окладовъ*, 270,000 рублей. Такъ какъ населеніе нашихъ провинцій въ началѣ прошлаго столѣтія не отличалось многолюдствомъ, то Колычовъ ухитрился обложить *данью поголовно всѣхъ мѣстныхъ женщинъ.* Дѣятельнѣйшимъ пособникомъ его въ этомъ случаѣ былъ вышеупомянутый Ключаревъ, котораго довольный вице-губернаторъ благодарилъ однажды за усердіе слѣдующимъ письмомъ.

„Благодарю твою любовь, что пріемлешь труды и тщаніе въ приказныхъ нуждахъ, за что желаю тебѣ паки получить государеву милость, а отъ великаго адмирала похваленіе.“

Не ограничиваясь обычными *лихоимственными поступками,* Колычовъ иногда прибѣгалъ къ открытому грабежу. При этомъ большинство его жертвъ молча

сносили бѣду свою, не смѣя и помыслить о какой нибудь борьбѣ съ сильнымъ вице-губернаторомъ, имѣвшимъ *знатныя связи* въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этой безнаказанности высокопоставленный и грубый провинціальный самодуръ дошелъ до совершенной беззастѣнчивости въ пріемахъ своего систематическаго обирательства края. Однажды онъ прибылъ съ многочисленною свитою къ нелюбимому имъ полковнику Лерекрестову и за угощеніе отблагодарилъ его самымъ наглымъ разбоемъ. У Лерекрестова согнали со двора всю скотину, впослѣдствіи очутившуюся въ Колычовскихъ вотчинахъ, и отняли все столовое серебро.

Сенатскій судъ нашелъ Колычова виновнымъ по всѣмъ обвинительнымъ пунктамъ. На его имѣнія наложенъ былъ секвестръ и казенные убытки немедленно были восполнены. Допрашивая государственнаго похитителя, самъ царь Петръ, тщетно боровшійся съ ненасытнымъ бюрократическимъ хищеніемъ, ясно видѣлъ, что въ данномъ случаѣ сильно замѣшаны были свѣтлѣйшій Меньшиковъ и великій адмиралъ-графъ Апраксинъ. Грустно было великому царю—работнику, только что пережившему страшную семейную драму, виновникомъ которой былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ; тяжкую думу думалъ онъ о своемъ царствѣ, въ которомъ у него почти не было честныхъ слугъ... Тѣ безродные люди, которыхъ изъ ничтожества онъ призвалъ къ своему престолу и къ своему великому просвѣтительному дѣлу, въ большинствѣ оказались недостойными царскихъ милостей...

Дѣло Колычовское тянулось два года. Въ 1724 году царь короновалъ свою вторую супругу Екатерину Алексѣевну. На радостяхъ суровый царь смиловался и надъ нашимъ Воронежскимъ преступникомъ. Колычовъ отданъ былъ на поруки, *для многолѣтняго государева здравія*. Такимъ образомъ всѣ хищенія, тайныя и явныя, вымышленные казенные подряды и сдѣлки съ Петербургскими сановни-

ками—все это предано было суду Божію и суду русской исторіи, всѣмъ послѣдующимъ вѣкамъ въ наученье... *)

„Преемникомъ Колычова былъ Пашковъ, тоже весьма тяжелый правитель для цѣлаго края. Вслѣдствіе крупной ссоры съ вице-адмираломъ Змаевичемъ, присланнымъ въ Воронежскую губернію *для бударнаго и галернаго дѣла*, всѣ злоупотребленія Пашкова дошли до свѣдѣнія Петербургскаго правительства. Воронежскій вице-губернаторъ обвиненъ былъ въ порубкѣ казенныхъ лѣсовъ и въ *изнуреніи* народа, оштрафованъ былъ 500 рублей и лишенъ мѣста. Вмѣсто Пашкова въ 1734 году прибылъ въ Воронежъ новый главный начальникъ нашего края—Мякининъ **).

Эпоха Петра Великаго отмѣчена въ нашемъ краѣ и еще двумя народными бѣдствіями. Въ 1719 году въ нѣкоторыхъ пунктахъ Воронежской губерніи, а также и въ Тамбовской провинціи, обнаружилась сильная чума, а въ слѣдующимъ году измѣнникъ Яшка Шешковъ прислалъ съ Кубани въ Тамбовскую же провинцію своихъ шпіоновъ, главнымъ изъ которыхъ былъ нѣкто Сокинъ—бѣглый монастырскій крестьянинъ.

Тамбовская чума, какъ мы сказали, обнаружилась въ 1719 году. Тогда же пришелъ въ Тамбовъ слѣдующій указъ Петра Великаго:

„Понеже симъ временемъ явилось въ Воронежской губерніи моровое повѣтріе, того ради посланъ гвардіи нашъ капитанъ Гороховъ, которому что велѣно дѣлать, о томъ дана ему отъ насъ инструкція за нашею рукою, по которой какъ генералитету, такъ и гражданскимъ обывателямъ исполнять неотложно. Петръ.“

Благодаря энергіи самого царя и строгости принятыхъ противъ моровой язвы мѣръ, *болѣзнь сія*, доносилъ въ 1720 году Гороховъ сенату,—*весьма перестала*. Повидимому эпидемія дѣйствовала у насъ только

*) Дѣло о Колычовѣ хранится въ Моск. арх. министерства юстиціи.

**) Моск. арх. мин. юстиціи, Сенат. дѣла, кн. 546-я.

въ немногихъ мѣстахъ, но за то въ своихъ районахъ она губила народъ наповалъ, цѣлыми семьями отъ мала до велика.

Моровое повѣтріе 1719 года, по свидѣтельству нашихъ источниковъ (сенат. дѣла, кн. 68-я),—*было въ Воронежской губерніи превеликое.* Тогда правительство въ зараженныхъ и сосѣднихъ съ ними мѣстахъ приняло слѣдующія рѣшительныя мѣры. Всюду учинили крѣпкія заставы и приставили къ нимъ многолюдные караулы изъ *царедворцевъ, офицеровъ и солдатъ добрыхъ.* Зачумленные дома жгли со всѣмъ имуществомъ, съ лошадьми и всею домашнею животностію. Больныхъ увозили въ лѣса, степи и овраги и бросали тамъ на произволъ судьбы. Кто ѣхалъ изъ *неблагополучного* мѣста, тѣхъ заставные начальники гнали назадъ, съ женами и дѣтьми, и въ случаѣ сопротивленія стрѣляли въ нихъ. Близъ всѣхъ карантинныхъ заставъ, по царскому указу, поставлены были для *всенародной острастки* висѣлицы, и если кто нарушалъ карантинные порядки и прорывался чрезъ заставы, то караульные начальники вѣшали таковыхъ ни съ кѣмъ не списываясь...

Вслѣдъ за чумой въ Тамбовской провинціи явилась иная бѣда. Въ 1720 году въ Тамбовскомъ уѣздѣ схваченъ былъ шпіонъ Прокофій Артемьевъ Сокинъ. Преступника привезли въ Тамбовъ и начали пытать. Сокинъ подъ пыткою сознался, что онъ подлинно шпіонъ, что его прислалъ съ Кубани для возмущенья Тамбовской провинціи атаманъ Яшка Шешковъ, что онъ Сокинъ бѣглый солдатъ изъ села Мишукова и что такихъ, какъ онъ, шпіоновъ и возмутителей послано съ Кубани въ разные украинные города и уѣзды 200 человѣкъ... Сокина запытали.

У всѣхъ шпіоновъ Шешкова были возмутительныя атаманскія граматы, которыя читались и рабрасывались по всѣмъ южно-русскимъ городамъ и селамъ. Текстъ ихъ слѣдующій.

„Шведская королева, писалъ Шешковъ,—уговорила Турецкаго султана дать ей въ подмогу противъ царя Петра семь ратей со многими силами, да Крымскій ханъ тѣмъ же Шведамъ дастъ въ подмогу трехъ салтановъ съ силами, и мы бъ, всѣ русскіе голутвенные люди, про то вѣдали“ *).

Сами казацкіе измѣнники готовились двинуться съ Кубани на юго-восточную украйну лѣтомъ 1720 года, и царь Петръ не безъ основанія полагалъ, что въ случаѣ малѣйшей ихъ удачи на Тамбовскую и иныя украинныя провинціи немедленно нападутъ Крымцы, Кубанцы, Черкесы, Каракалпаки и Киргизы. Поэтому велѣно было привести Тамбовъ и его уѣздныя города на военное положеніе. Но это было очень трудное дѣло, что видно изъ слѣдующаго донесенія Тамбовскаго воеводы Василія Глѣбова, отъ 25 окт. 1720 года.

„Во всей Тамбовской провинціи, писалъ онъ Петру Великому,—гварнизонныхъ солдатъ только 818 человѣкъ и у оныхъ солдатъ ружья и аммуниціи ничего нѣтъ, а которое ружье и есть и то не токмо къ стрѣльбѣ, но и къ починкѣ негодно. И ежели къ Тамбову учинится отъ непріятелей набѣгъ и противъ его отпору учинить нечѣмъ и не кѣмъ. А городъ Тамбовъ ветхій, мосты и вся кровля въ крѣпости обвалились, и по городу по мостамъ пройтить ни которыми мѣры не возможно. Также и на башняхъ кровля обветшала, а валовая крѣпость вся осыпалась и черезъ нее проложены многія дороги“ **).

Къ счастію въ 1720 году на Тамбовскую провинцію и на Тамбовъ набѣговъ не было. Иначе беззащитный край нашъ подвергся бы полному разоренію, что не разъ и бывало съ нимъ, особенно въ XVII столѣтіи.

*) Сенат. дѣла, кн. 68-я. Въ Моск. арх. минист. юстиціи.

**) Сенат. дѣла, кн. 70-я. Отписка воеводы Глѣбова отправлена была въ Петербургъ съ нарочнымъ гонцомъ Иваномъ Алехинымъ.

Между тѣмъ въ концѣ царствованія Петра I-го Тамбовъ былъ уже, какъ мы сказали выше, довольно значительнымъ поселеніемъ. Въ немъ было болѣе 10,000 жителей, а въ цѣломъ Тамбовскомъ краѣ—нѣсколько сотъ тысячъ. Слѣдовательно, Азіатскимъ хищникамъ была бы у насъ пожива не малая...

Въ 1725 году великій царь Петръ скончался. Плакала о немъ чуть не вся земля русская. Всѣ тяготы его царствованія были забыты. Всѣ знали и помнили лишь то, что Петръ Алексѣевичъ самъ первый и больше всѣхъ служилъ царству и что рѣшительно всѣ его мѣропріятія клонились къ осуществленію однихъ государственныхъ интересовъ. Для русской земли наступили иныя времена. Худо было въ столицахъ, еще хуже въ провинціяхъ... И нашъ Тамбовско-Шацкій край надолго оставленъ былъ правительствомъ безъ призора. Объ немъ не заботились. Съ него собирали только подати и недоимки. Мѣстная жизнь все глохла и глохла...

Тамбовская захолустная жизнь немного выведена была изъ состоянія скуки и застоя въ 1741 году. Въ это время въ городѣ Тамбовѣ на нѣсколько мѣсяцевъ останавливалось Персидское посольство Хуссейнъ-хана, ѣхавшее въ Петербургъ отъ знаменитаго Надиръ-шаха.

VI.

Пребываніе Персидскаго посольства въ Тамбовѣ въ 1741 году.

Изъ давнихъ лѣтъ, какъ только завязались дипломатическія и торговыя сношенія Москвы съ востокомъ, край нашъ сдѣлался перепутьемъ для разныхъ восточныхъ посольствъ къ Московскому двору. Объ этомъ не рѣдко упоминается въ „памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи“. Изъ Москвы на востокъ было три пути: одинъ въ Коломну, Ряжскъ, Козловъ, Тамбовъ, Царицынъ и Астрахань; другой на ту же Астрахань черезъ Темниковъ и Пензу; третій путь былъ водный и шелъ на Нижній, Казань и далѣе. Въ старину путешествія по извѣстнымъ путевымъ условіямъ совершались чрезвычайно медленно и остановки на станціяхъ были продолжительныя, поэтому и у насъ въ Тамбовѣ подолгу живали послы Персидскіе, Бухарскіе, Юргенскіе, Грузинскіе и Кизильбашскіе. Здѣсь они раскладывали свои товары на диво нашимъ небогатымъ предкамъ, такъ какъ въ былыя времена дипломатическія операціи обыкновенно поручались торговымъ людямъ, и потихоньку собирали свѣдѣнія о нашей юго-восточной украйнѣ. Первое извѣстное намъ Персидское посольство, проѣзжавшее черезъ Тамбовскій край, было отъ Аббаль-шаха въ 1625 году. Съ этого времени и до 1692 года въ нашихъ мѣстахъ перебывало 11 Персидскихъ посольствъ *).

Персидскій посолъ Магометъ Хуссейнъ-ханъ, родственникъ Надиръ-шаха, ѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи посольскаго товарища Етиматъ-хана и многочисленной свиты. Цѣль посольства заключалась въ объ-

*) Сенат. доклады и приговоры 1711 года.

явленіи о Персидскихъ побѣдахъ надъ Бухарцами и Индѣйцами и въ выраженіи разныхъ претензій относительно Россіи. Въ шахской инструкціи Хуссейнъ-хану претензіи эти высказаны въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) шахъ желалъ съ Россіею свойство учинить, токмо въ томъ ему отказано (т. е. въ рукѣ цесаревны Елизаветы Петровны); 2) по просьбѣ шаховой персидскихъ плѣнныхъ и также Грузинцевъ и Армянъ не возвратили; 3) Ногайцы въ Персидскую сторону не уступлены; 4) корабельные мастера для дѣланія въ Персіи судовъ не даны; 5) капельмейстеры для обученія музыкѣ не присланы, 6) мастера, которые стѣнные шерстяные обои ткутъ, не даны, и 7) Персидскимъ купцамъ безпошлинно торговать не велятъ.

Какъ представитель могущественнаго монарха, похвалившагося покорить весь міръ, Хуссейнъ-ханъ ѣхалъ въ Петербургъ съ богатѣйшими подарками и съ 14 слонами. Посла окружала нарядно одѣтая свита изъ 128 человѣкъ.

9 декабря 1739 года Персидское посольство прибыло въ Кизляръ, но дальше не было пропущено Астраханскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Голицынымъ, такъ какъ на этотъ предметъ не было еще изъ Петербурга никакихъ приказаній. Въ ожиданіи дальнѣйшаго путешествія Персіяне требовали себѣ и слонамъ *корму* и конвой въ 3000 человѣкъ для *береженья* отъ горскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого въ Персидскій лагерь высланъ былъ конвойный отрядъ въ 1000 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Фролова-Багреева и транспортъ съѣстныхъ припасовъ и водокъ *во многомъ числѣ*. Въ Кизлярѣ Персіяне простояли до августа слѣдующаго года.

Наконецъ разрѣшеніе на путешествіе посольства въ Петербургъ было получено. 11 сентября 1740 года Хуссейнъ-ханъ торжественно вступилъ въ Астрахань, встрѣченный губернаторомъ и войсками *съ надлежащею*

церемонiею, отданiемъ чести и пушечною пальбою. Здѣсь къ послу явились новые пристава Тофкелевъ и Эгбрехтъ. Хуссейнъ-ханъ принялъ ихъ съ крайнею надменностiю и черезъ переводчика приказалъ имъ какъ можно тщательнѣе заботиться о почтовыхъ лошадяхъ и съѣстныхъ припасахъ.

Въ донесенiи Остерману Тофкелевъ такъ описывалъ Персидскаго посла: „изъ себя Хуссейнъ-ханъ простъ и разсужденiя не дальняго, токмо весьма величава себя имѣетъ и людей своихъ въ страхѣ содержитъ и одному человѣку за продерзость его ухо отрѣзалъ и всѣхъ безщадно бьетъ".

18 сентября Персидскiе послы выступили изъ Астрахани на Царицынъ. Ѣхали они и ихъ свита на 170 подводахъ. Лошади при этомъ доставались издалека, потому что отъ Астрахани до Царицына въ описываемое время была *токмо степь и нигдѣ жилья не имѣлось* *).

Въ Донскихъ степяхъ къ посламъ прибыло ихъ свиты еще 120 человѣкъ. Поэтому вновь назначенный къ Персiянамъ главный приставъ генералъ-маiоръ С. Ѳ. Апраксинъ приказалъ разсадить посольство и разложить Персидскiй багажъ *на 800 подводахъ.* Съ дороги Хуссейнъ-ханъ писалъ Остерману слѣдующее извѣстительное письмо: „высокостепенный и высоконовѣренный и высочайшею честiю превосходящiй, первенственнѣйшiй министръ и верховный визирь, счастье коего въ цвѣтущемъ состоянiи да пребудетъ навсегда! Желаю вамъ отъ Господа всякаго благополучiя и счастливаго въ высокомъ градусѣ пребыванiя. По объявленiи дружескихъ комплиментовъ вашему степенству извѣстно да будетъ, что я—великаго Надира, шахъ-инъ-шаха, довѣренный посолъ Хуссейнъ-ханъ."

7 Марта 1741 года Хуссейнъ-ханъ остановился близъ Тамбова, въ Кузьминой Гати. Здѣсь явился къ

*) Слова приставовъ посольства.

нему студентъ иностранной коллегіи Чиколевскій, состоявшій при Апраксинѣ, и отъ имени Тамбовскихъ властей поздравилъ съ пріѣздомъ. На слѣдующій день былъ торжественный въѣздъ посла въ Тамбовъ. Около села Бокина выстроился Сибирскій драгунскій полкъ съ оркестромъ музыки и штандартами. Тутъ же были и всѣ мѣстныя власти. Въ 4 часа по полудни Хуссейнъ-ханъ, до того времени отдыхавшій въ одной Бокинской избѣ, прикрѣпилъ къ шапкѣ *шалково перо*, сѣлъ на коня и началъ церемоніальное шествіе до самаго Тамбова по такъ называемой большой Астраханской дорогѣ. Проѣзжая мимо Сибирскаго полка, Хуссейнъ остановился противъ него на нѣсколько минутъ, но не привѣтствовалъ солдатъ, опасаясь унизить свое посольское величіе. Въ 3-хъ верстахъ отъ Тамбова посолъ встрѣченъ былъ своимъ товарищемъ Етиматомъ, прибывшимъ въ Тамбовъ еще 13 Января. За посольскимъ товарищемъ въ одну линію поставлены были слоны, числомъ 10. Въ моментъ вступленія посольства въ городскую крѣпость произведенъ былъ ему салютъ изъ 25 пушекъ. У квартиры Хуссейнъ-хана на улицѣ стоялъ почетный караулъ изъ 500 человѣкъ Ростовскаго пѣхотнаго полка. Во дворѣ же стояла того же полка рота со знаменемъ и музыкою. Ни на кого не глядя и не слушая музыки, Хуссейнъ быстро вошолъ въ свои комнаты и немедленно занялся обѣдомъ. Усталый и проголодавшійся посолъ ѣлъ молча. Вслѣдствіе этого и вся свита его не смѣла сказать слова. Даже приставъ Тефкелевъ, присутствовавшій на обѣдѣ, вынужденъ былъ просидѣть болѣе часу, опасаясь пошевельнуться и тѣмъ потревожить его степенство... Послѣ обѣда къ послу явился на поклонъ Тамбовскій воевода Золотиловъ, но не былъ допущенъ къ самому Хуссейну. Свитскіе чиновники приняли Золотилова въ караульной, нѣсколько минутъ посмотрѣли на него и за тѣмъ разошлись. Этимъ и закончился неудачный воеводскій визитъ...

За неимѣніемъ въ городѣ квартиръ, большинство чиновъ Персидскаго посольства расквартировано было въ селѣ Боршевкѣ и въ подгородномъ лагерѣ. Послы прожили въ Тамбовѣ до первыхъ чиселъ іюня и все это время по своей надменности и жадности были истиннымъ бременемъ для мѣстнаго народонаселенія. Самъ генералъ Апраксинъ, впослѣдствіи извѣстный герой семилѣтней войны, жаловался на Хуссейнъ-хана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „по обыкновенной своей гордости Персидскій посолъ поступаетъ со мною и со всѣми съ немалою спѣсью.“ Вообще, Персіяне жили въ Тамбовѣ очень безпокойно. Они ссорились и дрались съ жителями ежедневно. Ихъ за это брали подъ караулъ и отсылали къ послу, а посолъ ихъ не наказывалъ. Близъ главной посольской квартиры часто играла персидская музыка. Персіяне чуть не еженедѣльно праздновали побѣды своего шаха и при этомъ громко похвалялись: „удивляемся, говорили они,—храбрымъ военнымъ дѣйствіямъ и несказанному искусству нашего шахъ-инъ-шаха. И тотъ шахъ скоро воевать имѣетъ и пойдетъ на горцевъ, Крымъ и Астрахань, а по прошествіи того термина намѣренъ для поклоненія въ Мекку сходить.“

Чисто азіатская надменность Персидскаго посла особенно ярко выражалась въ его необузданныхъ отношеніяхъ къ приставамъ. Такъ, Хуссейнъ-ханъ позвалъ къ себѣ однажды подполковника Эгбрехта *и училъ кричать на него: для чего де почтовыя лошади были у тебя слабы и худы*. Смущенный Эгбрехтъ молчалъ.

—Пукъ палочья подать сюда,—приказалъ Хуссейнъ.

Слуги принесли палки и ждали только начальническаго мановенія, чтобы приступить къ дикой расправѣ.

Тогда Эгбрехтъ отошолъ къ стѣнѣ и чрезъ толмача началъ объяснять послу, что въ Россіи офицеровъ не бьютъ и что во всякомъ случаѣ онъ будетъ защищаться и потомъ жаловаться. Хуссейнъ смиловался и выслалъ слугъ.

Но не всѣ такъ счастливо отдѣлывались отъ свирѣпаго Персидскаго дипломата. Разнымъ казацкимъ сотникамъ и старшинамъ, конвойнымъ капраламъ и солдатамъ и всякому встрѣчному люду постоянно доставалось: ихъ *немилостиво и по часто били топорными обухами и палками*. Между прочимъ *смертельно* биты были персіянами казацкіе полковники Серебряковъ и Наслѣдушевъ. Слухи о не истовствахъ Хуссейнъ-хана дошли наконецъ до Петербурга и оттуда велѣно было *пристойнымъ образомъ унимать посла*.

Пребываніе Персидскаго посольства въ нашихъ предѣлахъ ознаменовано также безпрерывнымъ клянченьемъ, съ какимъ высокомѣрный Тегеранскій вельможа постоянно относился къ Тамбовскимъ властямъ по поводу денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Персіянамъ все было мало, для нихъ опустошили городскія лавки, для нихъ же посылали гонцовъ въ Астрахань и Москву за рисомъ, шафраномъ, сахаромъ и винами. А они обижались: корму де мало. Дипломатическую дѣятельность свою въ Тамбовѣ Хуссейнъ-ханъ началъ именно съ того, что сталъ просить прислать ему побольше денегъ, въ которыхъ онъ имѣлъ будто бы крайнюю нужду.

Съѣстные припасы выходили на Персіянъ въ ужасающемъ количествѣ. Одного рису съѣдали они въ мѣсяцъ по 1260 пудовъ. Барановъ пригоняли къ нимъ ежемѣсячно по 1113 штукъ. Въ то же время сахару издерживали по 66 пудовъ. Всякіе другіе харчи расходовались въ подобномъ же количествѣ. За все платили квитанціями...

Не смотря на извѣстныя предписанія корана, Персіяне вели у насъ слишкомъ невоздержную жизнь и первые чины ихъ посольства напивались до пьяна чуть не ежедневно, истребляя Гданской водки въ одинъ присѣстъ по 1½ штофа на человѣка. Самого Хуссейнъ-хана, случалось, относили въ опочивальню на рукахъ. Отъ невоздержной жизни Персидскій посолъ 31 марта

наконецъ заболѣлъ. Въ его квартирѣ поднялась суматоха. Послали за приставами и воеводой и потребовали у нихъ врача и лѣкарствъ, но врача въ Тамбовѣ и на сотни верстъ кругомъ не оказалось. Только при мѣстныхъ войскахъ нашли фельдшера Аврамова, который однако лѣчить посла отказался, потому что, по его словамъ, внутреннихъ болѣзней онъ не зналъ и благополучно исцѣлялъ одни лишь нарывы... Принуждены были послать гонца въ Москву за *фундаментальнымъ* лѣкаремъ, въ ожиданіи котораго больной пробавлялся своимъ домашнимъ лѣкарствомъ, составленнымъ изъ *алмазнаго и яхонтоваго порошка*... Посолъ выздоровѣлъ, но сталъ еще капризнѣе и постоянно придирался къ Тамбовскимъ властямъ и къ приставамъ и грозилъ имъ арестомъ: „вотъ я пришлю по васъ, говорилъ онъ, — 5 человѣкъ и велю притащить къ себѣ за ноги и что у васъ есть снять“.

10 мая Персіяне раскинули обширный лагерь къ западу отъ Тамбова и всѣ туда перебрались. Въ полѣ отъ нечего дѣлать забавлялись они русскими и персидскими военными экзерциціями и по прежнему сильно пили и чванились. Нерѣдко Хуссейнъ-ханъ обижался даже на то, что генералъ Апраксинъ слишкомъ близко подсаживался къ нему. Поэтому онъ взялъ свои мѣры предосторожности для огражденія посольской чести. Въ его палаткѣ для него устроенъ былъ высокій рундукъ, куда Апраксинъ конечно уже не рѣшался лазить...

2 іюня Персидское посольство на 700 подводахъ выѣхало изъ Тамбова. День былъ чрезвычайно дождливый и холодный, однако главные чины посольства для церемоніи ѣхали верхомъ. Персіяне останавливались въ Лысыхъ горахъ и Козловѣ. Въ этомъ городѣ ихъ встрѣтилъ Рязанскій драгунскій полкъ, въ то же время артиллерійская крѣпостная команда производила учащенную пушечную пальбу.

Ровно черезъ мѣсяцъ Персіяне торжественно вступали въ Москву. У Данилова монастыря они встрѣчены

были войсками, канцелярскими служителями, *коннымъ* Московскимъ купечествомъ и многолюднымъ хоромъ трубачей. Шествіе началось въ такомъ порядкѣ:

1) Впереди процессіи шла команда гренадеръ.
2) Ѣхало купечество.
3) Приказные служители.
4) Парадныя кареты.
5) Рота гвардіи Семеновскаго полка.
6) Конюшня генерала Апраксина.
7) Слоны.
8) Посольская музыка.
9) Посольская конюшня.
10) Посольскіе пристава.
11) Дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Голицынъ, состоявшій при послѣ.
12) Самъ посолъ Хуссейнъ-ханъ.
13) Персидское знамя съ ассистентами и
14) Персидскій военный отрядъ.

Всѣхъ Персіянъ вступало въ Москву 2128 человѣкъ и лишь только посолъ прибылъ въ свою квартиру, къ нему немедленно явился съ визитомъ *Московскій главнокомандующій.* Этотъ визитъ немедленно же былъ отплаченъ. Второй визитъ Хуссейнъ-хану сдѣланъ былъ генералъ-аншефомъ Волковымъ. Такъ какъ онъ былъ *особою знатною и великаго характера,* то во время аудіенціи сидѣлъ съ Персидскимъ посломъ *на равной линіи, только немного поодаль посла.* Главный разговоръ у всѣхъ этихъ сановниковъ шолъ про ѣду: рисъ, барановъ, шафранъ, кардамонъ, сахаръ, масло, говядину и кофе. Хуссейнъ-ханъ уговаривалъ Московскихъ сановниковъ, чтобы они питали его со свитою побольше и получше и чтобы приготовили ему Петербургскую квартиру поближе ко двору и министрамъ.

Довольный Московскимъ гостепріимствомъ, Хуссейнъ-ханъ написалъ объ этомъ Надиръ-шаху. Грамата его начиналась такъ.

„Безконечною милостію царя царей возвышенный высокостепенный посолъ Эмиръ Хуссейнъ-ханъ—приношу себя въ жертву подножію благословенныхъ ногъ твоихъ. Ты, царь царей, благополучіемъ своимъ даруешь свѣтъ царямъ и украшаешь вѣнцами главы и владѣешь всѣми народами... А вотъ мое доношеніе...“

13 августа посольство тронулось въ Петербургъ и, не смотря на близость двухъ столицъ, по прежнему продолжало буянить дорогой. Доходило до того, что на станціяхъ Персіяне портили картины и били стекла, разламывали печи, двери снимали съ петлей и пороги рубили...

29 сентября было торжественное вступленіе Хуссейнъ-хана въ Петербургъ. Церемоніалъ шествія былъ слѣдующій.

1) Конная гвардія.

2) 14 слоновъ по 2 въ рядъ.

3) Персидская музыка.

4) Посольская карета.

5) Императорской конюшни заводскія лошади съ унтеръ-шталмейстеромъ и берейторами.

6) Генералы, штабъ и оберъ-офицеры.

7) Князья Долгорукій и Шаховской.

8) Графъ Салтыковъ и Хуссейнъ-ханъ въ каретѣ цугомъ. При нихъ шли конюхи, лакеи, гайдуки и скороходы.

9) Въ заключеніе шествія несли Персидское знамя.

2 октября Персидское посольство представлялось правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Вступая въ аудіенцъ-залу, Хуссейнъ-ханъ сдѣлалъ передъ трономъ 3 поклона и потомъ, вручивъ установленнымъ порядкомъ шахскую грамату, началъ слѣдующую высокопарную рѣчь: „Сія есть дружеская и благоволенія преисполненная грамата отъ высочайшей стороны Его Величества, превысочайшаго, пресвѣтлѣйшаго, имѣющаго достоинство Соломона, государства яко луна просвѣщающаго, престолъ держа-

вы украшающаго, милостію Божіею снабденнаго властію и міродержательствомъ, Иранскаго государства повелителя, царямъ Индѣйскимъ и Туранскимъ корону дарующаго Надыра...“

По окончаніи рѣчи началось торжественное поднесеніе шахскихъ подарковъ. Аннѣ Леопольдовнѣ, Іоанну Антоновичу и другимъ членамъ царской фамиліи представлены были куски богатѣйшей парчи, бриліантовые пояса, золотые съ бриліантами кубки, богатый столикъ, 3 пера для украшенія шапокъ и шляпъ, перстни, ящики и 10 слоновъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ Хуссейнъ-ханъ объявилъ, что *повелитель міра* указалъ освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ...

Посольство присутствовало въ Петербургѣ во время извѣстнаго переворота 1741 года и вернулось въ Персію въ ноябрѣ 1742 года съ дружелюбными граматами Императрицы Елизаветы и съ подарками, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто занимали вина и водки. Сопровождалъ посла до границы бригадиръ Фроловъ-Багреевъ. Повидимому, переговоры съ Персіянами были не особенно удовлетворительны, потому что въ томъ же 1742 году Персидскія вооруженныя толпы нападали на русскія границы и шахъ Надиръ грозился покорить Россію, какъ доносилъ объ этомъ русскій резидентъ въ Персіи Калушкинъ. Грозный Надиръ-шахъ, подобно Хуссейнъ-хану, былъ далеко не трезвой жизни и во время опьяненія начиналъ величаться своими побѣдами и указывать на сравнительное безсиліе Россіи. Подкупленный Персидскій мирза Каибъ-Али сообщалъ русскому правительству: „шахъ не меньше какъ черезъ 14 лѣтъ Россію воевать имѣетъ и въ томъ помѣхи имѣть себѣ не чаетъ.“

Высокомѣрное и вызывающее отношеніе Надиръ-шаха къ русскому правительству объясняется, конечно, извѣстнымъ политическимъ состояніемъ Россіи. Между тѣмъ какъ Персія была на верху могущества, управ-

ляемая деспотомъ-завоевателемъ и обладателемъ неслыханныхъ награбленныхъ сокровищъ, Русская земля переживала тяжкую эпоху придворныхъ переворотовъ и внутреннихъ соціально-административныхъ неурядицъ. Персіяне отлично знали это и потому вели себя относительно русскихъ съ крайнею безцеремонностію... Въ этомъ случаѣ сильно поддерживалъ ихъ Грузинскій царевичъ Бакаръ, недовольный русскимъ правительствомъ и хотѣвшій переселиться въ Персію. Именно онъ тайно сообщалъ Надиръ-шаху, что въ Россіи дѣла идутъ дурно и что этого государства бояться нечего.

Вслѣдствіе сомнительныхъ отношеній къ Персіи императрица Елизавета вынуждена была поставить на Персидской границѣ усиленный корпусъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тараканова. *)

Вслѣдъ за выбытіемъ изъ Тамбова Персидскаго посольства для нашего края опять наступила глухая захолустная жизнь. Изрѣдка эта жизнь разнообразилась, но не на радость мѣстному населенію. Или брали у насъ *нарядомъ работныхъ людей* для разныхъ казенныхъ построекъ, или же назначали рекрутскій наборъ съ церковниковъ и приказныхъ людей. Въ первомъ случаѣ начиналось великое горе для мѣстнаго крестьянства, во второмъ для духовенства и мелкаго чиновничества. Но вотъ въ 1771 году наступило общее горе, сравнявшее всѣ сословія. Изъ Москвы шла на насъ чума. Объ этомъ всенародномъ бѣдствіи мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ.

---

*) Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Персидскія 1741 года.

VII.

Чума 1771 года въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ *).

Вскорѣ послѣ извѣстнаго Московскаго чумнаго бунта Воронежскій губернаторъ А. М. Масловъ прислалъ въ Шацкую провинціальную Канцелярію ордеръ слѣдующаго содержанія: „въ имперіи обнаружилась прилипчивая смертная язва и отъ той язвы люди скоропостижно помираютъ, посему надлежитъ принимать наикрѣпчайшую предосторожность и слѣдить за ея развитіемъ недремлющими глазами подъ опасеніемъ тяжкаго по законамъ взысканія. Присемъ воеводамъ провинціи поставляется на видъ произшедшее въ Москвѣ въ подломъ народѣ замѣшательство, дабы бѣглецы и зараженные изъ Москвы не могли распространить заразы по уѣздамъ Шацкой провинціи.“ **)

Провинціальныя власти, уже не мало напуганные молвою о Московской чумѣ, немедленно приняли противъ нея свои мѣры и гонцы—солдаты поскакали во всѣ провинціальные уѣзды съ самыми строгими предписаніями провинціальныхъ воеводъ. Вскорѣ во всѣхъ Тамбовскихъ и Шацкихъ уѣздахъ назначены были карантинные смотрителя изъ мѣстныхъ дворянъ. На въѣздахъ и выѣздахъ всюду поставили обывательскіе караулы. Всѣмъ дворянамъ, купцамъ и мѣщанамъ вмѣнено было въ обязанность *сидѣть дома* и такимъ образомъ подавать примѣръ *добропорядочной жизни неразумительному народу*. Дома и

*) Факты для этой главы заимствованы нами изъ *дѣлъ* бывшей Шацкой провинц. канцеляріи. *Дѣла* эти разбираются въ Тамбовѣ для отсылки въ Моск. арх. Министерства Юстиціи.

**) Несомнѣнно, такой же ордеръ былъ посланъ и въ Тамбовъ, вмѣстѣ съ Шацкомъ подчиненный Воронежскому губернатору, но намъ не удалось прочитать его въ архивахъ.

пожитки велѣно было чаще провѣтривать и съ наступленіемъ зимнихъ холодовъ вымораживать. Кругомъ селъ и городовъ и внутри дворовъ начали курить дегтемъ, навозомъ, ельникомъ и можжовельникомъ. Сообщенія края внезапно почти совсѣмъ прекратились, потому что на всѣхъ заставахъ безпрепятственно пропускали однихъ только правительственныхъ курьеровъ.

Тогда началась великая и повсемѣстная бѣда въ нашихъ провинціяхъ. Крестьяне бросили посѣвы и жители многихъ селеній подверглись голодной смерти. Въ базарныхъ селахъ и городахъ пріостановилась торговля *). Провинціальныя фабрики и заводы были закрыты. На пристаняхъ задержаны были струги и барки съ хлѣбомъ, солью и разнымъ товаромъ. На одной Вышенской пристани (на р. Вышѣ) разомъ подвергли шестинедѣльному карантину болѣе 40 струговъ. Отъ неосторожнаго *куренія* на карантинныхъ заставахъ и дворахъ начались безпрерывные пожары. „Отъ великихъ огней, жаловались наши воеводы, — особливо во время вѣтровъ и вихрей, бываютъ многія пожарныя спаленія“. Напуганное слухами о чумѣ духовенство нерѣдко отказывалось совершать церковныя требы, вслѣдствіе этого родильницы оставались безъ очистительныхъ молитвъ, младенцы — безъ святаго крещенія; больные умирали безъ исповѣди и причастія, а умершіе лишались христіанскаг погребенія **) Въ народѣ началось усиленное пьянство, которымъ толпа думала *залить* ту панику, которая овладѣла ею вслѣдствіе разныхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ ужасовъ чумной заразы. Въ 1771 году питейная контора въ одномъ городѣ Шацкѣ продала болѣе 19,000 ведръ

---

*) Нѣкоторые города, напримѣръ Моршанскъ, терпѣли отъ этого страшные убытки. Въ описываемое нами время Моршанскъ велъ обширную хлѣбную торговлю. Напр. 7 марта 1771 г. въ Моршанскъ въѣхало 11,560 подводъ. 8-го 18,191 подвода, и вдругъ вся эта торговля прекратилась...

**) На это обстоятельство есть указаніе и въ Тамбовск. конс. архивѣ, № 21 за 1772 г.

водки. Въ эти бѣдственныя времена крестьяне нѣкоторыхъ Тамбовскихъ и Шацкихъ селъ, крѣпостные и экономическіе, взбунтовались и не хотѣли признавать никакихъ властей. Съ особенною силою крестьянскіе бунты обнаружились въ селахъ Дерябкинѣ и Липягахъ. Между Шацкомъ и Тамбовомъ появились сильныя разбойническія партіи, такъ что и *проѣзду имѣть было невозможно*. Такимъ образомъ чумная паника потрясла у насъ коренныя общественныя основы...

Общая тревога увеличивалась отъ тѣхъ безпорядковъ, виновниками которыхъ часто были сами карантинные смотрителя и караульные. Иногда у въѣзжихъ воротъ всѣ часовые были неграматны, поэтому задерживали проѣзжихъ до пріѣзда карантиннаго смотрителя. Впрочемъ, за водку и за деньги караульные часто пропускали и безбилетныхъ, а по неопытности и недосмотру смотрителей свободно проходили заставы и такіе путешественники, у которыхъ были фальшивые билеты, фабрикація которыхъ сдѣлалась въ то время спеціальнымъ промысломъ въ нѣкоторыхъ селахъ Шацкой провинціи. Иные карантинные смотрителя по своему скудоумію вовсе не признавали чумной заразы, представляли все на волю Божію и утѣшались въ своемъ бездѣйствіи безпрерывными кутежами. Такимъ образомъ многія заставы превратились въ самые разгульные кабаки и шло тамъ *разливанное море* и въ похмѣльномъ чаду забывали легкомысленные люди о грозной карѣ Божіей. Нѣкоторые дворяне-вотчинники не слушались начальства и не хотѣли допускать въ свои имѣнія карантинныхъ смотрителей. Такъ напримѣръ, когда смотритель Богомоловъ пріѣхалъ въ Кирсановское имѣніе Свищова, то помѣщикъ прогналъ его и за объявленіе карантинныхъ правилъ грозилъ перебить ему руки и ноги. Въ имѣніи у этого сердитаго помѣщика уже не мало было *странныхъ* смертныхъ случаевъ, въ его приходской церкви давно уже прочитано было правительственное объявленіе о заразѣ,

а онъ все свое твердилъ: „прилипчивой болѣзни у меня въ имѣніи нѣтъ и быть не можетъ.“

Хмѣльные смотрителя и караульные, притѣсняя проѣзжихъ и прохожихъ, иногда снимали съ нихъ всю одежу и отбирали всю поклажу и деньги, бросая послѣднія *ради ассенизаціи* и безвозвратно въ квасную гущу. Вслѣдствіе этого крестьяне начали ѣздить по дорогамъ толпами и вооружаться для безопасности отъ карантиннаго начальства дубинами. Находились и такіе *радѣтели общественнаго блага*, которые совершенно безсмысленно пользовались своимъ смотрительствомъ, безпричинно притѣсняя народъ. Одинъ изъ такихъ народныхъ опекуновъ, дворянинъ Евсюковъ, ѣздилъ по селамъ и заставамъ и билъ караульныхъ и пріѣзжихъ *безъ всякой вины немилостиво*. Когда же наступила зима 1771 года, то во всѣхъ селахъ своего смотрительскаго района онъ выгналъ обывателей изъ избъ съ цѣлію провѣтриванія воздуха. А какъ на грѣхъ та зима была лютая и *отъ той морозной лютости замерзалъ народъ*. Отъ этого энергическаго распоряженія не легко было и взрослымъ людямъ, но въ особенности жутко было на морозѣ малымъ дѣтямъ, которыя начали помирать отъ простуды въ огромномъ количествѣ.

Лучшей памяти заслуживаютъ слѣдующіе карантинные смотрителя: Богомоловъ, Свѣчинъ, Аничковъ, Фроловъ-Багреевъ, Владиміровъ и Суровцовъ. Эти въ простотѣ своей усердно жгли навозъ и не давали ѣзду и ходу ни коннымъ, ни пѣшимъ... Конечно, въ ихъ дѣятельности особеннаго разума не было, за то много было посильнаго честнаго усердія.

Къ числу условій, благопріятствовавшихъ развитію чумной эпидеміи 1771 года, надобно отнести также почти совершенное отсутствіе у насъ медицинской помощи и гигіеническихъ предосторожностей. Въ 1771 году во всей Шацкой провинціи было только два врача: Зигфридъ и Рамелофъ — оба крайне сомнительные въ на-

учномъ отношенін. Въ то же время во всѣхъ Тамбовско-Шацкихъ городахъ и селахъ покойниковъ хоронили около приходскихъ церквей и притомъ зарывали ихъ небрежно и неглубоко. Въ Кадомскомъ уѣздѣ въ 1771 году былъ конскій падежъ и всю палую скотину зарывали внутри селъ, часто и во дворахъ, и только самые осторожные обыватели сваливали падаль на выгонахъ. Отъ этого происходило то, что собаки ежедневно разрывали трупы животныхъ и съ кусками зараженнаго мяса разбѣгались по всѣмъ усадьбамъ. О всякой другой грязи и нечистотѣ, съ которыми издавна такъ свыкся простой русскій чаловѣкъ, и говорить нечего; въ описываемое нами время всѣ русскія поселенія были еще обильнѣе всякими міазмами, чѣмъ теперь... Правда, по нашимъ провинціямъ безденежно разсылались печатные экземпляры съ указаніемъ предохранительныхъ мѣръ и лѣченія отъ заразы, но рѣдкій изъ нашихъ предковъ обращалъ на нихъ какое нибудь вниманіе.

Подробныхъ свѣдѣній о развитіи мѣстной чумной заразы 1771 года мы не имѣемъ. Впрочемъ и тѣ отрывочныя архивныя данныя, которыя находились въ нашемъ распоряженіи, свидѣтельствуютъ о грозныхъ размѣрахъ эпидеміи и довольно ярко рисуютъ намъ картину народнаго бѣдствія, память о которомъ въ настоящее время почти изчезла въ нашемъ краѣ.

Съ особенною свирѣпостію чума дѣйствовала въ селахъ Конобеевѣ и Аладьинѣ, по всему теченію рѣки Цны и въ городѣ Козловѣ. Всѣ эти зараженныя мѣста оцѣпили и предоставили ихъ собственной участи. Изрѣдка къ ихъ заставамъ подвозили провіантъ, причемъ извощики, сваливъ въ кучу свою поклажу, опрометью скакали назадъ и даже денегъ не брали, вполнѣ довѣряя чумнымъ обывателямъ, которые бросали слѣдуемыя съ нихъ деньги въ квасную гущу. Деньги отъ кислоты чернѣли, а народъ объяснялъ это явленіе силою эпидеміи и окончательно поддавался паническому страху. Въ

города и села постоянно приходили извѣстія, иногда преувеличенныя о смертныхъ случаяхъ. Разсказывали о проѣзжавшихъ по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, которые умирали внезапно. Подобные случаи дѣйствительно бывали... Тогда чумныхъ покойниковъ хоронили въ лѣсахъ и поляхъ въ платьѣ, до котораго никто не смѣлъ прикоснуться. А телѣги и сани тутъ же жгли. Погребавшихъ же запирали мѣсяца на полтора въ необитаемыя избы и строго охраняли ихъ. Въ это время къ заключеннымъ никто не входилъ и пищу подавали имъ, по преданію, на длинныхъ шестахъ-рогачахъ. „Зараза была такая сильная, говорятъ мѣстные старожилы,— что если кто притрогивался къ зачумленному трупу какимъ нибудь острымъ орудіемъ, то видно было, какъ чумная чернота ползла вверхъ".

Едва ли не самое тяжелое впечатлѣніе на весь нашъ край произвелъ слѣдующій дѣйствительно замѣчательный случай.

Въ сентябрѣ 1771 года по рѣкѣ Цнѣ плыло казенное судно съ арестантами, подъ начальствомъ поручика Филиппова. Около села Высокихъ Полянъ судно вдругъ остановилось, такъ какъ командиръ его бѣжалъ въ Касимовъ и въ экипажѣ обнаружилась ужасающая смертность. Всѣ конвойные унтеръ-офицеры умерли, изъ малочисленной команды выбыло 24 человѣка, арестантовъ погибло 120 человѣкъ. „Мерли люди, докладывалъ объ этомъ происшествіи Шацкому воеводѣ случайный командиръ казеннаго судна гарнизонный солдатъ Балясниковъ,—скоропостижно и невѣдомою болѣзнію". По распоряженію Шацкаго воеводы Лопатина зачумленную барку задержали на шесть недѣль и совершенно удалили отъ берега: Вмѣстѣ съ тѣмъ отданъ былъ приказъ провинціальной канцеляріи, чтобы всѣ военныя и арестантскія команды остановлены были въ поляхъ и чтобы они сами выстроили себѣ шалаши и жили въ нихъ

въ теченіе шести недѣль, уклоняясь отъ всякаго сообщенія съ окрестными жителями *).

Наибольшее количество умершихъ отъ чумы было въ городѣ Козловѣ. По преданію, весь Козловъ во время эпидеміи былъ какъ бы мертвымъ городомъ. Всѣ обыватели сидѣли дома и боялись выходить на улицу. Только караульные расхаживали по кварталамъ, подходили къ обывательскимъ окнамъ и кричали въ извѣстномъ смыслѣ: ельникъ и можжевельникъ! Тогда измученные смертнымъ страхомъ жители вспомнили Бога и понесли въ храмы Божіи свои жертвы. Шли въ церкви купеческія молодицы и несли туда свои болѣе или менѣе дорогія украшенія, привѣшивая ихъ къ иконамъ Богородицы. Шли въ церкви крестьянскія труженицы и умилостивляли Бога холстами, которые онѣ навѣшивали на иконостасы, и полотенцами, которыми покрывались иконы. Болѣзнь однако не унималась, но за то и вѣра народная крѣпла и легче стало Козловскому міру сносить иго Божіе. Съ тѣхъ поръ городъ Козловъ славится по всей Руси богатыми церковными утварями и звучными колоколами. На площадяхъ городскихъ стали воздвигаться каменные храмы прочной архитектуры. Памятникомъ великаго народнаго бѣдствія 1771 года въ городѣ Козловѣ въ настоящее время служитъ соборная Покровская церковь, построенная гражданами по подпискѣ. 23 октября 1771 года Козловскіе обыватели составили слѣдующій приговоръ, копію котораго мы приводимъ почти дословно.

„Города Козлова духовнаго и свѣтскаго чина жители, видя праведно отъ Бога посланный на градъ сей въ смертной язвѣ гнѣвъ, страшась онаго, напоминая каждый грѣхи свои, прибѣгаемъ, смиряя постомъ души, къ Помощницѣ рода христіанскаго—Богородицѣ. И от-

*) Арх. бывшей Шац. провинц. канцеляріи, № 454-й.

нынѣ да будетъ седмица сія отъ 24 октября по 29—постъ, а того дня свѣтелъ праздникъ Божіей Матери“.

29 октября 1771 года Козловскіе жители устроили вокругъ города крестный ходъ. За крестами и иконами, за протоіереемъ Іоанномъ и духовенствомъ—шли всѣ обыватели: малыхъ дѣтей взрослые несли на рукахъ своихъ. Въ полѣ процессія остановилась и соборный протоіерей произнесъ, послѣ уставнаго молитвословія, слѣдующія простыя и трогательныя слова. „Владычица Богородица, утоли рыданіе слезъ нашихъ и призри на смиреніе наше!“

На другой день Козловскіе жители снова понесли въ храмы свои умилостивительныя жертвы. Тяжкая бѣда сравняла сословія, званія и состоянія. Начиная съ Козловскаго воеводы Михаила Карцова и до послѣдняго работника всѣ граждане смирились и духовно покорились духовенству, „Созижди, Боголюбивая Царица,—писали Козловцы въ своемъ мірскомъ приговорѣ,—соборный храмъ нашъ подъ смотрѣніемъ служителя твоего и отца нашего протоіерея Іоанна“.

Козловская бѣда давно прошла. Давно уже состарились внуки свидѣтелей чумной заразы, но крестный ходъ въ память 1771 года и теперь есть въ Козловѣ. Только поста, приговореннаго прадѣдами, не исполняютъ правнуки.

Не въ одномъ Козловѣ общественная бѣда выразилась религіозно. Почти на всемъ пространствѣ обѣихъ нашихъ провинцій произошелъ нравственный переворотъ (къ сожалѣнію-временный). По извѣстной руской пословицѣ, *многіе люди отъ гнѣва Божія очнулись и перекрестились*, забыли свои мелкія и крупныя ссоры, забыли интересы всякаго хищенія и стали богомольными. Многіе помѣщики начали строить *ружныя* церкви и отпускать крестьянъ на волю, напримѣръ князь А. А. Долгоруковъ, а въ городахъ и богатыхъ селахъ возникли

кладбищенскія церкви. *) Между тѣмъ во всѣхъ приходахъ принялись устроивать кладбища не ближе ста сажень отъ жилья и рыть могилы глубиною въ три аршина. Кругомъ кладбищъ появились ограды и канавы, чего прежде у насъ не бывало.

Въ 1772 году чума въ нашихъ провинціяхъ прекратилась. Но до самаго 1774 года чиновники разъѣзжали по уѣздамъ для наблюденія за исполненіемъ карантинныхъ мѣръ. Кругомъ селъ стояли караулы, а во дворахъ и на выгонахъ горѣли огни, курился ельникъ, можжевельникъ, деготь и навозъ. Всѣ эти мѣры предосторожности разомъ были оставлены, какъ только пошли извѣстные тревожные слухи съ Поволжья. Такимъ образомъ одна народная бѣда смѣнила другую и трудно сказать, какая изъ нихъ была *горше* для Тамбовско-Шацкаго народонаселенія, и безъ того далеко не избалованнаго условіями жизни.

Вѣкъ Екатерины II вообще полонъ внѣшняго блеска. Блестящія побѣды русскихъ войскъ, которыми предводительствовали истинные герои; великолѣпный Петербургскій дворъ, въ которомъ на первомъ планѣ фигурировали многочисленные и быстро смѣнявшіеся фавориты; вельможная и барская роскошь, удивлявшая заѣзжихъ иностранцевъ, быстрое и такъ сказать обрядовое сближеніе высшихъ классовъ съ западною Европою— вотъ показная сторона нашего славнаго вѣка. Но за этими декораціями скрывалась темная, бѣдная и безправная жизнь народной массы, слишкомъ дорого платившей за внѣшній государственный блескъ.

Переходимъ къ пугачевщинѣ.

*) Всѣ эти факты между прочимъ подтверждаются документами Тамб. Дух. Консист. № 21-й за 1772 г.

VIII.

Пугачевщина въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ.

Обѣ наши провинціи по своимъ бытовымъ условіямъ, представляли самый горючій матеріалъ для развитія пугачевщины. Мѣстные инородческіе элементы, Татары, Мордва и Мещера, также далеко не отличались политическою благонадежностію. Къ довершенію бѣды военныя средства нашихъ провинцій въ 1774 году оказались въ самомъ жалкомъ состояніи, такъ что край застигнутъ былъ переворотомъ совершенно внезапно, врасплохъ. Шацкая крѣпость, бывшая главнымъ оплотомъ цѣлой провинціи, разваливалась и грозила своими гнилыми бревнами не бунтовщикамъ, а мирному городскому населенію, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій отзывъ Шацкаго воеводы Лопатина: „имѣется у насъ издревле построенная дубовая крѣпость, которая нынѣ весьма ветха и мы опасеніе имѣемъ, чтобъ отъ той ветхой постройки не учинилось проходящему народу какого ущербу“.

Шацкая крѣпостная артиллерія представлялась тоже далеко не въ воинственномъ видѣ. Она состояла изъ девяти чугунныхъ пушекъ и трехъ дробовиковъ, при чемъ крѣпкіе лафеты были только подъ тремя орудіями. Артиллерійскихъ снарядовъ въ Шацкомъ арсеналѣ было немного и въ случаѣ осады города ихъ не могло хватить для одной Шацкой крѣпости. Бомбъ было только 80, пушечныхъ ядеръ около 5500, фитилю 8 пудовъ 25 фунтовъ *).

Гарнизонъ въ городѣ Шацкѣ въ 1774 году состоялъ изъ 12 унтеръ-офицеровъ разныхъ наименованій и

*) Изъ дѣлъ бывшей Шацк. провинц. канц. № 36-й.

42 человѣкъ рядовыхъ при *17 офицерахъ*. Кромѣ того въ составъ Шацкой инвалидной команды входили барабанщикъ и фельдшеръ. Изъ этого числа въ ружье могли стать только 50 человѣкъ, такъ какъ четыремъ солдатамъ не доставало ружей: онѣ сгорѣли во время большаго Шацкаго пожара въ іюнѣ 1769 года. Почти всѣ Шацкіе солдаты были люди старые, *худые и неумѣлые*. „И тѣ инвалиды, доносило по командѣ провинціальное начальство,—въ разсужденіи старости, дряхлости и болѣзней пѣшкомъ иттить въ походъ не могутъ". Многіе изъ этихъ горемычныхъ солдатъ страдали слѣпотою, недержаніемъ мочи, килами и застарѣлыми ранами. Сверхъ того всѣ они не получали жалованья и ходили оборванные. „Дневной пищи, жаловались они Воронежскому губернатору Шетневу,—сварить намъ не чѣмъ и принуждены будемъ, оставя свои избы, разойтиться по разнымъ мѣстамъ".

Военныя силы другихъ городовъ нашихъ провинцій были не въ лучшемъ состояніи и отличались отъ Шацкаго гарнизона только сравнительною малочисленностію. Въ каждомъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ было по 27 человѣкъ рядовыхъ. Всѣ они вооружены были еще въ 1763 году и многія солдатскія ружья не могли уже стрѣлять. Шпаги тоже притупились и изломались. По поводу тревожныхъ слуховъ съ Поволжья и Яика негодныя ружья и шпаги отосланы были къ Воронежскому оружейному мастеру на поправку, но Воронежскія власти не спѣшили и оставляли Тамбовско-Шацкихъ инвалидовъ безоружными. „Все готово, увѣдомляли онѣ нашихъ воеводъ,—точію везти не на чѣмъ".

При такихъ условіяхъ мѣстные помѣщики, которымъ грозила наибольшая бѣда, приготовились къ самооборонѣ. Они вооружили своихъ дворовыхъ и начали обучать ихъ военному искусству. На этомъ поприщѣ особенно отличался владѣлецъ села Гагарина Петръ Пашковъ, который ежедневно дѣлалъ своей дворнѣ военныя

репетиціи и тревоги на случай нападенія пугачевцовъ. По сигналу съ барскаго двора всѣ Гагаринскіе жители должны были бѣжать къ Пашковской усадьбѣ и занимать извѣстныя мѣста. При этомъ наблюдалась самая строгая дисциплина, за малѣйшее нарушеніе которой полагались тяжкія взысканія. Однажды, не смотря на сигналы тревоги, пономарь Федотъ Емельяновъ замѣшкался въ церкви. Отсутствіе его сейчасъ же замѣчено было самимъ Пашковымъ и по этому поводу немедленно сдѣлано было такое распоряженіе. Ударили въ набатъ и собрали народъ около церкви. Сюда же привели провинившагося пономаря, высѣкли его *арапниками* и остригли ему голову*).

Между тѣмъ въ провинціяхъ Тамбовской и Шацкой стали ходить усиленные слухи *о Петрѣ Федоровичѣ*. Народная масса стала глухо волноваться и ждать *истиннаго* царя-освободителя крестьянства. Первымъ піонеромъ пугачевщины въ нашемъ краѣ былъ Саратовскій фурьеръ Филипповъ. Въ селѣ Тростянкахъ, Шацкаго уѣзда, онъ разглашалъ такія вѣсти: „около Оренбурга собирается царское войско и самъ царь скоро объявится тамъ же“. Филиппова схватили и привезли въ Шацкъ.

Слова Филиппова возымѣли свое дѣйствіе немедленно. Крестьяне Шацкаго уѣзда, Борисоглѣбскаго стана, насильно запахали въ свою пользу помѣщичьи земли и вырубили всѣ заповѣдныя рощи. „Все теперь наше, говорили они,—царь жалуетъ намъ всю землю“.

Съ цѣлію вразумленія простонародья въ городахъ и селахъ начали читать манифесты о Пугачевѣ. Священники читали ихъ съ церковныхъ амвоновъ, а провинціальные чиновники, становясь на возвышенныя мѣста, оповѣщали народъ о самозванцѣ на базарахъ.

„Наши вѣрные подданные, гласилъ манифестъ,— никогда не допустятъ себя уловить никакими ухищре-

---

*) Изъ дѣлъ бывш. Шацк. провинц. канцеляріи, № 8,596-й.

ніями людей злоковарныхъ, ищущихъ своей корысти въ слабомыслящихъ людяхъ и не могущихъ насытить своей алчности иначе, какъ опустошеніями и пролитіемъ невинной крови".

Вмѣстѣ съ манифестомъ вскорѣ начали читать народу Синодское посланіе, въ которомъ Пугачевъ изображенъ былъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ чертахъ: „отринувъ мысль о правосудіи Божіемъ, онъ ниспровергаетъ святые алтари, расхищаетъ священные сосуды, съ ругательствомъ попираетъ святыя иконы, разграбляетъ и разоряетъ святые храмы, звѣрскимъ образомъ неповинныхъ умерщвляетъ, ввергаетъ себя изъ порока въ порокъ, изъ нечестія въ нечестіе. Сей есть сожженный совѣстію. Православные христіане! Онъ злодѣй отечества, онъ врагъ Богу, церкви и отечеству. Отвратитесь отъ него, а паче отвратите его злодѣйства".

Но толпа мало уже вѣрила представителямъ правительства и шла своимъ роковымъ путемъ. Однажды маіоръ Сверчковъ читалъ манифестъ на базарѣ въ селѣ Никавинѣ. Крестьяне столпились вокругъ него и по окончаніи чтенія смѣло сказали ему: „что ты ни читай и ни толкуй, а шила въ мѣшкѣ не утаишь".

Въ то же время по городамъ обѣихъ нашихъ провинцій ходилъ по рукамъ извѣстный пасквиль. Начинался онъ словами: „пришло время искоренить дворянское лихоимство". А оканчивался такъ: „въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ".

Бывало и такъ, что правительственные чиновники сами принимали сторону Пугачева. Такимъ образомъ поступилъ прапорщикъ Васковъ, посланный въ Наровчатскій уѣздъ для увѣщанія волновавшихся дворцовыхъ крестьянъ. На мірскомъ сходѣ въ одномъ селѣ онъ произнесъ слѣдующія слова: „съ нынѣшняго года всѣмъ крестьянамъ государственныхъ податей платить не велѣно." Въ такомъ же духѣ дѣйствовали отставной сержантъ Ермоловъ и помѣщикъ Васильевъ. А нѣкоторые

священники, напримѣръ о. Иродіонъ изъ села Гремячки, отказывались читать въ церквахъ правительственные манифесты и черезъ это укрѣпляли въ темномъ народѣ вѣру въ *Петра III-го*. Отъ священниковъ не отставали и младшіе члены клира. Дьячекъ села Нестерова Поповъ весною 1774 года, по выходѣ изъ церкви, такъ говорилъ сопровождавшей его крестьянской толпѣ: „въ Оренбургѣ подымаются царскіе люди и хотятъ перевести весь дворянскій корень.“ Слова эти такъ взволновали народъ, что онъ вернулся въ церковь и принудилъ духовенство служить молебенъ о здравіи царя *Петра Феодоровича* съ наслѣдникомъ. *)

Нѣкоторые духовные поступали еще рѣшительнѣе. Они открыто объявляли себя сторонниками Пугачева и его именемъ набирали разбойничьи шайки. Весною 1774 года села Рузановки попъ Василій Филипповъ да Астраханскій попъ Федоръ Ивановъ съ шайкою въ 16 человѣкъ *учинили разбой въ домѣ маіора Сергѣя Львова въ селѣ Кудринѣ*. Самъ Львовъ успѣлъ во время спастись, но за то лишился всего своего имущества. Въ это же время села Долгоруковщины попъ Андрей Васильевъ такъ говорилъ крестьянамъ, втайнѣ сочувствовавшимъ Пугачеву: „примите меня къ себѣ и я буду у васъ за атамана.“

Такимъ образомъ положеніе Тамбовско-Шацкаго края принимало грозный и анархическій характеръ. Многіе крестьяне наши, забирая женъ, дѣтей и пожитки, *ночнымъ временемъ* бѣжали на Волгу, въ Бузулуцкія и Донскія степи и на Ахтубенскіе заводы. Тогда мѣстное дворянство приняло противъ бунта, съ разрѣшенія правительства, усиленныя мѣры. Оно сформировало для разъѣздовъ конный отрядъ въ 500 человѣкъ подъ начальствомъ полковника Брюхатова. Тогда же Воронежскій губернаторъ Шетневъ подкрѣпилъ слабые гарни-

*) Изъ дѣлъ быв. Шацк. провинц. архива, № 8770-й.

зоны нашихъ провинцій военными командами, общая численность которыхъ не доходила до 1000 ружей. „И таковыми командами, жаловался Шацкій воевода,—въ искорененіи тѣхъ злодѣевъ исправиться никакъ не можно.“

Въ апрѣлѣ 1774 года пугачевцы проникли наконецъ и въ нашу Шацкую провинцію. Самъ Пугачевъ, какъ извѣстно, не дошолъ до нашего края. Вмѣсто него у насъ дѣйствовали слѣдующія лица: Львовъ, Евстратовъ и Кирпичниковъ, не считая мелкихъ пугачевцевъ. Первые двое именовались царскими полковниками, а послѣдній-директоромъ. Изъ нихъ болѣе виднымъ дѣятелемъ былъ полковникъ Львовъ, впослѣдствіи разбитый подъ Царицынымъ и взятый въ плѣнъ.

Съ началомъ пугачевщины во многихъ уѣздахъ Шацкой провинціи пріостановились наборъ рекрутъ и сборъ податей. Въ присутственныхъ мѣстахъ наиболѣе взволнованныхъ городовъ перестали заниматься дѣлами. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне бросили барщинную работу и господскій хлѣбъ стоялъ въ поляхъ безъ всякаго призора. „И сталъ сущій голодъ и ходили люди по чужимъ дворамъ и отымали хлѣбъ“—писала Шацкая провинціальная канцелярія. *) Въ восточныхъ уѣздахъ Шацкой провинціи, вошедшихъ въ составъ нынѣшней Пензенской губерніи, *вся чернь взбунтовалась и отъ того бунтованія на торги выѣзжать стало не можно*. Духовенство во многихъ церквахъ молилось *о здравіи великаго государя Петра Феодоровича*, а на сельскихъ сходахъ шли шумные разговоры о томъ, что отнынѣ всѣ земли, лѣсныя угодья, луга и рыбныя ловли—общее крестьянское владѣнье. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались варварскія убійства. Помѣщиковъ убивали въ домахъ собственные ихъ крестьяне, а иногда, опьяненные кровію и ободренные безнаказанностію, эти крестьяне расхо-

*) Изъ дѣлъ быв. Шацк. провинц. канцеляріи, № 137-й.

дились по окрестнымъ мѣстамъ и все на пути своемъ жгли огнемъ и били *смертнымъ боемъ*. Они вѣшали кабацкихъ цѣловальниковъ, сборщиковъ податей, лихихъ управляющихъ—нѣмцевъ, приказчиковъ и старостъ. Спасались только тѣ изъ нихъ, которые слыли за людей добрыхъ и жалостливыхъ. Остальныхъ расходившаяся народная масса не щадила, въ порывахъ звѣрства истребляя вмѣстѣ съ ними и ихъ малыхъ дѣтей. Въ іюнѣ 1774 года Шацкіе крестьяне, въ компаніи съ пришлыми пугачевцами, начали грабить кабаки. Чего не выпивали, то выливали на улицы. Выручку дѣлили между собою. Страшная народная драма захватила всю Шацкую провинцію, часть Тамбовской и вышла изъ ихъ предѣловъ, направляясь по Хопру къ самому Воронежу...

Пугачевскія шайки шли къ намъ съ береговъ Волги, преимущественно съ Симбирской стороны, и состояли иногда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и пушками. Путь ихъ ознаменованъ былъ, какъ мы замѣтили выше, убійствомъ помѣщиковъ и грабежомъ ихъ вотчинъ. Въ Керенскомъ уѣздѣ *злодеи повѣсили бригадира Костливцева и пожитки его всѣ безъ остатку пограбили*. При этомъ жена Костливцева съ малолѣтнею дочерью была спрятана дворовыми въ *тайномъ мѣстѣ*. Въ селѣ Туркахъ пугачевцы умертвили помѣщицу Лукерью Мерлину. Въ деревнѣ Балакиревой той же участи подвергся помѣщикъ Мосоловъ, въ селѣ Перевозѣ—Чулковъ, въ Тростянкѣ-Пестовъ, въ Курдюкахъ—Стахоновъ. Въ селѣ Никольскомъ повѣшенъ былъ поручикъ Тенишевъ, а взрослая дочь его насильно повѣнчана была съ однимъ дворовымъ парнемъ. Изъ этого села мятежники прошли въ деревню Беклемишевку и повѣсили тамъ прапорщика Петрова со всею его семьею. Въ это время къ шайкѣ присоединился дворовый Антонъ Кузьминъ и направилъ ее на село Кривую Луку, гдѣ проживалъ помѣщикъ Любовскій, который тоже не избѣгъ своей участи...

Мы не можемъ назвать всѣхъ Шацкихъ и Тамбовскихъ дворянъ, убитыхъ пугачевцами. Знаемъ только, что ихъ было слишкомъ много, потому что въ 1775 году въ Шацкъ и Тамбовъ пріѣзжали изъ Петербурга нарочные чиновники, которые составляли списки дворянскихъ сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ родителей, раздавали имъ денежныя пособія и выбирали для нихъ благонадежныхъ опекуновъ изъ мѣстнаго уцѣлѣвшаго дворянства.

Пока собирались правительственныя военныя команды, пугачевцы дѣйствовали на всей своей волѣ и наводили ужасъ даже на города. Темниковскій воевода надворный совѣтникъ Неѣловъ такъ напуганъ былъ молвою о злодѣйскихъ силахъ, что прогналъ изъ Темникова всѣхъ укрывшихся тамъ дворянъ, а самъ съ командою убѣжалъ по Московской дорогѣ. Проходя мимо Шацка вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Селвачевымъ, секретаремъ Мыльниковымъ и инвалидною командою, Неѣловъ ѣхалъ съ обнаженною саблею, причемъ барабанщикъ билъ тревогу и походъ. Въ то же время военная команда города Троицка въ полномъ своемъ составѣ сдалась бунтовщикамъ. Одинъ только Троицкій воевода Столповской остался вѣренъ своему долгу и за это погибъ мученическою смертію, подобно всей Инзарской командѣ...

Изъ Троицка пугачовцы пошли на Краснослободскъ, встрѣчены были тамъ съ церковною церемоніею іеромонахомъ Паисіемъ и не смотря на то сожгли деревянныя городскія укрѣпленія, воеводу Селунскаго и Секретаря Тютрюмова *изъ ружей побили до смерти, казну взяли, архивъ порвали и перемышали и оттого весь городъ былъ въ великомъ страхѣ и всѣ жители онаго ожидали себѣ смерти.* *)

*) Изъ дѣлъ б. Шацк. провинц. канцеляріи, № 3163-а.

Были пугачевскія шайки и въ Нижнемъ Ломовѣ. Здѣсь ихъ встрѣтили всенародно и съ большимъ почетомъ. Самъ архимандритъ Нижнеломовскаго монастыря Исакій съ четырьмя іеромонахами и двумя іеродіаконами вышелъ съ крестомъ и иконами на встрѣчу къ *царскому полковнику*. Съ городскихъ колоколенъ раздавался звонъ, по улицамъ толпился народъ съ непокрытыми головами....

Ждали пугачевцевъ и въ самомъ Шацкѣ и была тамъ по этому случаю великая тревога. „Жители города Шацка, писалъ Шацкій прокуроръ Солиховъ,—пришли въ робость и великое смущеніе, ибо къ тому бунту многіе окрестные жители наклоняются“. Въ особенности Шацкіе обыватели перепугались въ то время, когда воевода Лопатинъ выѣхалъ изъ города *якобы для покупки артиллерійскихъ лошадей,* не смотря на прокурорскій протестъ. Тогда въ провинціальной канцеляріи началась усиленная дѣятельность. Сосѣднимъ дворянамъ предложено было вооружиться и явиться въ Шацкъ для общей городовой защиты. Въ окрестныхъ селахъ набрали крестьянскую команду въ 300 человѣкъ, причемъ особенною вѣрностію правительству отличились жители селъ Чернѣева, Княжева и Покровскаго. Всѣхъ сомнительныхъ людей, напримѣръ колодниковъ и плѣнныхъ Турокъ, отправили въ безопасныя мѣста. Казну вывезли въ Москву. По городу наскоро разставили рогатки и учредили денные и ночные караулы и разъѣзды отъ *воровскихъ людей.* Жителямъ воспрещено было пѣть пѣсни. Наступило тягостное и совершенно траурное затишье. Однако гроза миновала Шацкъ.

Въ это время, прикрываясь именемъ Пугачева, многіе *воровскіе люди* разбойничали по Окѣ въ окрестностяхъ Елатьмы и совершали величайшія звѣрства. Однажды плыло тамъ судно купца Калашникова. Разбойники остановили его и приказали экипажу *ложиться.* Всѣ въ страхѣ полегли на палубѣ, между тѣмъ атаманъ грозно

приказывалъ поскорѣй очищать полоненную барку и рѣзать полоняникамъ лѣвыя уши...*)

Извѣстные намъ архивные документы далеко не изображаютъ полной картины пугачевскаго движенія въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ. Поэтому мы представляемъ вниманію читателей только отрывочные эпизоды.

1-го августа 1774 года въ городъ Керенскъ прибылъ вахмистръ Фельшманъ съ 12 солдатами. По случаю базара въ городѣ былъ большой съѣздъ сосѣднихъ крестьянъ. Къ нимъ-то собственно и пріѣхалъ Фельшманъ въ качествѣ посла *императора Петра III-го.* „Гнался я за Наровчатскимъ воеводою Болдыревымъ, говорилъ онъ народу,—потому что тотъ Болдыревъ государевъ казенный воръ и измѣнникъ". Толпа обступила его и стала распрашивать о здоровьѣ *царя-батюшки.* Съ базарной площади весь народъ, бросивши свои торговыя дѣла, подъ предводительствомъ Фельшмана пошолъ къ воеводѣ Перскому, который повидимому ничего не зналъ о случившемся. Перепуганный воевода вышелъ на улицу. Здѣсь подошолъ къ нему мнимый царскій посолъ и потребовалъ его содѣйствія. „Если ты мнѣ поможешь, сказалъ онъ,—поймать царскаго измѣнника, то будетъ тебѣ отъ *Петра Федоровича* дано 150 рублей". Перскій началъ отговариваться неимѣніемъ команды; тогда Фельшманъ велѣлъ взять его подъ караулъ и вмѣстѣ съ секретаремъ Корольковымъ запереть въ приказной избѣ. Послѣ этого Фельшманъ обратился къ толпѣ съ слѣдующими словами: „молитесь за многолѣтнее здравіе царя Петра и отнынѣ не будетъ у насъ платежа подушныхъ денегъ и рекрутскихъ наборовъ 10 лѣтъ, а соль будемъ продавать по 2 гривны пудъ. И если городъ Керенскъ своему батюшкѣ не покорится, то 9 человѣкъ будетъ онъ бить плетьми, а десятаго вѣшать". Весь базаръ отвѣчалъ на эти слова

*) Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 2915-й.

шумными изъявленіями *вѣрноподданнической* преданности. Съ этого момента началось усиленное и даровое пьянство, всѣ кабацкія двери растворились настежъ, выкатывались оттуда бочки съ виномъ и пошло въ Керенскѣ разливанное пьяное море...*)

Изъ Керенска Фельшманъ поѣхалъ въ села Веденяпино и Шелдаисъ, взбунтовалъ крестьянъ, а помѣщиковъ Мачинскаго и Охлебинина увезъ съ собою къ атаману Евсѣеву въ Наровчатъ. Въ награду за всѣ эти *подвиги* Евсѣевъ далъ Фельшману отъ имени *Петра Федоровича* шелковый кушакъ и воронаго коня.

Замѣчательна судьба Фельшмана, Инзарскаго инвалиднаго вахмистра. Сначала онъ вовсе не думалъ измѣнять законному правительству. Но вотъ пришли къ нему выборные отъ города, объявили о бѣгствѣ мѣстнаго воеводы и велѣли ему воротить его, угрожая за неисполненіе ихъ требованія повѣшеніемъ. Старикъ-вахмистръ (ему было тогда отъ роду 70 лѣтъ) по неволѣ покорился городскимъ обывателямъ и въ недоумѣніи выѣхалъ въ погоню за бѣглецомъ-воеводою. Дорогою, видя *всеобщее замѣшательство*, онъ убѣдился, что Пугачевъ-царь и открыто сталъ дѣйствовать въ его пользу. Во всѣхъ селахъ по дорогѣ изъ Инзара въ Керенскъ шла даровая попойка и казенная соль раздавалась жителямъ тоже даромъ. Пьяные крестьяне кричали *ура великому государю*. По столбовымъ и проселочнымъ дорогамъ тянулись пугачевцы, захватившіе самый городъ Инзаръ и *назначившіе тамъ воеводою маіора Тенишева*...

Много въ то время погибло Керенскихъ помѣщиковъ отъ разгулявшагося казачества и крестьянства. Дикіе крѣпостные порядки откликались не менѣе дикими оргіями народнаго самосуда. Тогда уцѣлѣвшіе отъ разгрома мѣстные дворяне удалились въ Керенскъ подъ защиту его

*) Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 366-й.

старинныхъ деревянныхъ укрѣпленій. Укрѣпленія Керенска давно уже были гнилыя и потому спасавшееся дворянство большею частію затворилось въ соборной церкви. При этомъ наиболѣе храбрые помѣстились внутри церковной ограды и вооружились чѣмъ попало. На соборную колокольню втащили нѣсколько маленькихъ крѣпостныхъ пушекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя цѣлы и досѣлѣ.

Пугачевцы подъ начальствомъ *полковника* Евсѣева появились въ виду Керенска 7 августа. Около полудня они уже штурмовали крѣпость, но были отбиты инвалидами и обывателями, которыми командовалъ воевода коллежскій ассесоръ Перскій. Въ особенности неудаченъ былъ для пугачевцевъ приступъ 8 августа. Третій и послѣдній штурмъ происходилъ 17 августа. На этотъ разъ защитники города Керенска поколебались и мятежники ворвались въ самую крѣпость, выжгли и разграбили ее. До вечера перевѣсъ былъ на сторонѣ Евсѣева. Въ это время почти всѣ пугачевцы, опьяненные удачею и даровою водкою, уже неспособны были къ серьезному бою. Вслѣдствіе этого городовые защитники устроили изъ соборной ограды вылазку и снова началось побоище. Особенною храбростію въ этомъ случаѣ отличились Керенскіе церковники, которые за это впослѣдствіи, по императорскому указу, освобождены были отъ разбора. Керенскимъ героемъ 17 августа 1774 года былъ пономарь Трофимъ Филипповъ, какъ это видно изъ слѣдующаго аттестата, даннаго ему воеводою и дворянами: „Пономарь Филипповъ тѣхъ бунтовщиковъ усердно поражалъ, такъ что оныя шайки были опрокинуты и въ бѣгство обращены, а многихъ при томъ изъ оныхъ бунтовщиковъ и живыхъ побрали“*).

Отъ этихъ [illegible] Керенскихъ защитниковъ мно-

* [illegible]

дено было до свѣдѣнія Императрицы Екатерины и 1-го ноября 1774 года послѣдовалъ высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Керенскимъ канцелярскимъ служителямъ за оказанное ими усердіе при защитѣ города отъ нападенія злодѣйскихъ шаекъ дать по одному чину. А воеводѣ Перскому и секретарю Королькову выдать не въ зачетъ годовое жалованье“.

Пугачевцы одновременно дѣйствовали на многихъ пунктахъ Шацкой провинціи. Проникли они и въ Темниковскій уѣздъ, причемъ повѣсили бывшаго депутата Екатерининской коммисіи Еникѣева. Въ Темниковской Саровской пустыни досолѣ сохраняется краткое лѣтописное сказаніе о смутныхъ временахъ 1774 года.

„Саровская пустынь, говоритъ неизвѣстный лѣтописецъ,— была въ великой опасности отъ злодѣйскихъ шаекъ, ибо нѣкоторые сосѣди оной, а наипаче Татары, приходя въ обитель къ о. строителю за деньгами и не получая оныхъ, хвалились, если не будетъ имъ дано, то приведутъ они для разоренія Сарова пугачевскія партіи. А при томъ тѣ Татары укоряли братію, зачѣмъ она охраняетъ въ своихъ лѣсныхъ дачахъ и въ поселяхъ господъ Татищевыхъ, Наумовыхъ и прочихъ дворянъ: поите де и кормите государевыхъ злодѣевъ и напутствуете ихъ пищею“.

9 августа пугачевцы заняли и разграбили городъ Темниковъ. Въ это время толпа встрѣтила ихъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ жалобами на Саровскихъ монаховъ. Благосклонно выслушалъ эту рѣчь *государевъ полковникъ* и обѣщалъ разобрать дѣло. Между тѣмъ освобождены были всѣ колодники и народу роздана была казенная соль *безъ вѣсу и безденежно*. На другой день мятежники пошли на казенный винокуренный заводъ, находившійся близъ Темникова, ворвались въ домъ заводскаго управляющаго, переломали и перебили тамъ мебель и посуду, печи, полы и стекла. Ждала и Саровская пустынь своей очереди.

„Такія злоприключенія, продолжаетъ Саровскій лѣтописецъ, — стали вѣдомы отцу строителю Ефрему и братіи и пришла вся обитель въ великое смущеніе. И явившись къ отцу строителю всѣ просили отъ него въ такомъ преопасномъ случаѣ отеческаго наставленія. Онъ же далъ наставленіе таковое: младыхъ и среднихъ лѣтъ иноковъ благословилъ скрыться на такое злое время, а какъ пройдетъ гнѣвъ Божій — паки возвращаться въ обитель. Братія же, услыша такое рѣшеніе, паки вопросила:

— Если въ бѣгствѣ семъ кто убіенъ будетъ, будетъ ли за то душевная польза?

И отвѣчалъ строитель Ефремъ:

— Кто убіенъ будетъ—получитъ отъ Бога мученическій вѣнецъ.

А престарѣлой братіи сказалъ онъ: мы — старцы останемся въ обители, намъ уже приходитъ время скоро умирать, умирать же все равно, отъ болѣзни или отъ другаго чего.—И сими словами благоразумный старецъ всю братію приготовилъ къ наступающему многобѣдственному времени“.

Послѣ этого всѣ монастырскія сокровища спрятаны были въ *сокровенныхъ мѣстахъ*. Монахи большею частію разбѣжались: кто въ лѣсъ, а кто въ Арзамасскій Высокогорскій монастырь. „И сталъ Саровъ пустъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, — а какъ пришолъ вечеръ, то отъ той пустоты и страшенъ“.

Прошла цѣлая недѣля томительнаго страха. Съ часу на часъ Саровскіе старцы ждали пугачевскаго нашествія и дождались наконецъ полковника Архарова, который съ Донскими казаками вступилъ въ Саровскую пустынь 16 августа.

„Тѣмъ и окончилось, заключаетъ лѣтописецъ, — угрожающее здѣшней обители разореніе и истребленіе, о чемъ да будетъ слава Богу, благодѣтелю нашему, во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Изъ Темникова пугачевская партія прослѣдовала въ Шацкій и нынѣшній Моршанскій уѣзды. Во время марша къ ней присоединились крестьяне изъ вотчинъ графа Разумовскаго, которые сѣли на коней и прозвались *государевыми уланами*. Въ селѣ Рянзѣ пугачевцы собрали сходъ и заставили мѣстнаго священника приводить всѣхъ къ *царской* присягѣ. Отсюда потянулись они на Хоперъ и Ворону. *Шествіе ихъ* по этому тракту было самое торжественное. Многіе пугачевцы ѣхали въ каретахъ и бричкахъ, взятыхъ въ ограбленныхъ барскихъ усадьбахъ...

10 августа 1774 года пугачевская шайка, дѣйствовавшая независимо отъ вышеуказанной, посѣтила село Жуково (Спасскаго уѣзда). Объ этомъ происшествіи мѣстный причтъ такъ доносилъ эпархіальному архіерею:

„Прошлаго 10 августа справляли мы въ церкви Божіей всенощное бдѣніе и въ то время наѣхала въ наше село государственнаго злодѣя Пугачева воровской толпы партія. И того села Жукова помѣщицы Жуковой крестьянинъ Акимъ Афанасьевъ да дворовый человѣкъ Симонъ Родіоновъ, собравъ изъ окольныхъ селъ и деревень многолюдство, внезапнымъ случаемъ взошли въ церковь и закричали необычно: иди попъ, для встрѣчи царскаго войска, а ежели не пойдешь, то казаки изрубятъ тебя въ мелкія части. И отъ того мы много ихъ уговаривали и спорили, точію по окончаніи всенощнаго бдѣнія оные Афанасьевъ и Родіоновъ, ухватя насъ сильно, не дали разоблачиться и повели на встрѣчу той пугачевской партіи. И взяли они два образа и велѣли звонить. Мы же, убоясь таковаго страху и неповинной смерти, встрѣчу имъ учинили близъ нашей Казанской церкви. А тогда въ той нашей церкви имѣлась подполковница Смагина съ сыномъ и укрылась въ оной; злодѣи же поѣхали къ ней въ домъ и все погромили, а мы именованные, возвратясь въ алтарь, бѣжали оттуда въ

поля и пробыли тамъ дотолѣ, пока злодѣи не выѣхали изъ того нашего села".

Въ то время священникомъ въ селѣ Жуковѣ былъ нѣкто Степанъ Тимофеевъ. Впослѣдствіи, когда въ Шацкой провинціи началась правительственная расправа, и онъ и всѣ члены его причта были отрѣшены отъ мѣстъ и подвергнуты *розыску* въ провинціальной канцеляріи и церковному запрещенію. Такимъ образомъ *послѣдняя была горше первыхъ*...

Изъ Спасскаго уѣзда пугачевцы потянулись на Кирсановъ и Тамбовъ, гдѣ ихъ давно уже поджидало взволнованное крестьянство. *За все лѣто 1774 года и до октября*, по свидѣтельству нашихъ источниковъ, — *Тамбовскіе и Кирсановскіе дворцовые и крѣпостные крестьяне чинили разореніе, грабительство и смертоубійство.* Въ сентябрѣ мятежники вошли въ Кирсановъ и въ села: Уметъ, Репьевку и Скачиловку. Здѣсь они *не малое число разныхъ чиновъ людей застрѣлили и дротиками скололи*. Дорогою попадались имъ ничтожныя по числу воинскія команды, но они ихъ разбивали или же брали въ плѣнъ. Такъ, въ сентябрѣ 1774 года около села Умета остановился офицеръ съ командою. Онъ провожалъ *разбойницкую* партію въ 30 человѣкъ. Въ это время налетѣли на него *государственные злодѣи*, его и пять человѣкъ солдатъ застрѣлили, а остальную команду и арестантовъ захватили съ собою. Замѣчательно, что при этомъ въ числѣ пугачевцевъ находилось не мало Турецкихъ плѣнныхъ, которые *прилѣплялись къ злодѣю самовольно*...

21 августа значительная пугачевская шайка остановилась въ пяти верстахъ отъ извѣстнаго села Разсказова. То мѣсто и теперь называютъ *бездушнымъ кустомъ*. Тамъ партія стала лагеремъ и въ свободное отъ попоекъ и военнаго ученія время занималась вѣшаніемъ помѣщиковъ, духовныхъ и сельскихъ властей. Наконецъ мятежники пошли на самое Разсказово, гдѣ въ то время были суконныя фабрики Тулинова и Олесова. *Хозяева*

съ почетомъ встрѣтили толпу и принялись ее угощать. Но это была хитрая ловушка. Лишь только пугачевцы напились, какъ фабричные мастеровые, заранѣе подговоренные, принялись ихъ бить *смертнымъ боемъ* и вязать для представленія въ Тамбовскую провинціальную канцелярію. Во время *сраженія* у мятежниковъ отнято было нѣсколько пушекъ, которыя долго послѣ того служили украшеніемъ Тамбовскаго фабричнаго села. Куда въ настоящее время дѣвались эти памятники фабричной доблести, намъ неизвѣстно. За справками по этому поводу обращались мы посредствомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей къ Разсказовской фабричной администраціи, но отвѣта нѣтъ и его не ждемъ мы, такъ какъ многіе наши комерсанты всего менѣе интересуются наукою, предпочитая ей рабское служеніе одному золотому тельцу...

Въ числѣ плѣнныхъ пугачевцевъ, пойманныхъ въ селѣ Разсказовѣ, оказались и дворяне: поручикъ Петръ Семеновъ, ротмистръ Брюхатовъ и недоросли Филиппов и Мартыновъ. Въ Тамбовской провинціальной канцеляріи первый такъ показывалъ: „изъ дома моего по разграбленіи онаго взятъ я былъ разбойническою партіею по неволѣ. Хотя же и чинилъ я отъ тѣхъ злодѣевъ побѣги и укрывательства, но токмо бывалъ пойманъ и за то сѣченъ былъ плетьми неоднократно и уграживали мнѣ смертію. Почему, когда оные разбойники устраивались для сраженія, я скрылся въ лѣсу и оружія при мнѣ не было и такъ былъ я пойманъ *).

Пока происходили всѣ эти Разсказовскія событія, жители города Тамбова, отстоящаго отъ Разсказова въ 30 верстахъ, перебрались съ своими пожитками въ сосѣдній Ценскій лѣсъ. Но скоро они вернулись домой и были свидѣтелями казней, которыя совершались надъ

*) Арх. бывш. Шацк. пров. канцел. № 3093-й.

пугачевцами вблизи Тамбова на такъ наз. кривомъ мосту и въ самомъ Тамбовѣ на сѣнной площади.

Мы указали на болѣе замѣчательные факты изъ эпохи пугачевщины въ предѣлахъ Тамбовско-Шацкаго края. Но это далеко не все, что слѣдовало бы сказать на данную тему. Тяжкая година прошла у насъ сравнительно глухо, масса народныхъ бѣдствій не занесена въ мѣстныя лѣтописи и никому вполнѣ не вѣдомы былыя всенародныя русскія слезы... Въ Шацкихъ архивныхъ документахъ довольно смутно говорится о томъ, что пугачевскія партіи захватили почти всѣ уѣзды двухъ нашихъ провинцій, что вездѣ бывали они недолго и оставляли по себѣ страшную память: „тѣ воровскіе люди, говорятъ Шацкія лѣтописи,—сѣкли многихъ людей плетьми и жгли огнемъ и били кистенями и пожитки безъ остатку грабили“.

Сравнительно долго оставались пугачевцы въ слѣдующихъ селахъ Шацкой провинціи: въ Атюревѣ, Кочетовкѣ, Тростянкѣ, Бѣлорѣчьѣ, Кирилловѣ, Сядемкѣ, Красной Дубровѣ и Караѣ. Въ нынѣшнемъ городѣ Спасскѣ они *забрали безденежно весь казенные питьи и денежную казну пограбили и множество людей повысили.* То же самое сдѣлано было ими въ селахъ Кармалейкѣ, Егановкѣ, Зарубкинѣ, Виндряевскомъ Заводѣ, Анаевѣ, Каргашинѣ и Журавкинѣ. Во всѣхъ этихъ (послѣднихъ) мѣстахъ мятежники служили благодарственные молебны и въ знакъ побѣдной радости стрѣляли съ церковныхъ папертей изъ ружей и изъ пушекъ. Ходили они шайками человѣкъ въ 500 и болѣе, а главными вожаками были у нихъ пономарь села Высокаго Саватій Марковъ и мордвинъ Родіонъ Филипповъ. Оба самозванно именовались *царскими офицерами.* Эти мнимые офицеры между прочимъ проникли и въ Вышенскую пустынь и ограбили тамъ соборную Успенскую церковь. Монаховъ однако не тронули. Главную силу указанной нами мятежной партіи представляли колодники, присоединившіеся къ

царскому войску во время разоренія города Троицка. Изъ Вышенской пустыни пугачевцы поплыли по рѣкамъ Вышѣ и Цнѣ въ Елатомскій уѣздъ, гдѣ и разбили стеклянный заводъ купца Коржевина. Дорогою, выходя на берегъ, собирали они окрестное духовенство и заставляли его молиться о здравіи *царя Петра Федоровича и его христолюбиваго воинства*. Въ селѣ Никольскомъ пугачевцы напали на усадьбы помѣщика Рѣткина, у котораго укрылись всѣ его ближайшіе сосѣди, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ захватили съ собой. Что потомъ было съ этими несчастными—мы не знаемъ. Но кажется—пугачевцы никого не щадили. Въ это время къ шайкѣ присоединился однодворецъ Стерлиговъ. Это былъ замѣчательно жестокій человѣкъ, путь котораго ознаменованъ былъ убійствами и пожарами безъ всякой пощады. Въ шайкѣ Стерлигова находилось не мало плѣнныхъ Турокъ и Черкесъ, атаманъ которыхъ Шевченко получилъ отъ самого Пугачева указъ *строить въ Темниковскихъ, Кадомскихъ и Керенскихъ юртахъ казацкія крѣпости*.

Поджидали пугачевцевъ и въ Кадомѣ и городская толпа, не боясь приказныхъ чиновъ, громко и сочувственно поговаривала о *Петрѣ III-мъ*. Однажды къ Кадомской тюремной избѣ подошолъ крестьянинъ Слѣпцовъ и говорилъ колодникамъ: „молитесь Богу, скоро всѣмъ вамъ будетъ выпускъ и то учинитъ самъ государь". Въ числѣ колодниковъ былъ дьячекъ Игнатовъ. Увидалъ онъ на другой день Кадомскаго протопопа и въ окно закричалъ ему: „скоро придутъ сюда царевы люди и я упрошу ихъ тебя повѣсить".

Между тѣмъ въ августѣ 1774 года въ нашъ край начали вступать сильныя правительственныя команды изъ отрядовъ князя Голицына и генерала Мансурова. Нѣкоторыя изъ нихъ прошли дальше на востокъ, другія же остались у насъ, напримѣръ гусары полковника Древица, Донскіе полки Ребрикова и Янова, баталіоны Нарвскаго и Великолуцкаго полковъ и весь Ладожскій

полкъ. Вскорѣ прибылъ въ Шацкъ и затѣмъ въ Керенскъ самъ П. И. Панинъ, а 2-го октября въ Шацкой провинціальной канцеляріи получено было оффиціальное увѣдомленіе о *совершенномъ истребленіи государственнаго злодья, богоотступника и бунтовщика Пугачева*. Тогда началось быстрое усмиреніе края и жестокое возмездіе. Для устрашенія взволнованнаго народа во всѣхъ селахъ нашихъ провинцій поставлены были висѣлицы, глаголи и колеса. Подозрительныхъ крестьянъ безъ суда били плетьми и сдавали въ солдаты, а женъ и дѣтей ихъ *подвергали долговременному тюремному содержанію*. На сѣченіе разныхъ людей не хватало плетей и всѣ воеводскія канцеляріи озабочены были усиленнымъ ихъ изготовленіемъ. Не хватало также кандаловъ для безчисленныхъ колодниковъ и потому всѣ кузнецы обѣихъ нашихъ провинцій завалены были спѣшною работою съ платою по рублю за экземпляръ. Въ то же время были случаи самыхъ изысканныхъ пытокъ и казней. Приверженцамъ Пугачева отрѣзывали уши и рубили пальцы, *которыми ть злодьи Пугачеву присягали*. Иногда военная команда вступала въ бунтовавшее село и казнила жителей его по жребію, иныхъ вѣшала на *глаголяхъ* за ребра, другихъ колесовала и четвертовала. Такимъ образомъ ужасы дикаго возстанія смѣнились не менѣе свирѣпыми оргіями военной расправы... По всѣмъ большимъ трактамъ Тамбовской и Шацкой провинцій началась гоньба правительственныхъ курьеровъ и другихъ оффиціальныхъ лицъ, крайне стѣснявшая мѣстныхъ обывателей. Такъ, крестьяне села Боковаго Майдана жаловались: „самую рабочую пору мы всѣ, кромѣ малыхъ и старыхъ, денно и нощно содержимъ бекеты и почты и оставили хлѣбопашество и разорились. И тѣмъ Его Сіятельство графъ П. И. Панинъ привелъ насъ и нашихъ лошадей въ крайнюю худобу“. При этомъ нѣкоторыя команды вели себя въ нашихъ селахъ, какъ въ непріятельской землѣ. Грабежи казацкаго хорунжаго

Григоренкова были таковы, что всѣ дворяне района его воинскихъ подвиговъ принуждены были составить о нихъ особый протоколъ для представленія высшему начальству. Самъ полковникъ Ребриковъ, какъ жаловался на него управляющій въ имѣніяхъ князя Долгорукова, *произвелъ опустошеніе въ помѣщичьемъ домѣ въ селѣ Вячкѣ.* А офицеръ Богдановичъ, ходя по Борисоглѣбской воеводской канцеляріи, *съ великою пышностію и гордостію махалъ тростію и приговаривалъ: а я не иначе съ кѣмъ ровняюсь, какъ съ генераломъ.* Тогда наступила величайшая и повсемѣстная бѣдность въ нашемъ краѣ. „Въ минувшую смутную пору, доносила по командѣ Краснослободская воеводская канцелярія,—экономическихъ сборовъ въ приходѣ ничего быть не имѣлось“. Изъ другихъ мѣстъ поступали заявленія такого рода: „отъ того государственнаго злодѣя приключилось всѣмъ крайнее разореніе и податей взыскать не съ кого“. Больше всѣхъ пострадали конечно крестьяне, но и помѣщикамъ было не легко. Многіе изъ нихъ писали въ Петербургъ: „съ того разоренія никакого имущества у насъ не имѣется и всѣ люди разбѣжались, а иные люди наши отпущены кормиться милостынею“.

Особенно тяжело пугачевская эпоха отозвалась на нашемъ приходскомъ духовенствѣ. Во многихъ приходахъ, какъ извѣстно, причты встрѣчали мятежниковъ съ церемоніею. Такъ поступали наши священнослужители, спасая свою жизнь, и особенно винить ихъ за это не хватаетъ духу, потому что по своему развитію они были тѣ же крестьяне. Священникъ села Тарадѣй Иванъ Андреевъ былъ даже изъ крѣпостныхъ и мы думаемъ, что этотъ случай въ описываемое время былъ не единственный... Разумѣется, въ данномъ случаѣ наши духовные обнаружили трусость характера, но едва ли за это отрицательное преступленіе слѣдовало подвергать ихъ особенно суровой карѣ. Графъ П. И. Панинъ раздѣлилъ подсудное духовенство на три категоріи. Къ первой

принадлежали тѣ лица, которыя добровольно встрѣчали пугачевцевъ. Этихъ было меньшинство. Ко второй и самой многочисленной категоріи отнесли тѣхъ священнослужителей, которые не бѣжали отъ мятежныхъ шаекъ и пассивно покорялись обстоятельствамъ. Наконецъ въ третью категорію попали тѣ, которые бѣжали изъ своихъ приходовъ, но случайно, по принужденію, оказывались въ средѣ бунтовщиковъ, причемъ не имѣли мужества противиться движенію. Самыя суровыя наказанія достались конечно первой категоріи. Священниковъ съ причтами лишали званій, съ *пристрастіемъ* допрашивали и въ заключеніе разнородныхъ пытокъ сдавали въ солдаты или на каторгу. Послѣднія же категоріи относительно были помилованы, т. е. освобождены отъ ссылки и солдатчины, но всетаки лишены сановъ и пущены по міру... Тогда по всей нашей эпархіи началась великая бѣда и рѣдкое духовное семейство не оплакивало *всеконечнаго* своего разоренія. Въ Починковской волости попали подъ судъ 35 причтовъ. Въ Наровчатскомъ уѣздѣ неподсуднымъ духовнымъ лицомъ оказался одинъ только дьячекъ, имени котораго къ сожалѣнію мы не знаемъ. Цѣлыя сотни духовныхъ сдѣлались несчастными и невольными жертвами пугачевскаго движенія. Имена этихъ страдальцевъ большею частію забыты, но самое число ихъ свидѣтельствуетъ о той массѣ человѣческаго горя, которая въ настоящее время прикрыта историческою давностію... Съ особенною суровостію отнесся къ несчастнымъ преступникамъ Святѣйшій Синодъ. Всѣ они были *отчуждены отъ церкви и прокляты*. Послѣ того ихъ торжественно разстригали и одѣвали въ *мужичье* платье.

Правда, Екатерина II-я впослѣдствіи всемилостивѣйше ихъ простила, но это прощеніе было ограниченное: священники и діаконы нашихъ провинцій, прикосновенные къ пугачевскому движенію, всетаки на вѣкъ остались причетниками. Никакого прощенія не было и

не могло быть только тѣмъ духовнымъ, которые открыто и дерзко приняли активное участіе въ смутѣ. Такихъ печальной памяти народныхъ дѣятелей было впрочемъ не много. Къ числу ихъ между прочими принадлежалъ священникъ села Богдановки Макаръ Савинъ съ дочерью Варварою и сыновьями Дмитріемъ и Несторомъ. Вся эта семья разбойничала во имя Петра III-го и въ интересахъ наживы... *) Въ категорію самыхъ тяжкихъ преступниковъ попала также села Мальцова попадья Марѳа Федорова. Вмѣстѣ съ пугачевцами она грабила домъ помѣщика Приклонскаго.

Не легко было въ описываемое время и сельскому начальству. Старостъ и сотскихъ судили за то, *почему они злодѣевъ впускали въ свои села и не переловили ихъ.* При этомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ засѣкали до смерти. Особенною свирѣпостію въ производствѣ экзекуцій отличался подпоручикъ Михаилъ Приклонскій, *за храбрость* повышенный графомъ Панинымъ въ поручики. Впослѣдствіи этотъ суровый дѣлецъ впалъ въ сумашествіе и такимъ образомъ завершилъ свое жизненное поприще...

При такихъ условіяхъ пугачевская гроза наконецъ стихла. Провинціальная жизнь вступила въ прежнюю свою колею, не обновившись ни нравственно, ни юридически. И только великая реформа 19 февраля навсегда избавила русскій народъ отъ повторенія кровавыхъ движеній въ духѣ самозванца.

Въ 1775 году въ Тамбовской и Шацкой провинціяхъ розданы были сельскимъ начальникамъ и вотчиннымъ управляющимъ подробныя инструкціи *для всеконечнаго искорененія воровъ, разбойниковъ и пришлыхъ шатающихся всякаго званія безпашпортныхъ людей.* Всѣмъ имъ строжайше предписывалось о малѣйшемъ случаѣ воровства и разбоя немедленно доносить провинціаль-

---

*) Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 4515-й.

ной канцеляріи и въ то же время, собравъ обывателей, ловить злодѣевъ. Въ противномъ случаѣ они сами подвергались законному преслѣдованію наравнѣ съ преступниками. Такимъ образомъ наши провинціи поставлены были какъ бы на военное положеніе. Разсѣялись пугачевцы, но долго еще гуляли по вольному бѣлому свѣту *удалые молодцы*, пугая и разоряя наши бѣдныя селитьбы.

1774 годъ разорилъ въ особенности Шацкую провинцію и это обстоятельство преимущественно тяжело отозвалось на крестьянствѣ. Тогда правительство вызвало *не имущихъ рабочихъ* на постройку 18 казармъ, сожженныхъ пугачевцами, и на копаніе крѣпостныхъ рвовъ въ Шацкой провинціи. *Токмо денежной казны для расплаты съ тѣми рабочими не имѣлось...*

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ эпоху чумы и пугачевщины правительственная фискальная дѣятельность въ нашихъ провинціяхъ не ослабѣвала. За недоимки имѣнія брали въ секвестръ. Городскихъ головъ и ратмановъ сажали въ оковы и подвергали тяжелымъ работамъ, *дабы подати взысканы были неотмѣнно*. Разумѣется, все это могло быть только въ мѣстностяхъ, не занятыхъ пугачевцами.

Вскорѣ по усмиреніи пугачевскаго мятежа открыто было Тамбовское намѣстничество. Понемногу и въ нашихъ захолустьяхъ стали заводиться иные порядки, ознаменовавшіе собою начало нашего культурно-историческаго періода. Вяло и нехотя начали заводить общественныя школы и у насъ. Вотъ объ этомъ то мѣстномъ движеніи народнаго просвѣщенія мы и скажемъ въ слѣдующей главѣ нашего втораго выпуска.

IV.

Постепенное развитіе народнаго просвѣщенія въ Тамбовскомъ краѣ.

До начала нашей русской колонизаціи и до появленія христіанства, т. е. до конца XII вѣка, на всемъ пространствѣ нынѣшней Тамбовской губерніи не было ни одного граматнаго человѣка. Когда же явились у насъ приходскія церкви и монастыри, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ духовенствѣ даны были мѣстному населенію и первые учителя граматности. Несомнѣнно то, что книжное дѣло шло у насъ съ величайшею медленностію, такъ какъ церквей до конца XVII столѣтія было въ нашемъ краѣ очень мало, по нѣскольку десятковъ на каждый нынѣшній уѣздъ, слѣдовательно мало было и учителей граматности, да и охочихъ до граматы людей взять было не откуда. Среди разноплеменнаго мѣстнаго населенія и въ виду постоянныхъ набѣговъ разныхъ кочевниковъ—наши русскіе поселенцы принуждены были думать ежедневно не о граматности, а о личной своей безопасности. Что же касается правительства, то до самаго начала XVIII столѣтія оно заботилось относительно нашего края отчасти о его охранѣ, но гораздо болѣе—о собираніи государевыхъ пошлинъ. Вотъ почему, въ то время какъ старыя русскія, и даже сибирскія, области имѣли своихъ многочисленныхъ лѣтописцевъ и авторовъ религіозныхъ и разнообразныхъ отреченно-литературныхъ опытовъ, въ предѣлахъ Тамбовскаго края не было ни одного серьезнаго лѣтописца или иного какого нибудь автора. Мы знаемъ только одну Тамбовскую лѣтопись, о которой говорили въ первомъ своемъ выпускѣ, но она обнимаетъ самый краткій историческій періодъ и слишкомъ отрывочна. Затѣмъ намъ извѣстны нѣкоторыя цер-

ковныя книги, дошедшія до насъ отъ XVII вѣка съ лѣтописными замѣтками неизвѣстныхъ духовныхъ лицъ, боярскія отписныя грамоты, канцелярскіе документы и фамильныя граматы. Въ концѣ XVII вѣка открыта была Тамбовская епископская каѳедра. Вмѣстѣ съ первымъ нашимъ епископомъ Леонтіемъ въ Тамбовъ прибылъ ученый Кіевскій іеродіаконъ извѣстный Палладій Роговскій, но оба они очень скоро вынуждены были удалиться отъ насъ и такимъ образомъ вѣроятность открытія первой Тамбовской школы была надолго устранена.

Во время Петра I-го начались по всему русскому царству извѣстныя просвѣтительныя реформы, коснувшіяся и нашего захолустья. Но какъ ни настойчивъ былъ въ своихъ предпріятіяхъ суровый царь, и его безпримѣрная энергія оказалась безсильною въ борьбѣ съ мѣстнымъ невѣжествомъ.

Въ 1720 году въ Шацкой и Тамбовской провинціяхъ полученъ былъ грозный царскій указъ *объ ученіи, опричь дворянскихъ и духовныхъ дѣтей, цифири и геометріи и подъяческихъ и всякаго чина людей дѣтей.* Указъ остался безъ исполненія. Тогда всѣхъ упорныхъ въ сопротивленіи царской волѣ и наукѣ дворянскихъ и недворянскихъ недорослей стали ловить и отдавать въ военную службу и, кромѣ того,—въ распоряженіе мѣстной подрядной канцеляріи для *свайныхъ, бударныхъ и прамныхъ работъ.* Но и эти исключительно суровыя мѣры не такъ пугали нашихъ отживишихъ юнцевъ, какъ грамата и цифирь. Умственная косность въ нашихъ краяхъ была ужасающая и повальная. Иногда многіе недоросли не знали даже, по скольку имъ лѣтъ отъ роду, и такое незнаніе простодушно объясняли въ воеводскихъ канцеляріяхъ *безуміемъ.* Гораздо удачнѣе оказались въ нашемъ краѣ мѣры Петра Великаго касательно ремесленнаго и земледѣльческаго образованія. Благодаря энергіи царя-хозяина къ концу его царствованія у насъ уже было много опытныхъ кузнецовъ, слесарей, коноваловъ,

столяровъ, ткачей, косцовъ и каменьщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были даже граматны и въ такомъ случаѣ нерѣдко опредѣлялись писцами въ воеводскія канцеляріи и хотя жалованья большею частію не получали, однако на бѣдность не всегда жаловались и *довольствовались отъ дѣлъ*.

Какъ бы то ни было, въ царствованіе Петра Великаго граматность была у насъ самая слабая. Случалось, что не граматными бывали въ нашихъ городахъ не только воеводы съ ихъ товарищами, но отчасти и протопопы, какъ наприм. Темниковскій протопопъ Матвѣй Добронравовъ, который читалъ плохо, а писать вовсе не умѣлъ. За то хорошими грамотѣями были въ нашихъ мѣстахъ сектантскіе наставники, нерѣдко тайно содержавшіе въ своихъ домахъ маленькія школы. Иные наставники-субботники знали еврейскую грамату, а духоборческіе начетчики сочинили свой алфавитъ изъ польскихъ буквъ. Одинъ изъ сектантскихъ наставниковъ, послѣдователь Тверитинова, Тарасъ Максимовъ, пріобрѣлъ даже въ своемъ кружкѣ славу знаменитаго проповѣдника. Вотъ для примѣра одна изъ его краткихъ проповѣдей: „не мои слова, братцы мои, слушать будете, но Христовы. Стойте въ вѣрѣ, тверди бывайте, непоступни и не слушайте суетныхъ людей, ибо мы скоро переселимся въ Персію и та наша обѣтованная земля“.

При такихъ условіяхъ въ средѣ мѣстнаго православнаго населенія свободно и широко распространялась народно-отреченная устная литература, занесенная къ намъ изъ старо-русскихъ областей. Вліяніе этой литературы нерѣдко и страннымъ образомъ проявлялось и въ канцелярской практикѣ. Такъ, въ концѣ царствованія Петра Великаго въ Шацкую воеводскую канцелярію привезли однодворца Данилу Архипова, обвиненнаго въ изнасилованіи малолѣтной дѣвочки. Преступникъ не сознавался въ своемъ преступленіи. Тогда судьи заставили

Архипова громко произнесть слѣдующую *клятву*: „если я лгу, то да буду отлученъ отъ единосущныя и нераздѣльныя Троицы въ семъ и будущемъ вѣкѣ и да трясуся, яко Каинъ, и да пожретъ мя разверзстая земля, яко Дафана и Авирона и да пріиму проказу Геезіову и удавленіе Іудино и смерть Ананіи и Сапфиры, и буду я съ безбожными еретики въ печномъ огни, уготованномъ діаволу и аггеломъ его, и да обрящу Бога, ратующа въ часъ страшнаго воздаянія и затворяюща отъ мене двери. Милосердія (Архивъ бывш. Шацк. провинц. канц. № 5770).

Тамбовская губернія въ прошломъ столѣтіи славилась своими пчельниками, но пчеловоды и не думали совершенствовать свое хозяйство, они все свое упованіе возлагали на заговорныя слова въ родѣ слѣдующихъ:

„ Отъ чего громовая стрѣла сильна и зычна?
—Отъ воздуху и сильна и зычна.
—И какъ бѣсы дрожатъ и бѣжатъ отъ тое стрѣлы,
—Такъ бы летали у меня на пчельникѣ пчелы.
—Дрожатъ люди, ужасаются,
—Отъ зыку стрѣлы бѣжать.
—Какъ облацы небесныя подымаются,
—Такъ бы летали пчелы мои до скончанія вѣка.
Аминь, аминь, аминь.
—Земля—замокъ, небо—ключъ.
—Моя пчела—волкъ,
—Чужая пчела—овца. Аминь“.

Въ то же время въ массѣ Тамбовскаго простонародья ходили упорные слухи о пришествіи антихриста. Слухи эти поддерживались преимущественно раскольниками и сектантами и нѣкоторые изъ нихъ доходили до такого страннаго состоянія религіознаго экстаза и фанатизма, что врывались въ православныя церкви и съ грубою бранью разгоняли священнослужителей, а сами потомъ приходили въ свои молитвенные дома, ржали

крестныхъ ходовъ травили собаками, а ихъ сыновей—церковниковъ брали въ кабалу, дочерей же насильно выдавали за дворовыхъ. Одинъ знатный баринъ прошлаго столѣтія написалъ такую *грамату* въ свое Тамбовское имѣніе: „дошло до нашего свѣдѣнія о поступкахъ священника Алексѣя, того ради объявить ему, что онъ изъ прихода выводится съ наказаніемъ“.

Униженію духовенства въ общественномъ мнѣніи и слѣдовательно нравственной грубости всѣхъ сословій сильно содѣйствовало также и то обстоятельство, что нашихъ священниковъ въ прошломъ вѣкѣ нерѣдко въ виду народа на базарахъ и ярмаркахъ подвергали торговой казни.

Такъ дѣло шло до открытія первыхъ нашихъ школъ: Тамбовской духовной семинаріи и Тамбовскаго же главнаго народнаго училища. Первая открыта въ Нижнеломовскомъ монастырѣ въ 1779 году, а второе—въ Тамбовѣ въ 1786 году. Правда, въ г. Тамбовѣ еще со времени Петра Великаго существовала гарнизонная школа, но объ учебномъ характерѣ этой школы можно судить уже потому, что въ ея программу входила такъ называемая *барабанная наука*, вѣроятно не послѣдняя въ учебномъ курсѣ гарнизонной школы...

За отсутствіемъ школъ охочимъ до граматы людямъ приходилось обращаться къ тѣмъ излюбленнымъ старою неприхотливою Русью учителямъ, о которыхъ сообщаетъ намъ въ своихъ историческихъ запискахъ извѣстный маіоръ Даниловъ. Такъ съ 1774 года и до открытія Тамбовскаго народнаго училища самымъ замѣчательнымъ мѣстнымъ распространителемъ *просвѣщенія* былъ престарѣлый заштатный пономарь Терентій Федоровъ, который вслѣдствіе паралича не владѣлъ правою рукою и потому могъ обучать одному только чтенію. А если кому позволяли средства, то тѣ дальнѣйшее образованіе своихъ дѣтей поручали выписнымъ иностранцамъ. Въ этомъ случаѣ иные Тамбовскіе помѣщики тратили до-

вольно значительныя суммы, выписывая заморскихъ педагоговъ прямо изъ Лондона, Петербурга и Парижа. Почти всѣ эти иностранцы были, конечно, всего менѣе знакомы съ наукою и педагогикою и потому вся ихъ воспитательная роль сводилась къ одной болтовнѣ на какомъ нибудь иноземномъ нарѣчіи... Думаемъ такъ между прочимъ на томъ основаніи, что напримѣръ у Козловскаго помѣщика Безобразова учителемъ и воспитателемъ дѣтей былъ придворный *скороходъ* Яковъ Штальцманъ... Кромѣ того дѣти чиновниковъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ учились грамотѣ во всѣхъ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Крайне юные, лѣтъ 13 или 14, эти молодые люди поступали на гражданскую службу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ учились читать и писать у разныхъ копіистовъ, регистраторовъ и канцеляристовъ, которые сами въ свое время проходили точно такой же курсъ ученія. И замѣчательно, всѣмъ таковымъ юнцамъ грамата почти всегда давалась очень туго, а канцелярская практическая *мудрость*, тяжело отзывавшаяся на вольныхъ и невольныхъ просителяхъ, постигалась ими чуть не сразу...

Въ первый разъ мысль объ открытіи въ Тамбовѣ какого нибудь гражданскаго общественнаго училища явилась въ январѣ 1780 года, когда открытъ былъ мѣстный приказъ общественнаго призрѣнія. Мысль эта внушена была Тамбовскимъ властямъ самою Императрицею Екатериною II-ю, которая пожертвовала Тамбовскому приказу 15,000 рублей именно на училищное дѣло.

2 ноября 1783 года Рязанскій и Тамбовскій генералъ-губернаторъ М. Ѳ. Каменскій, не мало и не безъ пользы поработавшій для нашего края, напомнилъ Тамбову о высочайшей волѣ. Вотъ что писалъ онъ правителю Тамбовскаго намѣстничества И. И. Коновницыну: „при заведеніи приказа общественнаго призрѣнія изъ казны дано было ему 15,000 рублей между прочимъ для заведенія школъ. А школы и теперь нѣтъ въ

Тамбовѣ и не замѣтны приготовленія къ ея открытію и бѣдные дворяне отъ этого вступаютъ даже въ разные пороки. Посему предлагаю на первый разъ завести хоть самую простую школу, чтобы тамъ дворяне учились читать и писать, началамъ ариѳметики и катехизису. Послѣ чего они могли бы поступать въ различныя канцеляріи для практическаго изученія гражданскаго порядка". По поводу этой генералъ-губернаторской граматы Коновницынъ немедленно собралъ всѣхъ членовъ Тамбовскаго приказа, а также почтнѣйшихъ представителей мѣстнаго дворянства, и въ этомъ чрезвычайномъ засѣданіи рѣшено было отвѣтить главному начальнику края такъ: „въ полномъ собраніи членовъ приказа предложена была подписка на открытіе школы, но всѣ отказались отъ оной подписки".

Къ счастію въ 1786 году прибылъ въ Тамбовъ въ качествѣ правителя намѣстничества Г. Р. Державинъ, который, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія.

22-го сентября 1786 года въ Тамбовѣ было открыто 4-хъ классное главное народное училище, а въ слѣдующемъ году въ нѣкоторыхъ Тамбовскихъ уѣздныхъ городахъ открыто было шесть малыхъ народныхъ училищъ и приняты были въ то же время мѣры къ тому, чтобы ни одинъ Тамбовскій городъ не оставался впослѣдствіи безъ народнаго *всесословнаго* училища.

Ученіе въ Тамбовскомъ главномъ народномъ училищѣ началось спустя 2 мѣсяца по его открытіи. Такое замедленіе произошло вслѣдствіе недостатка въ Тамбовѣ классныхъ досокъ, грифелей, карандашей, азбучныхъ таблицъ и учебныхъ книгъ. Не хватало также для классныхъ комнатъ столовъ и стульевъ. Долго ждали еще изъ Петербургской учительской семинаріи учителей и, не дождавшись, стали розыскивать ихъ въ сосѣднихъ съ Тамбовскимъ намѣстничествомъ семинаріяхъ— Рязанской и Сѣвской.

Всѣ Тамбовскія училища открыты были съ замѣчательною по тому времени торжественностію, въ присутствіи многочисленныхъ представителей всѣхъ сословій. Во многихъ городахъ произносились нескладно высокопарныя рѣчи, въ которыхъ выражалась благодарность Екатеринѣ II-й за покровительство народному образованію, а самое это образованіе лицемѣрно представлялось величайшимъ блаженствомъ рода человѣческаго. Вотъ одна изъ этихъ нескладныхъ рѣчей, произнесенная при открытіи Моршанскаго училища учителемъ Донскимъ.

Ваше именитое собраніе!

Взошедъ я на мѣсто сіе прекраснѣйшее въ сей торжественнѣйшій день, на мѣсто благополучнѣйшее, которое столь чуднымъ зрѣніемъ наслаждаетъ насъ, на мѣсто—которое предвѣчная премудрость опредѣлила для насажденія сада оными *лозами*, которыя съ сего времени никогда не оскудѣютъ, всемилостивѣйшая Екатерина сіе мѣсто основала храмомъ благочестія, храмомъ святости своей. И вы, благочестивые слушатели, въ сіе народное училище, исторгая изъ объятій матерей чадъ своихъ, съ радостнымъ восторгомъ должны предавать ихъ, дабы насѣять на нивы сердецъ оныхъ семена божественной добродѣтели, дабы разумъ ихъ озарить лучемъ божественнаго просвѣщенія, дабы вперить въ мысленное око ихъ подробное понятіе о естествѣ міра сего *).

Первыми директорами Тамбовскихъ училищъ были секундъ-маіоръ Карамышевъ и капитанъ Жоховъ. Всѣхъ учениковъ въ главномъ училищѣ къ концу перваго учебнаго года значилось по спискамъ 106 человѣкъ. Такая довольно значительная цифра объясняется тѣмъ, что по распоряженію Державина мальчиковъ иногда забирали въ классы насильно чрезъ полицію. Дворянскихъ

---

*) Др. и нов. Россія 1878 г. т. 3, ст. 334, статья наша — рѣчь приведена кратко. Въ концѣ ея заключаются похвалы наукѣ и Екатеринѣ II-й.

дѣтей конечно не трогали и потому большинство учениковъ принадлежало къ мѣщанскому и однодворческому сословіямъ. Немало было въ училищахъ также и дѣтей дворовыхъ. Въ 1787 году во всѣхъ Тамбовскихъ училищахъ всѣхъ учениковъ было 366 человѣкъ.

Первоначальный бытъ Тамбовскихъ училищъ былъ самый жалкій; всѣ они терпѣли крайнюю бѣдность. Даже губернское училище помѣщено было въ такомъ домѣ, гдѣ печи дымили и не грѣли, полы были гнилые, штукатурка отваливалась, двери въ классахъ плотно не затворялись, въ окнахъ не доставало стеколъ, крыши лѣтомъ протекали; даже черныхъ досокъ и мѣлу въ Тамбовскомъ училищѣ постоянно не доставало. Жалованье учителямъ выдавалось неаккуратно, рублей по 25 въ годъ. Хорошо еще было то, что въ интересы нашихъ первыхъ учителей ближайшимъ образомъ входилъ директоръ А. А. Жоховъ, личность чрезвычайно симпатичная, преданная дѣлу народнаго образованія и служителямъ этого дѣла—всѣмъ народнымъ учителямъ. Безъ его заступничества плохо пришлось бы Тамбовскимъ педагогамъ. То было время, когда званіе учителя считалось чуть ли не самымъ низменнымъ въ чиновной іерархіи. Тайна этого нелѣпаго взгляда заключалась въ томъ, что педагоги уполномочены были *только учить и воспитывать дѣтей*. Между тѣмъ наше отжившее общество способно было уважать исключительно такъ называемыхъ *нужныхъ людей*, т. е. такихъ, которые властны были сдѣлать всякому какой-нибудь вредъ...

Однажды въ Козловѣ какой то секретарь Зуевъ прибилъ учителя Половневскаго и никто изъ городскихъ жителей не смутился этимъ. Всякій понималъ это дѣло такъ, что высшій чинъ билъ низшаго... Не такъ взглянулъ на дѣло Жоховъ. Онъ написалъ губернатору Звѣреву слѣдующее письмо:

„Секретарь Зуевъ прибилъ Козловскаго учителя Половневскаго. По долгу званія моего прибѣгаю къ Ва-

шему Превосходительству, яко попечителю Тамбовскихъ училищъ и защитнику всѣмъ участвующимъ въ столь полезныхъ заведеніяхъ... Всепокорнѣйше прошу не оставить этого дѣла безъ изысканія, ибо въ противномъ случаѣ будетъ крайняя обида учителя, человѣка, украшеннаго достоинствами, его званію приличными, а жители города могутъ утратить уваженіе къ Половневскому, для его званія весьма необходимое“.

Несомнѣнно, что А. А. Жоховъ былъ человѣкомъ вполнѣ образованнымъ для своего времени. Онъ отлично велъ канцелярскія дѣла. Всѣ его предложенія учителямъ и рапорты приказу и намѣстникамъ, написаны очень складно, съ достоинствомъ, и испещрены искусно подобранными указаніями на статьи законовъ.

Не таковы были первые Тамбовскіе учителя. Первоначальный составъ ихъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Всѣ они были воспитанники духовныхъ семинарій, которыя въ прежнее время вовсе не блистали полнотою и основательностію научнаго образованія. При этомъ нельзя не обратить вниманія и на то, что общественное и экономическое положеніе учителей нисколько не содѣйствовало ихъ саморазвитію. Вотъ что писали въ 1791 году Козловскіе учителя директору Жохову: „Уже наступилъ другой мѣсяцъ, какъ мы, не имѣя отъ магистрата квартиры, живемъ въ классахъ, чѣмъ весьма много притѣсня учениковъ, препятствуемъ преподаванію ученія. Да и сами, претерпѣвая великую тѣсноту и не имѣя средствъ порядочно расположить домашнее свое содержаніе, приходимъ отъ сего въ великое разореніе“.

По поводу этой жалобы Козловскій городничій Сердюковъ съ своей стороны написалъ въ Тамбовъ слѣдующее: „часто въ должные для ученія часы я не заставалъ Козловскихъ учителей въ классахъ, а шатающихся по городу лѣности ради. Въ ночное время незнаемо какіе люди къ нимъ ходятъ и я уже третью

квартиру ищу имъ единственно по ихъ вздорному житію. Сіи учителя препоручены въ смотрѣніе купцу Тихону Баженову, но оный Баженовъ почти никогда въ школѣ не бываетъ, слѣдственно должнаго надъ учителями надзиранія нѣтъ".

Сердюковъ очевидно хотѣлъ прибрать Козловскихъ учителей къ своимъ рукамъ. Это тотъ самый не по разуму усердный градоначальникъ, который сдѣлалъ доносъ на помѣщика села Казинокъ И. Г. Рахманинова, переводившаго и печатавшаго въ своей *сельской типографіи* сочиненія Вольтера. Впослѣдствіи, по предписанію изъ Петербурга, Казинская типографія была разорена и всѣ ея экземпляры были уничтожены, причемъ ревностнѣйшимъ дѣятелемъ былъ опять Сердюковъ. Суровый Козловскій городничій поступалъ съ учителями такъ, какъ будто облеченъ былъ надъ ними чрезвычайною властію. Это видно изъ слѣдующей жалобы учителя Половневскаго: „городничій съ наступленіемъ сумерекъ не велитъ выпускать меня со двора и каждую ночь полицейскій солдатъ приходитъ освѣдомляться: дома ли я. А встрѣтитъ меня городничій на улицѣ—ругательски ругаетъ".

Такое положеніе Козловскихъ учителей было тѣмъ тяжелѣе, что городъ Козловъ, по выѣздѣ изъ губерніи Державина, положительно отказался отъ содержанія училища, а училищный попечитель купецъ Баженовъ, нисколько не стѣсняясь, говорилъ въ обществѣ, что всѣ училища вредны и *оныя полезно повсемѣстно закрыть*. На этомъ основаніи онъ почти не являлся въ классы, а когда являлся, то считалъ долгомъ своимъ словами и дѣйствіями обижать учителей и учениковъ. Однажды, 11-го мая 1789 года, въ Козловское училище пожаловала даже жена Баженова и начала грубо бранить учителей. „Погодите вы, кричала она оторопѣвшимъ педагогамъ,— вотъ мужъ пріѣдетъ и не миновать вамъ тогда палочья". Учителя пожаловались на это и результатомъ ихъ жа-

лобы было строгое распоряженіе намѣстническаго правленія о преданіи Баженова суду. Но все это дѣло кончилось объясненіемъ подсудимаго, что онъ *кажинный почти день ходитъ въ училище и обходится со всѣми тихимъ манеромъ.*

Высокомѣрное отношеніе общества къ учителямъ вызывалось между прочимъ самымъ ихъ поведеніемъ, далеко неудовлетворительнымъ. Это видно изъ слѣдующаго факта. Зимою 1792 года директоръ училищъ Жоховъ поѣхалъ въ Козловъ для ревизіи училища и результатомъ этой поѣздки было полное разочарованіе дѣломъ народнаго образованія въ Козловѣ даже со стороны такого искренняго заступника учителей, какимъ былъ почтенный А. А. Жоховъ. Вотъ что писалъ онъ по окончаніи ревизіи въ Тамбовскій приказъ: „Козловское народное училище уже вовсе не существуетъ, а причины, послужившія къ его несуществованію, суть весьма многообразны. Главнѣйшая же изъ нихъ—непорядочная и ни съ какими правилами несходствующая жизнь учителей онаго, которые заводятъ ссоры между собою и съ нѣкоторыми изъ жителей города“.

Дѣйствительно, было отъ чего придти въ разочарованіе тогдашнимъ народнымъ образованіемъ. Когда Жоховъ вошолъ въ Козловское училище, тамъ не оказалось никого, кромѣ училищнаго сторожа, хотя это было въ учебные часы. Сдерживая свое негодованіе, директоръ училищъ пошолъ къ старшему учителю Половневскому на квартиру.

Но и на квартирѣ его не было.

— Гдѣ старшій учитель Половневскій? спросилъ Жоховъ.

— Давно ужъ уѣхалъ съ женою въ Липецкъ,—отвѣчали ему.

Тогда Жоховъ отправился въ квартиру младшаго учителя, котораго тоже не оказалось дома. „Были у него на дому съ утра 5 учениковъ, поясняли директо-

ру,—но учитель отпустилъ ихъ по домамъ, а самъ пошолъ куда-то въ городъ“.

Естественно ожидать послѣ этого, что Козловскіе учителя по крайней мѣрѣ были отставлены отъ службы. Но вышло совсѣмъ другое. Старшій учитель Половневскій, вернувшись изъ Липецка, спокойно поѣхалъ въ Тамбовъ и представилъ въ приказъ 120 рублей, собранныхъ по подпискѣ на постройку Козловскаго училищнаго дома. Вслѣдствіе этого всѣ его служебныя погрѣшности были забыты и ему былъ выданъ даже отъ губернскаго начальства похвальный аттестатъ за примѣрно ревностную службу. А другой Козловскій учитель переведенъ былъ въ Липецкъ на должность старшаго учителя.

Дѣло народнаго просвѣщенія между прочимъ тормозилось у насъ крайнимъ равнодушіемъ къ нему общества. Всѣ Тамбовскія училища на первыхъ порахъ поддерживались искуственно, благодаря покровительству Г. Р. Державина. Чтобы угодить просвѣщенному правителю намѣстничества, полицейскіе чины, какъ мы сказали уже, старались побольше навербовать въ школы мѣщанскихъ и однодворческихъ дѣтей, а дворяне и чиновники сами приводили въ классы подростковъ своихъ, хотя втихомолку они и обижались тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ благородные сыновья вынуждены сидѣть рядомъ съ разночинцами и даже дворовыми.

Когда же Державинъ уѣхалъ навсегда изъ Тамбовскаго намѣстничества, то наше училищное дѣло ослабѣло сразу. А въ половинѣ 1790 года большинство Тамбовскихъ народныхъ училищъ было и совсѣмъ закрыто. Такъ уничтожены были училища въ Лебедяни, Шацкѣ, Спасскѣ и Темниковѣ. Все это городскія общества продѣлывали на основаніи слѣдующихъ соображеній, вышедшихъ повидимому изъ одной редакціи и слѣдовательно какъ бы по тайному уговору всѣхъ уѣздныхъ магистратовъ: „Купецкихъ и мѣщанскихъ дѣтей, писали города

правителю Тамбовскаго намѣстничества Звѣреву,—въ школахъ не состоитъ да и впредь къ изученію въ училища отдавать дѣтей мы не намѣрены. Того ради содержать училища желанія нашего не состоитъ и мы не видимъ для себя отъ оныхъ пользы“. Даже губернскій приказъ, обязанный по самому смыслу своего учрежденія защищать народную школу, и тотъ видимо сочувствовалъ ретроградныхъ стремленіямъ уѣздныхъ магистратовъ и съ весьма непохвальною поспѣшностію предписывалъ учителямъ поскорѣе закрывать училища, причемъ циркулярно утѣшалъ ихъ приглашеніемъ въ Тамбовъ за полученіемъ похвальныхъ аттестатовъ. Между тѣмъ тотъ же самый приказъ съ особеннымъ интересомъ велъ оживленную и старательную переписку съ Москвою объ игральныхъ картахъ, которыя съ чрезвычайною скоростію и въ огромномъ количествѣ расходились по Тамбовской губерніи и существенно интересовали тогдашнее наше общество. Изъ Москвы на Тамбовъ шли цѣлыя подводы съ толстыми тюками игральныхъ картъ...

Одна изъ такихъ подводъ въ 1792 году доставила въ мѣстный приказъ 600 дюжинъ картъ одного только высшаго разбора и все это разомъ пошло на потребу тѣхъ отжившихъ нашихъ согражданъ, которые съ легкимъ сердцемъ для потѣхи проигрывали десятки тысячъ, деревни и души, а на святое дѣло отечественнаго просвѣщенія жалѣли рубли... А въ 1809 году Тамбовскій приказъ заплатилъ Московской карточной конторѣ за одинъ мѣсяцъ апрѣль 14,300 рублей. Всѣ эти щедрыя траты производились на томъ основаніи, что *въ Тамбовѣ*, какъ гласитъ одно журнальное постановленіе приказа, *увеселеній не было, кромѣ карточнаго клуба, основаннаго при губернаторѣ Звѣревѣ, и что въ томъ же городѣ противъ прочихъ губернскихъ городовъ живетъ наибольшее число играющихъ въ карты дворянъ.*

Имѣя самыя скудныя матеріальныя средства, Там-

бовскія училища первоначально и въ учебномъ отношеніи стояли слишкомъ невысоко. Дѣло въ нихъ начиналось обыкновенно съ изученія азовъ и складовъ, что совершалось при помощи букварей и стѣнныхъ таблицъ; затѣмъ преуспѣвшіе ученики переходили къ часословамъ и наконецъ уже выступали на сцену различные краткіе учебники, наскоро и неумѣло составленные, по которымъ начиналась болѣе или менѣе усиленная долбня, причемъ о самостоятельномъ преподаваніи уроковъ не думалъ и не смѣлъ думать ни одинъ учитель.

О силѣ стремленія къ умственному развитію, конечно, можно судить по количеству и качеству поступающихъ въ обращеніе между извѣстными читателями книгъ. А въ Тамбовскихъ училищахъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій книгъ вообще получалось очень мало. Такъ напримѣръ въ 1791 году для всего намѣстничества, для училищъ, дворянъ и чиновниковъ Тамбовскій приказъ выписалъ всѣхъ книгъ на сумму 250 рублей 65 копѣекъ. Вотъ эти книги: всемірное землеописаніе (40 экземпляровъ), всемірная исторія (30 экземпляровъ), взъясненіе евангелій (40 экземпляровъ), россійскій букварь и россійская граматика (по 40 экземпл.), краткое землеописаніе Россіи съ 19 раскрашенными картинами (20 экземпл.), сокращенный катехизисъ (95 экземпл.), гражданская архитектура (30 экземпл.), и руководство къ чистописанію (80 экземпляровъ). Да и эти книги отчасти лежали безъ употребленія. Такъ напримѣръ, въ Шацкѣ, Елатьмѣ, Липецкѣ и Моршанскѣ изъ присланныхъ книгъ не купили ни одной. Уже въ 1804 году Тамбовская училищная библіотека понемногу стала наполняться книгами для чтенія. Вотъ книги, поступившія за этотъ годъ въ училищное книгохранилище: Іоанна Масона — о познаніи себя; Характеры или свойство и дружество; Бытіе разумное или нравственныя мысли, почерпнутыя изъ размышленій Юнга; Картина всемогущества, премудрости и благости божественной, созер-

цаемая въ правдѣ; Лѣтопись имперіи отъ Карла Великаго до нынѣшнихъ временъ; Наука быть учтивымъ; Жизнь и странныя приключенія умершаго Карла Эдуарда; Дружескіе совѣты молодому человѣку; Городской житель во искушеніи; Жизнь отца моего—трудолюбиваго поселянина; Поэма—Авелева смерть и 1-я часть исторіи Россійскаго государства Стриттера.

Въ описываемое нами время *преподаваніе* въ главномъ Тамбовскомъ училищѣ шло слѣдующимъ образомъ. Нѣкто Исаевъ, учитель россійской граматики, приходилъ въ классъ въ длинномъ домашнемъ балахонѣ и обыкновенно спрашивалъ:

— Что у васъ, ребятки, сегодня за урокъ?

— Пѣніе, г. учитель,—отвѣчали ему хорошо знавшіе его ученики.

— Ну, пойте-же,—дозволялъ Исаевъ. И дѣйствительно во время урока россійской граматики начиналось шумное и разнообразное пѣніе, потомъ болѣе бойкіе ученики выбѣгали на средину классной комнаты и пускались въ плясъ. Вся эта комедія иногда завершалась тѣмъ, что добродушнаго и крайне недалекаго Исаева качали на рукахъ. А которые учителя были способнѣе, тѣ при малѣйшемъ удобномъ случаѣ торопились промѣнять свое педагогическое поприще на какое нибудь другое. Вслѣдствіе этого извѣстный Янковичъ-де-Маріево выражалъ такія жалобы: „учителя домогаются разными образами отбыть отъ настоящаго своего званія и народныя училища приходятъ отъ сего въ упадокъ и запустѣніе".

Въ 1791 году въ Тамбовскій приказъ подалъ прошеніе объ опредѣленіи въ учителя иностранныхъ языковъ бывшій Московскій адъюнктъ Геслингъ, хорошо знавшій Французскій, Нѣмецкій, Голландскій, Норвежскій и Испанскій языки. Жалованья онъ желалъ получать по 400 рублей въ годъ. Но это послѣднее желаніе наивному и вѣроятно малограматному приказу пока-

залось слишкомъ неумѣренною претензіею и Геслингу было отказано отъ учительскаго мѣста. Такимъ образомъ Тамбовское училище лишилось рѣдкаго случая имѣть хоть одного опытнаго и образованнаго учителя.

Не смотря на совершенно неудовлетворительное состояніе учебнаго дѣла въ Тамбовскихъ училищахъ, разные почетные посѣтители училищныхъ *открытыхъ испытаній* считали долгомъ своимъ приходить въ восторгъ отъ ученическихъ успѣховъ въ наукахъ. Г. Р. Державинъ любилъ даже самъ экзаменовать учениковъ и приглашалъ обыкновенно и другихъ посѣтителей слѣдовать его примѣру, *что бы не было никакого сомнѣнія относительно правильности экзаменовъ;* но тѣ всегда благоразумно и совершенно основательно уклонялись отъ вопросовъ. Вскорѣ послѣ основанія нашего главнаго училища для его ревизіи пріѣхалъ въ Тамбовъ извѣстный Козодавлевъ, который впослѣдствіи, прощаясь съ Тамбовскими педагогами, въ поощреніе ихъ выразился такъ: „Я не оставлю засвидѣтельствовать объ училищѣ съ похвалою высшей командѣ“.

Лѣтъ черезъ 12 послѣ ревизіи Козодавлева въ Тамбовѣ была другая училищная ревизія сенаторовъ Трощинскаго и князя Щербатова, которые о Тамбовской школѣ (Павелъ I-й, какъ извѣстно, запретилъ употреблять слово: училище, замѣнивъ его словомъ: школа) отзывались такъ: „главная школа въ Тамбовѣ въ надлежащемъ порядкѣ, учители съ достаточными по своей части способностями и ученики при учиненномъ экзаменѣ достаточные въ наукахъ, имъ преподаваемыхъ, оказали успѣхи. Отличившихся въ наукахъ мы нашли 41 человѣкъ“. Между тѣмъ въ одномъ первомъ классѣ иные парни сидѣли *по 7 лѣтъ.* А одинъ изъ нихъ по фамиліи Рябинцевъ вышелъ изъ училища 33 лѣтъ. О нѣкоторыхъ *открытыхъ испытаніяхъ* въ Тамбовѣ составлялись иногда коротенькія хвалебныя записки и отсылались въ Москву для напечатанія въ Московскихъ

вѣдомостяхъ. Вотъ что напримѣръ написано было объ *открытомъ испытаніи* 1792 года: „во время испытанія удовольствіе зрителей изображалось на ихъ лицахъ, которое и не преминуло быть изъявлено по окончаніи испытанія знаками, изъявляющими благодарность виновницѣ такого учрежденія, а трудящіеся въ преподаваніи ученія осыпаны были благосклонными привѣтствіями“.

Съ теченіемъ времени, до учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, учебное дѣло въ Тамбовской губерніи становилось все хуже и хуже. Особенно невѣжественностію отличались у насъ Темниковскій и Спасскій уѣзды. Въ послѣднемъ ежегодно выписывали *только* книгъ по 10-ти „положеній о дворянствѣ...“ Въ 1800 году, при директорѣ Куликовѣ, въ Тамбовскомъ училищѣ не было даже и экзаменовъ и это единственно потому, что въ Тамбовѣ на тотъ случай не оказалось губернатора Бахметева, отправившагося на ревизію губерніи. Директорство Куликова представляется вообще самою печальною учебною эпохою въ Тамбовѣ со времени открытія училищъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, какъ писалъ самъ Куликовъ приказу, — не было сдѣлано никакого приращенія въ училищѣ ни въ книгахъ, ни въ кабинетныхъ вещахъ“. Тѣмъ не менѣе, когда въ февралѣ 1801 года въ Тамбовской школѣ былъ публичный экзаменъ, то *городскія власти*, по свидѣтельству приказа, — *бывъ восхищены счастливыми успѣхами учениковъ въ наукахъ, благоволили изъявить признательность директору и учителямъ*. А каковы были эти счастливые успѣхи, видно изъ слѣдующаго. Между учениками Тамбовскаго училища, окончившими курсъ въ 1801 году, былъ нѣкто Безчасновъ. Въ его свидѣтельствѣ относительно поведенія значилось: довольно не худо. Такая же отмѣтка была у него и по Латинскому языку и однако Безчасновъ вышелъ изъ школы съ наградою: на публичномъ экзаменѣ ему дана была книга съ приличною надписью.

Въ концѣ царствованія Александра I-го главныя народныя училища, въ томъ числѣ и Тамбовское, переименованы были въ губернскія гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и расширены были учебныя программы, количество классовъ умножилось и составъ преподавателей существенно улучшился. Тогда и въ нашемъ захолустьѣ наступила новая учебная эпоха. Среди гимназическихъ преподавателей нерѣдко бывали у насъ люди ученые, талантливые, честные и вслѣдствіе этого нравственно всецѣло владѣвшіе своими учениками. Многіе Тамбовскіе граждане—бывшіе мѣстные гимназисты, обучавшіеся въ 30 и 40 годахъ, и теперь еще живо помнятъ и дѣтски восторгаются бывшимъ своимъ учителемъ исторіи Сумароковымъ. Почти такую же славную память оставилъ по себѣ въ мѣстной гимназіи и недавно умершій Е. В. Крупковъ, глубоко симпатичная личность котораго хорошо извѣстна была всей Тамбовской губерніи.

При такихъ условіяхъ мѣстная гимназія ежегодно стала выпускать въ разныя высшія учебныя заведенія выдающихся своихъ учениковъ и многіе изъ нихъ впослѣдствіи пріобрѣли себѣ почетную всероссійскую извѣстность, наприм. археологъ А. И. Поповъ, профессоръ Минаевъ, докторъ Гаагъ и др.

Въ 1790 году въ г. Тамбовѣ появилось другое учебное заведеніе, вмѣстѣ съ главнымъ народнымъ училищемъ призванное къ разсѣянію народнаго невѣжества въ Тамбовскомъ краѣ. Это—духовная Семинарія, переведенная изъ Нижняго Ломова и въ названномъ году уже имѣвшая 500 воспитанниковъ, благодаря энергическимъ распоряженіямъ незабвеннаго епископа Ѳеофила и перваго ректора нашей семинаріи архимандрита Іоанникія. Но и духовная Семинарія очень долго была въ самомъ неудовлетворительномъ учебно-воспитательномъ состояніи. Относительно внѣшней обстановки она стояла значительно ниже Тамбовскаго главнаго народнаго училища. На 200 рублей Семинарія должна была содержать

своихъ начальниковъ и преподавателей, должна была давать пріютъ, пищу и одежду 30 казеннокоштнымъ ученикамъ, должна была за всѣми остальными расходами строить зданія для своего помѣщенія.

Когда епархіальное начальство стало заботиться о составѣ педагогической корпораціи въ Семинаріи, то во всей Тамбовской епархіи не оказалось на лицо хоть сколько нибудь образованнаго человѣка изъ духовнаго званія: всѣ наши священники и монахи, по свидѣтельству Синодскаго указа объ открытіи Семинаріи, были *не книжные*. Тогда епископъ Ѳеофилъ ректора вызвалъ изъ Владимірской епархіи, а троихъ преподавателей— изъ Рязани. Такъ положено было начало Тамбовской Семинаріи, представившей впослѣдствіи значительный контингентъ видныхъ дѣятелей для всевозможныхъ поприщъ и въ этомъ отношеніи опередившей не одно главное Тамбовское училище. Изъ убогихъ каморъ Тамбовской Семинаріи и въ убогихъ одеждахъ, скромные и терпѣливые, вышли на свѣтъ Божій многіе дѣятели, ставшіе впослѣдствіи извѣстными всей образованной Россіи. Одни изъ нихъ занимали епископскія каѳедры, наприм. Филаретъ Черниговскій, Нектарій Нижегородскій, Веніаминъ Иркутскій, Павелъ Олонецкій и Варсонофій Симбирскій; другіе прославились, какъ талантливые и опытные профессора и писатели, напримѣръ извѣстный Петербургскій протоіерей Кочетовъ, профессоръ Н. Я. Аристовъ, докторъ Матчерскій, беллетристъ Левитовъ и многіе другіе. Даже на административномъ поприщѣ, наименѣе доступномъ людямъ безъ всякой протекціи, Тамбовская Семинарія имѣла своихъ видныхъ представителей и одинъ изъ нихъ въ качествѣ департаментскаго директора (Оржевскій) въ 40-хъ годахъ былъ огромною силою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но такая дѣятельность развилась въ нашей семинаріи потомъ, а сначала, нѣсколько десятковъ лѣтъ, она бѣдствовала во всѣхъ отношеніяхъ...

Прежде всего трудно было собрать учениковъ въ Семинарію. Церковники, т. е. дѣти духовныхъ, не имѣли никакого желанія учиться и консисторскіе пристава, по резолюціи епископа Θеофила, привозили ихъ въ Тамбовъ насильно. Здѣсь *урослые юнцы* сразу становились въ оппозицію къ заведенію и, не долго думая, многіе изъ нихъ бѣжали домой, гдѣ ихъ ласково встрѣчали сердобольные отцы и матери. Нѣкоторые изъ духовныхъ родителей доходили до того, что коллективно подавали на архіерейское имя прошенія объ освобожденіи сыновей ихъ отъ ученія. Такъ въ 1813 году поступили Моршанскіе причты. Но епископъ Θеофилъ и его преемникъ Іона, къ счастію, въ данномъ случаѣ были неумолимы и донимали ретроградныхъ родителей денежными штрафами. Тогда постепенно въ средѣ нашего духовенства явилось обязательное ученіе всѣхъ дѣтей и мѣстное духовное просвѣщеніе въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія наконецъ прочно установилось.

Первоначальный бытъ нашихъ семинаристовъ отличался величайшимъ убожествомъ. И въ классъ, и въ церковь, и на прогулку они выходили въ неизмѣнныхъ костюмахъ: въ нанковыхъ и сермяжныхъ халатахъ, подпоясанныхъ простыми кушаками, а нѣкоторые кромѣ того—въ лаптяхъ. Не красна также была жизнь начальниковъ и преподавателей семинарскихъ. Ректоръ получалъ годоваго жалованья 150 рублей, префектъ — 100, учитель риторики и піитики—80 рублей, учитель грамматики — 40 рублей, заправной учитель — 24 рубля и учитель нотнаго пѣнія—20 рублей. Самое зданіе Семинаріи не огороженное долго одиноко стояло подъ лубочною кровлею, а вмѣсто мебели въ классахъ были древесные пни.

Лекцій и объясненій въ семинарскихъ классахъ почти не бывало. Ученики упражнялись въ заучиваніи разныхъ учебниковъ. Эти учебники были слѣдующіе: богословіе—Карпинскаго, философія—Баумейстера, ри-

торика — Бургія, піитика — Аполлосова. *По главнымъ предметамъ* въ трехъ старшихъ классахъ писали схоластическія сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ. А какъ писали — это видно изъ слѣдующаго прошенія, старательно составленнаго въ 1792 году однимъ лучшимъ ученикомъ Тамбовской Семинаріи и поданнаго генералъ-губернатору Гудовичу.

„Извѣстно, писалъ студентъ Добровскій, — что ваше высокопревосходительство неисчетными всегда обременены бываете трудами и неусыпнымъ попеченіемъ. Почему не надлежитъ и непристойно кому либо изъ низкаго состоянія въ большее еще приводить духъ вашего высокопревосходительства смущеніе и безпокойство. Но какъ бѣдность и несчастіе нигдѣ себѣ не находятъ пристанища, кромѣ знаменитыхъ и титломъ высокаго достоинства почтенныхъ особъ, то я и дерзнулъ, какъ бы позабывъ о непозволительномъ подлому состоянію предпріятіи, прибѣгнуть подъ ваше защищеніе и благоснисходительство. Благоволите меня нижайшаго опредѣлить въ статскую или военную службу“.

Многіе ученики въ Тамбовской Семинаріи, какъ и въ другихъ, подолгу оставались въ классахъ и достигали солиднаго возраста. Поэтому они совершенно оставляли науку, добровольно садились на заднія парты, добивались иногда званія *сикуторовъ или архангеловъ* и мирно дожидались *исключки*. Въ то время, когда въ Семинаріи не было уроковъ, всѣ эти богатыри наводили ужасъ на питейныя заведенія и на мѣстныхъ мѣщанъ и однодворцевъ, съ которыми любили сражаться во время кулачныхъ боевъ. Легендарная память о семинарскихъ *герояхъ* отчасти сохранилась и теперь. Почти всѣ они въ свое время были исключены изъ Семинаріи и семинарское начальство напутствовало ихъ въ *житейское море* примѣрно слѣдующими аттестаціями: „ученикъ такой то. Уволенъ за малоуспѣшность и великовозрастіе. Оный ученикъ до драки и пьянства скорый, въ лѣности весьма упрямый“...

Въ 1798 году, благодаря извѣстному благоволенію Императора Павла къ духовному вѣдомству, послѣдовало нѣкоторое улучшеніе матеріальнаго быта Тамбовской духовной Семинаріи: къ двумъ тысячамъ ея бюджета прибавлено полторы тысячи. А при Александрѣ I-мъ сумма ежегоднаго семинарскаго расхода возвысилась до семи тысячъ и жалованье всѣхъ служившихъ въ Семинаріи увеличилось болѣе чѣмъ вдвое, такъ что, напримѣръ, ректоръ сталъ получать 350 рублей въ годъ. Улучшилось также и матеріальное положеніе самихъ семинаристовъ: за ними епископъ Іона сталъ зачислять разныя приходскія мѣста съ правомъ полученія части доходовъ.

Измѣненія коснулись между прочимъ и семинарской программы. Въ 1800 году учебный курсъ въ Тамбовской Семинаріи усложнился исторіею, географіею, ариѳметикою и геометріею; потомъ въ 1803 году стали *преподавать* еще медицину, анатомію, физіологію, терапію и исторію медицины. Очевидно высшему правительству желательно было, чтобы приходскіе пастыри одновременно были врачами душъ и тѣлесъ... Разумѣется, всѣ новыя семинарскія науки преподавались кое-какъ и семинаристы выходили въ свѣтъ безъ всякихъ положительныхъ научныхъ знаній. Но хуже всего для нихъ было то, что они слишкомъ слабо знакомы были съ текстомъ священнаго писанія и положительно уступали въ этомъ отношеніи малограматнымъ раскольничьимъ и сектантскимъ начетчикамъ. Были однако и въ старыхъ Семинаріяхъ нѣкоторыя хорошія стороны. Лучшіе ученики-семинаристы пріобрѣтали основательное знаніе латыни и довольно значительную силу теоретической мысли. Это была почва, на которой впослѣдствіи удобно могли развиваться молодые люди для самостоятельныхъ работъ по всѣмъ научнымъ спеціальностямъ... *)

*) Примѣчаніе. Мы говорили о Тамбовской Семинаріи до ея реформы въ 1818 году.

Образовательныя средства г. Тамбова еще немного усилились въ 1802 году. Мѣстные дворяне, въ память подтвержденія Императоромъ Александромъ I-мъ дворянской жалованной граматы, постановили основать въ г. Тамбовѣ дворянскій училищный корпусъ, преимущественно для дѣтей бѣдныхъ дворянъ, изъ которыхъ лучшіе ученики могли безъ экзамена поступать въ кадетскіе корпуса и университеты. Дворянскій комитетъ, которому поручено было основаніе новаго училища, рѣшилъ учредить *для обученія учениковъ языкамъ 3 класса: россійскій, французскій и нѣмецкій и прочимъ наукамъ 3 же класса: рисовальный съ гражданскою архитектурою, географическій обще съ исторіею, математическій обще съ физикою*. Кромѣ того въ учебную программу дворянскаго училища входилъ законъ Божій.

Порѣшивъ вопросъ объ учебной программѣ, дворянскій комитетъ перешолъ къ вопросу о вознагражденіи педагогическаго состава. Учитель россійскаго языка долженъ былъ получать въ годъ 200 рублей, если, какъ оговаривались на этотъ разъ экономные представители дворянства,—*нельзя пріискать учителя за меньшую цѣну*. Учителю нѣмецкаго языка назначили 400 рублей, столько же учителю исторіи, а *французскому учителю* и учителю математики по 500 рублей.

Затѣмъ комитетъ занялся самымъ труднымъ въ то время дѣломъ, именно пріискиваніемъ учителей посредствомъ начальниковъ разныхъ учебныхъ заведеній въ Москвѣ и Петербургѣ. Особенное содѣйствіе комитету въ этомъ случаѣ оказалъ инспекторъ всей артиллеріи А. И. Корсаковъ, который дѣятельно розыскивалъ учителей математики по всѣмъ артиллерійскимъ ротамъ и командамъ. Поиски его очень скоро увѣнчались успѣхомъ. Учитель математики нашелся въ 5-й артиллерійской ротѣ. Это былъ поручикъ Федоренко.

Поручикъ Федоренко, переведенный въ Тамбовское дворянское училище въ чинѣ штабсъ-капитана пользо-

вался въ своей ротѣ репутаціею весьма серьезнаго и храбраго офицера. Онъ участвовалъ въ Суворовскомъ штурмѣ Праги и въ знаменитомъ Итальянскомъ походѣ, причемъ былъ тяжело раненъ. Это-то обстоятельство и заставило его искать болѣе мирнаго житейскаго поприща.

Объ остальныхъ членахъ первоначальной педагогической корпораціи дворянскаго училищнаго корпуса сохранились еще болѣе скудныя свѣдѣнія. Училищнымъ инспекторомъ былъ назначенъ капитанъ Веденяпинъ. Онъ же временно, до прибытія въ Тамбовъ прапорщика де-ля-Круа, преподавалъ французскій языкъ. Помощникомъ инспектора былъ учитель исторіи поручикъ Ишутинъ. Учителемъ русскаго языка былъ опредѣленъ коллежскій протоколистъ Пальмовъ, а нѣмецкаго—лифляндскій дворянинъ фонъ-Фрейвальдъ. Кромѣ того въ педагогическомъ составѣ училища находились слѣдующія лица: законоучитель священникъ Яковъ Богдановъ, докторъ Гиршъ и танцмейстеръ прапорщикъ Ивановъ.

Ученики Тамбовскаго училищнаго корпуса были раздѣлены на 3 группы. Самые бѣдные учились безплатно, приходящіе ученики за право ученія платили въ годъ по 50 рублей, а пансіонеры платили за все по 150 рублей. Самыхъ бѣдныхъ учениковъ доставлено было въ училище изъ каждаго уѣзда губерніи *по одному отроку*.

Училищный корпусъ былъ открытъ 22 іюня 1802 года и просуществовалъ около 30 лѣтъ.

Къ сожалѣнію мы должны сказать, что Тамбовскій корпусъ сначала и до конца своего существованія весьма слабо содѣйствовалъ развитію просвѣщенія въ Тамбовскомъ краѣ. Учениковъ въ этомъ корпусѣ всегда было мало, такъ что первый выпускъ его состоялъ только изъ 10 человѣкъ, и притомъ образованіе получалось въ немъ крайне неудовлетворительное, какъ вслѣдствіе общихъ бытовыхъ условій описываемаго времени, такъ въ особенности—вслѣдствіе привиллегированности заведенія.

Порядочныхъ танцоровъ изъ нашего корпуса выходило немало, но толковыхъ и знающихъ науку — почти не было. Объ учебной неудовлетворительности нашихъ корпусныхъ воспитанниковъ можно судить по слѣдующему письму Кирсановскаго дворянина Платцова къ мѣстному предводителю: „25 іюня 1813 года, писалъ Платцовъ, — изъ дворянскаго корпуса явился ко мнѣ мой пансіонеръ Епихинъ, въ подобіе тощихъ класовъ или телокъ, видѣнныхъ Фараономъ въ сновидѣніи, при томъ и во гноищѣ, представляя подобіе Іова многострадальнаго, и не пріобрѣвшаго ничего въ наукахъ, но даже забывшаго все то, чему онъ наученъ былъ дома“.

Неудовлетворительность корпуснаго воспитанія и обученія зависѣла между прочімъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ. Многіе мѣстные дворяне при открытіи училища сгоряча подмахнули значительныя подписныя суммы, напримѣръ генералъ Н. П. Архаровъ 2 тысячи. А платили только немногіе и понемногу, такъ что фиктивная подписная сумма значительно превышала дѣйствительныя средства Тамбовскаго училищнаго корпуса. Отъ этого служившіе въ корпусѣ неаккуратно получали жалованье, учениковъ содержали крайне дурно и училищное зданіе было въ полномъ разстройствѣ.

Вотъ всѣ образовательныя средства, которыми владѣлъ Тамбовскій край во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Правда, въ 1820 году у насъ появилось было 2 домашнія учительницы: Филиппо и Бѣлокопытова. Но Казанскій университетъ, *ревнуя* о народномъ просвѣщеніи и дѣйствуя въ духѣ извѣстнаго Магницкаго, рѣшился изгнать ихъ изъ Тамбова. Филиппо дѣйствительно была изгнана, а Бѣлокопытова съумѣла удержаться на мѣстѣ. Какъ бывшая воспитанница Московскаго Екатерининскаго института, она весьма храбро защищала свои права передъ начальствомъ. Вотъ что писала она Тамбовской полиціи: „чтобы не вздумали воспретить мнѣ воспитаніе дѣтей, единственный способъ

моего пропитанія, съ нынѣшнею почтою препровождаю просьбу къ вдовствующей Императрицѣ по праву всякой воспитанницы института и позволенію Императрицы относиться къ ней во всякой личной обидѣ". Неудивительно послѣ этого, если огромное большинство Тамбовскихъ дѣятелей описываемаго времени, дворянъ и чиновниковъ, оказывалось слишкомъ неудовлетворительнымъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ *). Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ 1818 году стряпчій Фроловъ писалъ другому стряпчему Жданову такое письмо: „алтынникъ и пакостникъ! покорно прошу донести начальству о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ канцеляристомъ Туминымъ. За симъ съ особеннымъ почтеніемъ къ вамъ пребуду".

Года за три передъ тѣмъ Спасскій землемѣръ Вальцовъ отличался въ другомъ родѣ. Ему поручено было межевать землю въ Спасскомъ уѣздѣ, а онъ отказался отъ этого на томъ основаніи, что *въ наукѣ не обученъ и съ землемѣрными инструментами не знакомъ*.

Нѣкоторые чиновники любили отличаться дикоухарскими подвигами и буйствомъ. Такъ, коллежскіе регистраторы Григорьевъ и Жильцовъ сговорились ѣхать въ село Сасово къ вольнопрактикующему врачу Кюнеру. Пріѣхали они къ нему ночью, въ великую пятницу, и именемъ генералъ-губернатора потребовали документы на званіе врача и на право лѣченія въ селѣ Сасовѣ. Документовъ этихъ на тотъ случай у Кюнера не оказалось и онъ вынужденъ былъ заплатить счастливымъ коллежскимъ регистраторамъ 120 рублей. Получивъ эти деньги, мнимые генералъ-губернаторскіе чиновники не торопились уѣхать во свояси и до свѣту прогуляли на счетъ злополучнаго Кюнера.

*) Примѣч. Въ 1791 году въ одномъ Кирсановскомъ уѣздѣ неграматныхъ молодыхъ дворянъ было 30 человѣкъ. Поэтому Кирсановскій предводитель Тишениновъ задумалъ было основать *дѣтское училище*. Мысль его отвергли.

Крайне ограниченные въ умственномъ отношеніи прежніе дѣльцы наши были однако весьма изобрѣтательны въ дѣлѣ всякихъ *благопріобрѣтеній*. Въ 1823 году генералъ-губернаторъ Балашовъ приказалъ во всѣхъ селахъ Тамбовской губерніи поставить столбы съ обозначеніемъ на нихъ названій этихъ селъ и числа дворовъ и душъ. Кажется, изъ этого правительственнаго распоряженія трудно было чиновникамъ извлечь для себя какую нибудь пользу. Между тѣмъ Липецкій исправникъ Ханыковъ и тутъ нашолся. Онъ поручилъ ставить столбы по селамъ Липецкому мѣщанину Кутышкину съ обязательною платою со стороны каждаго села за столбъ по 25 рублей и болѣе половины этого сбора бралъ себѣ. Въ томъ же году губернскій секретарь Сергѣевъ взялся написать молоканамъ прошеніе на высочайшее имя и въ этомъ прошеніи разбранилъ православныхъ такъ, какъ не удалось бы самому закоренѣлому сектанту.

Перебирая разныя архивныя связки за описываемое нами время, мы встрѣчали массы прошеній разныхъ молодыхъ людей, стремившихся къ канцелярской карьерѣ. Нѣкоторыя выдержки изъ этихъ прошеній покажутъ намъ тотъ матеріалъ, изъ котораго слагалось отжившее наше чиновничество. Недоросль Филатовъ наприм. пишетъ: „обучась дома россійской граматѣ читать и писать, нынѣ имѣю я ревностное желаніе вступить въ статскую Вашего Императорскаго Величества службу“.

Исключенный ученикъ Семинаріи Никольскій пишетъ уже нѣсколько откровеннѣе: „по слабости моего здоровья и нѣкоторыхъ понятій исключенный изъ духовнаго училища, но теперь поправившись въ здоровьѣ, имѣю желаніе продолжать статскую службу въ канцеляріи губернскаго правленія“. Другой исключенный семинаристъ Бѣляевъ пишетъ: „получивъ навсегда увольненіе отъ наукъ, преподаваемыхъ въ Семинаріи, я не нахожу себя болѣе способнымъ ни къ чему иному, кромѣ статской службы“. Нѣкто недоросль Львовъ, желая

опредѣлиться въ Кирсановскій земскій судъ, писалъ прошеніе въ томъ же откровенномъ тонѣ: „россійской граматикѣ читать и писать отчасти умѣю, но дальнѣйшихъ наукъ не въ состояніи проходить и достигши въ совершенныя лѣта уже не могу имѣть объ нихъ понятія, и потому возымѣлъ ревностное желаніе служить“.

Нѣкоторые искатели канцелярскихъ должностей сразу желали зарекомендовать себя предъ начальствомъ и потому въ прошеніяхъ пускались въ краснорѣчіе. Вотъ наприм. какъ написалъ прошеніе въ губернское правленіе отставной архіерейскій пѣвчій Ананскій: „обучался я въ хорѣ преосвященнаго Θеофила гражданскому и церковному пѣнію и для правописанія россійской граматикѣ. Потомъ по усовершенствованіи пѣвческими дисциплинами и по спаденіи гармоническаго голоса я желаю поступить въ губернское правленіе подъ премудрую десницу начальства“.

А вотъ свидѣтельство одного исключеннаго изъ духовнаго училища *за урослостію и малоразуміемъ* ученика Кочетова, сдѣлавшагося впослѣдствіи довольно виднымъ дѣльцомъ Спасской земской полиціи: „ученикъ Кочетовъ чистописанію обучался довольно плохо; россійской граматикѣ и ариѳметикѣ худо; пространному катехизису и славянской граматикѣ слабо; началамъ Латинскаго и Греческаго языковъ худо. Способности Кочетовъ имѣетъ слабыя и велъ себя порядочно“.

Подобныя прошенія и свидѣтельства попадаются, какъ мы сказали уже выше, въ нашихъ архивныхъ документахъ сплошь и рядомъ. Между тѣмъ толковыя прошенія людей съ извѣстнымъ законченнымъ образованіемъ встрѣчались крайне рѣдко и ихъ процентное отношеніе къ массѣ прошеній малограматныхъ людей ничтожно.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія едвали выше Тамбовскихъ чиновниковъ стояли по образованію дворяне и духовенство. О низкой степени развитія всѣхъ

сословій Тамбовской губерніи, выразившейся между прочимъ въ отсутствіи сознанія общественныхъ и политическихъ интересовъ, можно судить по слѣдующему факту. Когда въ сентябрѣ 1822 года губернаторъ Крюковъ предложилъ Спасскому исправнику Кугушеву собрать въ уѣздѣ деньги въ пользу разоренныхъ грековъ, то со всего уѣзда собрано было только 8 рублей... Дворянство наше не рѣдко отличалось по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образованіемъ и нѣкоторымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, хотя все это нисколько не мѣшало практиковать большинству дворянства кулачное право.— А иногда среди дворянства описываемаго времени попадались даже люди положительно образованные, на прим. бригадиръ Рахманиновъ, основавшій въ селѣ Казинкѣ типографію и печатавшій тамъ свои переводы и сочиненія, Кирсановскій помѣщикъ, другъ Пушкина и поэтъ—Баратынскій и др. Что же касается духовенства, то, за немногими исключеніями, оно едва выдѣлялось по своимъ понятіямъ и обстановкѣ изъ крестьянскаго быта. Можно сказать положительно, что въ Тамбовскомъ краѣ въ половинѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія между приходскими духовными лицами не было никого, кто интересовался бы наукой и литературой. Когда въ 1786 году открывали въ Тамбовѣ главное народное училище, то Г. Р. Державинъ предложилъ Тамбовскому епископу Ѳеодосію сочинить какое нибудь приличное случаю слово. Ѳеодосій *за болѣзнію* отказался отъ сочинительства. Тогда стали искать по всей епархіи какое нибудь мало-мальски образованное духовное лицо и не нашли никого. Неудивительно поэтому, если духовенство часто поражало прихожанъ поступками и выходками самаго безцеремоннаго свойства и если, къ сожалѣнію, еще и доселѣ въ устныхъ разсказахъ простаго народа священнослужители весьма часто фигурируютъ въ самыхъ непривлекательныхъ, а иногда и совершенно нецензурныхъ образахъ...

Разные скандальные церковно-приходскіе случаи подали поводъ Императору Александру I-му воспретить прихожанамъ безъ мѣры угощать причты. Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своего царствованія Александръ I-й чрезъ Аракчеева далъ знать министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому слѣдующее: „до Государя Императора, писалъ Аракчеевъ,—доходятъ свѣдѣнія о томъ, что при угощеніи свѣтскими людьми духовныхъ лицъ нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ, бывъ напоены до пьяна нѣсколько разъ, отъ таковыхъ угощеній умирали“. Далѣе предписывалось подробно доносить Императору о всѣхъ тѣхъ свѣтскихъ лицахъ, которыя неумѣренно позволяли себѣ угощать духовныхъ...

Мѣстному общественному развитію въ царствованіе Александра I-го не помогли ни библейское общество, Тамбовское отдѣленіе котораго подъ предсѣдательствомъ епископа Іоны занималось только сборомъ членскихъ взносовъ и слабою продажею разныхъ мистическихъ книгъ;—ни сами іезуиты, которымъ почему-то, не смотря на ихъ старанія, не пришлось основать у насъ ни одного училища. Такимъ образомъ царствованіе Александра Благословеннаго, такъ много обѣщавшее сначала, въ концѣ концовъ не оставило по себѣ въ Тамбовской губерніи замѣтныхъ благотворныхъ слѣдовъ. При Николаѣ I-мъ у насъ тоже не было сильнаго образовательнаго движенія. Правда, въ нашей губерніи открыто было нѣсколько десятковъ начальныхъ школъ министерства государственныхъ имуществъ, дворянскій училищный корпусъ преобразованъ былъ въ кадетскій (младшіе классы), основанъ былъ институтъ благородныхъ дѣвицъ и наконецъ учреждено было въ г. Тамбовѣ канцелярское училище, а при губернской гимназіи устроенъ былъ пансіонъ. Но всего этого было слишкомъ мало для нашего обширнаго и многолюднаго края и уже при Императорѣ Александрѣ II-мъ правительство, при содѣйствіи мѣстныхъ обществъ, серьезно отнеслось

къ мѣстнымъ потребностямъ образованія. Тогда у насъ возникли слѣдующія учебныя заведенія: Елатомская классическая гимназія, Тамбовское и Моршанское реальныя училища, Лебедянская и Борисоглѣбская прогимназіи, Екатерининскій учительскій институтъ, Тамбовская женская гимназія, Липецкая и Козловская женскія прогимназіи, Козловское желѣзнодорожное училище, Спасское городское училище, Тамбовское ремесленное училище и множество земскихъ начальныхъ школъ. Стремленіе къ просвѣщенію среди мѣстнаго народонаселенія стало такъ сильно, что существующихъ училищъ для него уже не хватаетъ и всѣми нашими сословіями живо сознается настоятельная необходимость открытія новыхъ и новыхъ училищъ... Къ сожалѣнію, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, у насъ и теперь всѣхъ учащихся въ губерніи только около 40,000 обоего пола. Во всякомъ случаѣ мѣстное народное просвѣщеніе ждетъ еще массы охочихъ до него людей и опытныхъ дѣятелей, потому что наибольшій процентъ Тамбовскаго народонаселенія совершенно пока неграматенъ и слишкомъ неохотно и медленно разстается съ своимъ суевѣріемъ и легковѣріемъ. Недалеко еще то время, когда обыватели нашего края, чуждые промышленной предпріимчивости и плотно приросшіе къ своей кормилицѣ-землѣ, по всей Россіи не безъ основанія слыли чуть ли не за самыхъ наивныхъ и умственно безпомощныхъ людей. Слѣдующіе факты послужатъ къ подтвержденію нашей мысли.

Въ 1797 году въ г. Борисоглѣбскѣ крестьянинъ Василій Орловъ успѣшно распространялъ слухъ о томъ, что царь Петръ III-й еще живъ и скрывается въ Донской области. „Былъ я, говорилъ онъ,—на Дону и разъ увидѣлъ въ степи, около озера, маленькую хату. Въ хатѣ одиноко проживалъ какой-то старикъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый казацкій кафтанъ, на ногахъ у него были лапти, а на шеѣ на шелковомъ гайтанѣ висѣлъ серебряный крестъ. Зашолъ я къ старику и онъ при-

нялъ меня радушно: видно радъ былъ перемолвиться съ живымъ человѣкомъ. Прощаясь со мною, неизвѣстный человѣкъ объявилъ мнѣ за великую тайну, что онъ — великій государь Петръ Ѳеодоровичъ и что ему нужно видѣться съ государыней Екатериной Алексѣевной и съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. А царствовать, добавилъ старикъ, я уже не желаю, проживу и такъ около сына. При этомъ онъ далъ мнѣ кусокъ сѣрой шерстяной матеріи. Это, говоритъ, персидской земли знамя и если ты будешь имѣть его при себѣ 5 лѣтъ, то 50 лѣтъ будешь владѣть Донскимъ и Яицкимъ войскомъ".

Въ слѣдующемъ 1798 году мѣстное легковѣріе выразилось такъ. Въ деревнѣ Абакумовкѣ, Тамбовскаго уѣзда, открылась странная болѣзнь, которою страдалъ *одинъ только женскій полъ, крича разными дикими, подобно звѣрю и птицѣ голосами.* Весь уѣздъ пришелъ въ крайнее смущеніе, всѣ судили и рядили о томъ, какъ избыть великой бѣды, между тѣмъ вскорѣ открылось, что никакой женской болѣзни въ Абакумовкѣ не было и что *женщины производили тотъ крикъ притворствомъ убѣгая работы.*

Вскорѣ послѣ того среди Тамбовскихъ молоканъ прошолъ такой слухъ, будто молоканскіе старики ходили въ Питеръ къ самому царю жаловаться на начальство и будто царь велѣлъ отдать подъ судъ архіерея и губернатора. Ободренные этимъ слухомъ, молокане открыто стали совершать процессіи съ своимъ унылымъ и своеобразнымъ пѣніемъ, причемъ впереди несли они священныя книги. „Самъ царь, хвалились молокане, призналъ нашу правую вѣру... Всѣ мы на землѣ теперь равны, одинъ Богъ начальникъ нашего библейскаго общества, писали они епископу Іонѣ (Его Высокопреосвященству Тамбовской губерніи вашему преосвященству и кавалеру*).

*) Многіе сектанты, избѣгая преслѣдованій, дѣйствительно записывались въ члены Библейскаго общества.

Между тѣмъ по своему работали и раскольники. Въ 1802 году въ Саровскую пустынь присланъ былъ на смиреніе старообрядецъ Егоръ Афанасьевъ. Это былъ одинъ изъ фанатиковъ—самосожигателей. Вотъ что писалъ о немъ и о его единомышленникахъ Новгородскому Митрополиту Амвросію министръ Кочубей: „села Попенъ крестьяне, бывъ увлечены ложными внушеніями и увѣрясь въ приближеніи времени страшнаго суда, вознамѣрились съ женами и дѣтьми въ числѣ 54 человѣкъ сжечься въ одной каменной пещерѣ, куда они дѣйствительно и скрылись и уже огонь подложили. Между тѣмъ одна женщина—раскольница испугалась огненной смерти, тайкомъ выбѣжала изъ пещеры и дала знать о самосожигателяхъ сосѣдямъ. Тѣ немедленно прибѣжали къ фанатикамъ и начали вытаскивать ихъ изъ пещеры, а огонь тушить...“ Въ это-то время, по словамъ Кочубея, крестьянинъ Егоръ Афанасьевъ вырвалъ у своей жены малолѣтняго сына и убилъ его объ стѣну, чтобы такимъ образомъ хоть *одинъ правовѣрный погибъ мученическою смертію, святою гарію.*

Отъ раскольниковъ легкомысленными и наивными странностями не отставали и скопцы, *дѣло* о которыхъ, по доносу бывшаго скопца Будылина, разбиралось въ Тамбовскихъ судебныхъ мѣстахъ въ 1829 году. Отставши отъ христіанства, скопцы начали *пріобщаться* баранками, сухарями, и молиться передъ волосами, рублями и разными записочками, присланными съ Будылинымъ изъ Суздали отъ самого *батюшки-искупителя.* Въ селѣ Лѣвыхъ Ламкахъ у скопцовъ былъ тайникъ, въ которомъ они совершали *радѣнія* и въ то же время дѣлали фальшивую монету... Объ одномъ скопческомъ *соборѣ* въ Лѣвыхъ Ламкахъ Будылинъ доносилъ властямъ такъ: „меня привели въ соборъ скопцовъ, увѣщевали твердо держаться вѣры и ни кому не открываться: ни отцу съ матерью, ни начальникамъ, ни духовному причту, ни

даже самому царю. После этого учитель собора сталъ скороговоркой читать самодѣльную молитву:

„Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа,
Дай намъ, сынъ Божій, свѣтъ, помилуй насъ!
Сударь Духъ святой, свѣтъ, помилуй насъ!
Охъ ты матушка, свѣтъ помощница,
Пресвятая свѣтъ Богородица,
Сохрани свѣтъ, помилуй насъ
На сырой землѣ, свѣтъ на матушкѣ,
На сударынѣ на кормилицѣ святой“.

Помолившись, всѣ скопцы стали на колѣна, а учитель вышелъ на средину комнаты и громко заговорилъ: „ого, ого! Благослови батюшка-сударь, милосердый глава, изъ рая недостойнаго раба на твоемъ кругу святомъ пойтить и всѣмъ праведнымъ рабамъ про твои дѣла возвѣстить, какъ ты страдалъ въ Тулѣ и Суздалѣ градѣ и подаешь всѣмъ отрады...“

Затѣмъ началось *радѣніе* (круженіе) подъ слѣдующую пѣсню:

„Какъ во Питерѣ славномъ городѣ,
На родной было на сторонушкѣ,
У родимаго свѣтъ батюшки,
У Спасителя-искупителя,
У Жива Бога, у помощника,
У Жива источника—
Стояла церковь благословенная“.

Перемѣнивъ мотивъ пѣнія, скопцы продолжали:

„Ужь и сѣлъ нашъ свѣтъ, сударь батюшка,
Подъ единое подъ окошечко,
Онъ повелъ сударь жалкій голосокъ,
Чтобъ не сталъ мой корабль на песокъ“.

Во время радѣнія всѣ мужчины были въ радѣльныхъ рубахахъ и штанахъ, а женщины, кромѣ обыкновеннаго костюма, въ колпакахъ, подвязанныхъ платками; они быстро кружились, помахивали платками и кланялись другъ-другу. Набѣгавшись до устали, скопцы

попадали, а отдохнувши стали причащаться. Этимъ кончился *соборъ*, продолжавшійся болѣе 5 часовъ.

Изъ всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ скопческому обществу, Будылинъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на какой-то Еленѣ Павловой, которая, смотря по обстоятельствамъ, выдавала себя то за богородицу, то за супругу великаго князя Константина Павловича. По мнѣнію доносителя, Елена Павлова была Лебедянская мѣщанка.

Во время одного изъ скопческихъ собраній Будылинъ видѣлъ операцію большаго оскопленія, совершенную Тамбовскимъ мѣщаниномъ Бабанинымъ. У вновь поступившаго въ секту *вырѣзали сперва ключи ада, а потомъ отрѣзали ключи бездны*. Подобная же радикальная порча организма совершалась и надъ женщинами, лишившимися половыхъ и дѣтопитательныхъ органовъ *).

Подобныхъ примѣровъ самаго наивнаго мѣстнаго невѣжества, зависѣвшаго главнымъ образомъ отъ *некнижности* народонаселенія, мы могли бы привести множество. Но, кажется, и представленныхъ фактовъ для нашей цѣли довольно. Эта-то роковая Тамбовская наивность и была нерѣдко причиною серьезныхъ нашихъ общественныхъ бѣдствій, къ числу которыхъ относится между прочимъ такъ называемое Кандеевское крестьянское движеніе.

Кандеевское дѣло совершилось въ эпоху крестьянскаго освобожденія и главною ареною его былъ Керенскій уѣздъ сосѣдней Пензенской губерніи, но такъ какъ къ Керенскимъ бунтовщикамъ присоединились и нѣкоторые наши крестьяне, преимущественно Моршанскаго уѣзда, то мы считаемъ себя въ правѣ сказать въ слѣдующей главѣ нѣсколько словъ объ этомъ печальномъ событіи.

---

*) Дѣло о скопцѣ Будылинѣ хранится въ архивѣ Тамб. губ. правленія.

X.

Кандеевское дѣло.

Какъ извѣстно, Тамбовскіе и Пензенскіе крестьяне издавна сильно стѣснены были крѣпостными порядками. Поэтому они ждали царской воли съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ. Но воля долго не приходила: петля повидимому все крѣпче и крѣпче затягивалась, и вотъ по всей русской землѣ громко пронеслось давно жданное великое слово царской любви къ народу. Радостно встрепенулись подневольные люди, точно свѣтлый праздникъ освѣтилъ всю Русь... Однако воля давалась, конечно, не вдругъ, нужно было сохранить и помѣщичьи экономическіе интересы. Этой-то послѣдней необходимости и не хотѣли понять нѣкоторые наивные крестьяне, неосновательно и фантастически увѣренные въ совершенно радикальномъ измѣненіи своего быта. Какъ люди совершенно неразвитые и скудоумные, они не слушали или не понимали предостереженій и толкованій и безсознательно дѣлались государственными преступниками. Таковыми были по преимуществу крестьяне Керенскаго уѣзда.

7-го апрѣля 1861 года становой приставъ Кандагаровъ читалъ въ селѣ Кандеевкѣ, Керенскаго уѣзда, крестьянское положеніе. Въ это время изъ толпы раздался крикъ: „не то положеніе читаешь, въ селѣ Высокомъ священникъ читалъ другой указъ, который даетъ совершенную волю, и мы на работы къ своему барину ходить не будемъ“. Становой, по старой полицейской привычкѣ, вздумалъ было захватить крикуновъ, но весь Кандеевскій сходъ въ количествѣ 500 человѣкъ сталъ за нихъ и воспрепятствовалъ аресту. „Не выдадимъ своихъ, шумѣли крестьяне, надвигаясь на становаго,—когда дана воля, то что за господскія работы“.

Такъ началось *возмущеніе* въ селѣ Кандеевкѣ (имѣніе помѣщика Волкова). А отсюда движеніе быстро распространилось далѣе и разомъ охватило нѣсколько большихъ селъ Керенскаго, Чембарскаго и Моршанскаго уѣздовъ. Главными его дѣятелями впослѣдствіи оказались крестьяне села Высокаго, Чембарскаго уѣзда: Коровяковъ, Егорцевъ и Кошелевъ, которые разъѣзжали по разнымъ уѣздамъ и волновали народъ. Скоро оказали неповиновеніе помѣщику Охотникову крестьяне деревни Ильинской и не пошли на барщину. Разумѣется, къ нимъ пріѣхалъ становой, все тотъ же Кандагаровъ, и сталъ читать *положеніе*. Но Ильинскіе крестьяне сразу перебили его и закричали: „не тотъ указъ читаешь, это—мошенничество; земли скорѣй намъ подавайте“.

Изъ деревни Ильинской волненіе перешло въ имѣніе графа Вьельгорскаго, въ село Троицкое, жители котораго стали созывать къ себѣ окрестныхъ крестьянъ. Сигналомъ для этого былъ у нихъ высокій шестъ съ большимъ краснымъ платкомъ-знаменемъ. Мужицкое знамя вставили въ колесо, колесо положили въ телѣгу и въ такомъ видѣ символъ крестьянской неурядицы и недоумѣнія развозили по селамъ. Шли за этимъ оригинальнымъ поѣздомъ массы крестьянства, покидая барщину и хозяйство, не боясь господъ и ихъ управителей и громко сельскіе воротилы выкрикивали: „пойдемъ въ церковь выбивать волю“.

Многосотенная крестьянская толпа подошла къ дому Троицкаго священника Сперанскаго и шумно стала требовать у него волю.

— Нѣтъ у меня такой воли, какой спрашиваете, говорилъ растерявшійся Сперанскій.

— Врешь, возражали ему,—воля лежитъ на престолѣ съ Егорьевскимъ крестомъ и съ знаменіемъ Пресвятыя Богородицы и если мы найдемъ ее въ церкви, то повѣсимъ тебя вверхъ ногами.

Крестьянское волненіе такимъ образомъ стало при-

нимать грозные размѣры. Въ одномъ имѣніи графа Вьельгорскаго возмутившихся крестьянъ было около четырехъ тысячъ, да въ Кандеевкѣ около тысячи, да въ другихъ селахъ десятки тысячъ крестьянъ болѣе или менѣе готовы были присоединиться къ Кандеевскому дѣлу. Полицейскіе чины призадумались. И было отъ чего. Чаще и чаще стали происходить факты вродѣ слѣдующаго.

9-го апрѣля 1861 года вдова священническая жена Студенцова встрѣтила на большой дорогѣ изъ Чембара въ Керенскъ четырехъ крестьянъ.

— Откуда ѣдете, спросила она ихъ.

— Изъ села Поима; читали тамъ вольную, по которой не велѣно слушаться помѣщиковъ, а если гдѣ нибудь попадутся земскіе чиновники, то надо бить ихъ и тутъ же закапывать въ землю. И бар҃ъ тоже нельзя щадить. Дома ихъ приказано пожечь и съ людьми въ нихъ живущими.

„Хоть вѣшай насъ, начали говорить возмутившіеся крестьяне на своихъ сходахъ въ присутствіи полицейскихъ чиновъ,—а какой слѣдуетъ оброкъ за землю мы заплатимъ не помѣщикамъ, а самому государю. И работать на господъ два года тоже не хотимъ, потому срокъ этой работѣ давно прошолъ, а начало ему, этому сроку, было въ 1857 году“.

Въ виду подобныхъ происшествій губернское начальство обратилось къ содѣйствію военной силы и дало знать объ этомъ высшимъ Петербургскимъ властямъ.

Въ Кандеевку, куда успѣли уже собраться крестьяне окрестныхъ деревень въ количествѣ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, вступила 2-я рота Казанскаго пѣхотнаго полка. Но этого оказалось очень мало, потому что и изъ другихъ селъ стали получаться тревожныя извѣстія. Въ селѣ Черногаѣ произошла даже схватка между ротою и крестьянами и успѣхъ былъ не на сторонѣ воен-

ной силы. Правда, 4 крестьянина были убиты, а 8 ранены, за то и солдаты потеряли двоихъ товарищей; кромѣ того у всѣхъ ихъ отняты были ружья. Чембарскій исправникъ и управляющій Черногайскимъ имѣніемъ, явившіеся на крестьянскій сходъ подъ прикрытіемъ военной силы, были схвачены крестьянами и закованы въ желѣза, между тѣмъ какъ становой и ротный командиръ быстро ускакали изъ Черногая. Тогда въ Кандевку, бывшую центромъ крестьянскихъ волненій, прибыли еще 3 роты. Шли они на войну съ мужицкой силой въ полной боевой аммуниціи, съ запасомъ боевыхъ снарядовъ и сухарей и съ соблюденіемъ всѣхъ военныхъ предосторожностей. Въ это время весь Казанскій полкъ былъ приведенъ на военное положеніе и его эшелоны, кромѣ Кандевки, были направлены на Черногай и Помъ.

16 апрѣля 1861 года въ Кандевку прибылъ генералъ-майоръ Дренякинъ. Къ этому времени въ возмутившемся селѣ крестьянъ собралось уже болѣе 8 тысячъ и слѣдовательно необходимы были мѣры быстрыя и рѣшительныя. Надѣвши полную генеральскую форму, Дренякинъ началъ урезонивать и успокоивать Кандевцевъ, но всѣ его увѣщанія оказались тщетными. Тогда войскамъ приказано было стрѣлять. Начались залпы... Однако и подъ выстрѣлами крестьянинъ Будановъ кричалъ: „а мы всетаки не пойдемъ работать на помѣщиковъ“.

— Помремъ, поддерживалъ Буданова крестьянинъ Туриковъ,—а неволиться не станемъ: прошли барскія времена.

Послѣ нѣскольких залповъ крестьянская толпа оторопѣла, заволновалась и побѣжала, оставивши на мѣстѣ побоища 11 труповъ и 28 раненыхъ. Въ числѣ убитыхъ былъ глубокій (80 лѣтній) старикъ Фимушкинъ.

Немедленно началась переборка: болѣе виновныхъ

отдѣляли отъ менѣе виновныхъ. Въ числѣ первыхъ были, между прочимъ, слѣдующія лица.

Гвардейскій временно отпускной солдатъ Горячевъ, 26 лѣтъ. „Солдату надо, говорилъ онъ на мірскомъ сходѣ въ самомъ началѣ крестьянскихъ волненій,—стоять за мужиковъ". Вслѣдствіе этого онъ не повиновался уѣздной полиціи, грубилъ членамъ слѣдственной коммисіи и не ломая шапки слушалъ чтеніе царскаго *положенія*.

Противъ имени Горячева въ спискѣ подсудимыхъ рукою Дренякина была написана такая конфирмація: „лишается военнаго званія и медали и по наказаніи шпицрутенами *чрезъ 100 человѣкъ 7 разъ* ссылается въ отдаленные Сибирскіе рудники на 15 лѣтъ".

Вторымъ важнымъ подсудимымъ по Кандевскому дѣлу оказался старый 72-лѣтній гренадеръ Елизаровъ, украшенный четырьмя знаками военнаго ордена, бывшій герой отечественной войны. Когда генералъ Дренякинъ явился передъ крестьянскою толпою, старикъ Елизаровъ сталъ впереди всѣхъ и заговорилъ: „мы всѣ должны стоять за правое крестьянское дѣло, за Бога и за Царя".—Что сдѣлали съ ветераномъ-гренадеромъ—неизвѣстно. Противъ его имени никакой конфирмаціи нѣтъ.

Въ окончательной формѣ судъ произнесенъ былъ надъ подсудными крестьянами 17 апрѣля, по телеграммѣ отъ шефа жандармовъ. Виновныхъ раздѣлили на три категоріи. Первую лишили всѣхъ правъ состоянія, тѣлесно наказали и сослали въ рудники. Здѣсь было 18 человѣкъ.

Вторую категорію, по наказаніи шпицрутенами или розгами и по лишеніи правъ и состоянія, отправили на поселеніе. Этихъ было 29 человѣкъ.

Въ третью категорію попали только 9 человѣкъ. Имъ отсчитали по 300 розогъ и затѣмъ отпустили по домамъ*).

*) Примѣч. Въ 1864 году всѣ сосланные въ Сибирь по Кандевскому дѣлу всемилостивѣйше были прощены и возвратились домой.

Печальная церемонія экзекуціи происходила надъ Кандевскими крестьянами и ихъ соучастниками 18 апрѣля. Присутствовали при этомъ генералъ-майоръ Дрейкинъ, Пензенскій жандармскій штабъ-офицеръ, Керенскій уѣздный предводитель Ранцевъ, чины уѣздной полиціи и всѣ офицеры Казанскаго полка. Эта рѣшительная и, конечно, суровая мѣра спасла цѣлый край отъ новыхъ волненій и во всякомъ случаѣ прошла небезслѣдно и во всѣхъ другихъ губерніяхъ, для которыхъ Кандевское прискорбное событіе послужило предостереженіемъ и вразумленіемъ.

Заключая свой 2-й выпускъ, считаю долгомъ оговориться, что изслѣдованія мѣстныхъ и въ особенности Московскихъ историческихъ матеріаловъ мною будутъ продолжены. Къ этому рѣшенію я пришолъ на томъ основаніи, что тронутыя мною архивныя сокровища далеко еще не исчерпаны... Во всякомъ случаѣ я надѣюсь со временемъ издать въ свѣтъ еще 3-й выпускъ своихъ Тамбовскихъ очерковъ. Для этого опять потребуются поѣздки въ Москву, но такъ какъ въ моемъ распоряженіи свободнаго времени немного, то слѣдующій выпускъ откладывается на неопредѣленное время, примѣрно года на два. Въ настоящее время я успѣлъ только намѣтить тѣ мѣстные историческіе вопросы, по поводу которыхъ будутъ производиться мною розыски въ Московскихъ архивахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, наприм. Румянцевскій, межевой, синодальный и архивъ историческаго музея, мнѣ совсѣмъ еще неизвѣстны.

Не говоря о возможности палеонтологическихъ работъ, на что между прочимъ указываютъ находимыя въ разныхъ уѣздахъ нашей губерніи громадныя кости до-

потопныхъ животныхъ, я надѣюсь достигнуть извѣстныхъ результатовъ *по вопросу о борьбѣ Мордвы и Мещеры съ пришлымъ русскимъ населеніемъ*. Что эти племена первоначально враждовали и воевали съ нашими удѣльными князьями, въ особенности съ Нижегородскими и Рязанскими, это ясно само собою и смутно выражается и лѣтописцами. Ясно также и то, что первые русскіе колонисты въ предѣлахъ нашего бывшаго Мордовско-Мещерскаго края не могли жить среди туземцевъ спокойно и ихъ сближеніе съ бывшими врагами, вѣроятно, произошло въ эпоху Татарскаго ига, когда общая и тяжкая бѣда сроднила ихъ. Но все это одни намеки, требующіе документальнаго подтвержденія и развитія.

Второй вопросъ, разъясненіемъ котораго мы намѣрены заняться, это — *вопросъ о мѣстныхъ кудеярахъ*. Несомнѣнно, что еще издавна въ нашихъ дебряхъ и дикихъ степяхъ укрывались отъ Московскаго и иныхъ удѣльныхъ правительствъ разные смѣлые и рѣшительные люди—кудеяры или атаманы, которые укрѣплялись въ своихъ вольныхъ городкахъ и никого знать не хотѣли. На это указываютъ многочисленныя мѣстныя преданія и разбросанные по всей губерніи старинные земляные городки, внутри и около которыхъ совершенно случайно были находимы экземпляры древняго оружія: наконечники копій, боевые топоры, стрѣлы и мечи. Разбойничьи партіи усиливались въ нашемъ краѣ до того, что осмѣливались нападать на многолюдные заводы (наприм. Виндреевскій) и на города (Козловъ). Это было въ XVIII столѣтіи.

19 марта 1780 года первый нашъ генералъ-губернаторъ графъ Р. И. Воронцовъ далъ Тамбовскому губернатору А. И. Салтыкову слѣдующій ордеръ:

„Какъ до свѣдѣнія моего дошло, что ежегодно по наступленіи весны по рѣкѣ Мокшѣ бываютъ воровскія партіи, то прошу ваше превосходительство тѣхъ округъ къ капитанъ-исправникамъ послать указы и велѣть

для искорененія тѣхъ злодѣевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обыкновенно бываютъ, учредить изъ ближайшихъ селеній пикеты, а равно имѣть для поиску оныхъ разъѣзжія лодки" *).

25 марта того же 1780 года послѣдовалъ новый генералъ-губернаторскій ордеръ на имя А. И. Салтыкова:

„До свѣдѣнія моего дошло, что во многихъ мѣстахъ Тамбовской губерніи, а особливо около Шацка и Моршы, имѣются воровскія партіи, которыя разбиваютъ проѣзжающихъ; то вашему превосходительству чрезъ сіе рекомендую приложить ваше стараніе о искорененіи оныхъ, чего для и командировать команды для обыску оныхъ въ пчельникахъ и въ тѣхъ избахъ, гдѣ гнутъ ободья".

Тогда изъ Тамбова посланы были въ Моршанскій и Шацкій уѣзды конные и пѣшіе отряды губернской команды съ офицерами, а въ помощь имъ близь всѣхъ овраговъ, лѣсовъ и кустарниковъ поставлены были пикеты по 20 человѣкъ крестьянъ въ каждомъ, при десятскихъ и солдатахъ. Началась правильная партизанская война. Сражались *пѣшимъ и коннымъ обычаемъ*, холоднымъ оружіемъ и огнестрѣльнымъ. Главными правительственными командирами при этомъ были исправники: Моршанскій—Масловъ и Шацкій—Протасьевъ.

Между тѣмъ 12 мая 1780 года въ Тамбовѣ получено было оффиціальное извѣстіе о разбойникахъ и изъ Кирсановскаго уѣзда. Пришлось и туда отдѣлить часть губернской команды, потому что воровскія партіи заходили въ села даже днемъ и смѣло нападали на самые пикеты... **).

До самаго XVII столѣтія исторія нашего края представляется чрезвычайно отрывочно и неясно. Нашу Мордовско-Мещерскую сторону считали въ Москвѣ ди-

*) Арх. Тамб. губ. прав. № 218-й.
**) Тамъ же.

кою и безлюдною. И вдругъ въ концѣ названнаго столѣтія Тамбовскій край является на исторической аренѣ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ и съ сотнями православныхъ храмовъ. *Какъ произошло такое сравнительно плотное заселеніе нашего края, и когда—это будетъ составлять нашу третью тему.*

Если Тамбовскій край въ XVII столѣтіи былъ уже населенъ преобладающимъ русскимъ населеніемъ, то это мѣстное населеніе, вѣроятно, играло немаловажную роль въ смутную эпоху, въ особенности въ дѣлѣ освобожденія Москвы отъ Поляковъ и въ избраніи Михаила Романова на царство. *Но и объ этомъ мы не имѣемъ еще пока документальныхъ свидѣтельствъ.*

При патріархѣ Никонѣ, по поводу церковныхъ реформъ, въ русской жизни совершилось извѣстное религіозное раздѣленіе народа. Многочисленное православное населеніе нашего края и къ этому факту, разумѣется, равнодушно отнестись не могло и несомнѣнно принимало въ немъ близкое участіе. Но именно какое—*объ этомъ обстоятельно скажутъ намъ архивные документы, лежащіе доселѣ подъ спудомъ.* На эту тему мы пока знаемъ только то, что въ 1688 году нѣкто Кузьма Косой устроилъ близъ Тамбова раскольничій городокъ, поселился въ немъ съ 500-ми человѣкъ приверженцевъ и съ большимъ трудомъ былъ изгнанъ оттуда царскими воеводами. Кромѣ того намъ извѣстно, что въ XVII-мъ столѣтіи и началѣ XVIII-го всѣ наши лѣса переполнены были раскольничьими скитниками и скитницами.

Тщательныхъ архивныхъ изслѣдованій между прочимъ требуетъ казацкое Булавинское движеніе 1708 года. Какъ извѣстно, главный эсаулъ Кондратія Булавина Лука Хохлачъ 10 дней осаждалъ Тамбовъ, затѣмъ отступилъ и на пути былъ разбитъ драгунами. Послѣ этого Булавинъ застрѣлился, приверженцы его разсѣялись и все движеніе вдругъ прекратилось. Значитъ, *осада Тамбова и участь Луки Хохлача имѣли для Дон-*

скаго атамана особенно важное значеніе, которое надо разъяснить.

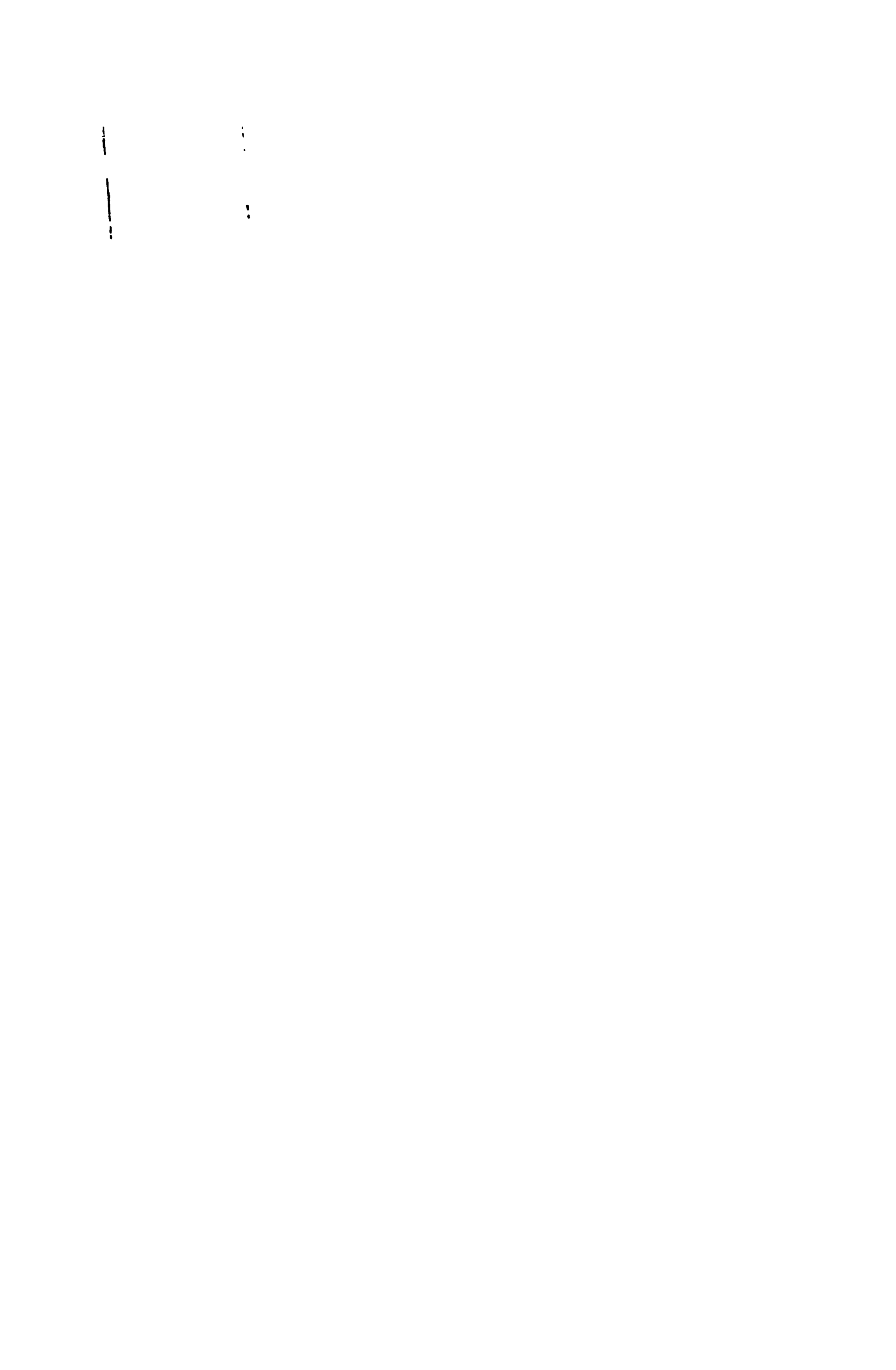
Въ 1732 году въ Тамбовскомъ селѣ Чуевѣ явились *самозванцы Алексѣй и Петръ Петровичи.* Быстро схваченные они были казнены. Фактъ этотъ, конечно, выдающійся и намъ очень хотѣлось бы ознакомиться съ нимъ по архивнымъ источникамъ.

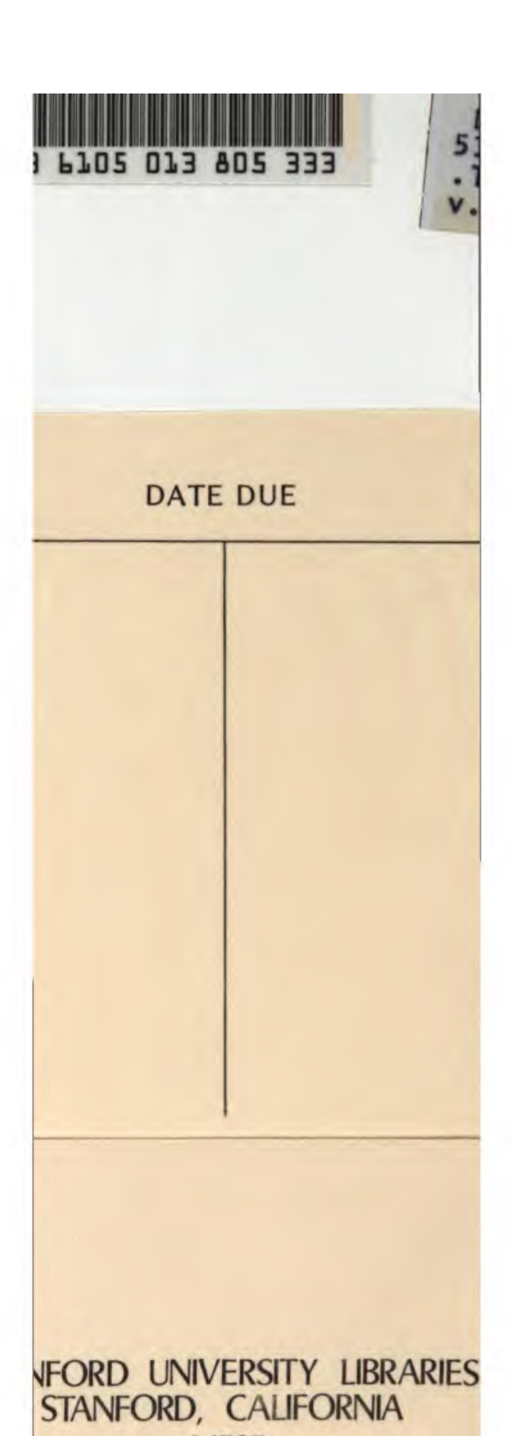
Уже и этихъ намѣченныхъ нами вопросовъ довольно для цѣлой книги. Но можетъ быть неожиданно откроются и еще какіе нибудь вопросы, такъ какъ архивное дѣло стоитъ у насъ невысоко и опытныхъ дѣлателей его всегда было мало... Я говорю о томъ, что при архивныхъ изысканіяхъ всегда можно расчитывать на открытіе такихъ документовъ, содержаніе которыхъ рѣшительно ни кому не извѣстно.

И. Дубасовъ.

г Тамбовъ.

3 6105 013 805 333
DATE DUE
NFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA

